
Когда
рушится мир,
остается
только выбор.
КОРДЕКС
JULIET BLACK
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Juliet Black

Кордекс

«Автор»
2026

Black J.

Кордекс / J. Black — «Автор», 2026

«КОРДЕКС» (полное издание)Двадцать лет назад мир рухнул под натиском Септы, оставив после себя разрушенные города, опустевшие земли и остатки человечества, вынужденного заново учиться выживать. Но даже конец цивилизации не смог остановить войны, ведь там, где исчезли законы и привычный порядок, власть оказалась в руках тех, кто был готов отнимать ее силой.Пока одни пытались построить новую жизнь среди руин, другие продолжали бороться за территории, ресурсы и людей, превращая уцелевшие города в крепости, а чужую слабость - в возможность получить преимущество. И мало кто знал, что еще до катастрофы за закрытыми дверями военных лабораторий проводились эксперименты, способные навсегда изменить человеческую природу. Их создатели стремились получить совершенное оружие, но последствия оказались куда страшнее, чем кто-либо мог предположить.

© Black J., 2026
© Автор, 2026

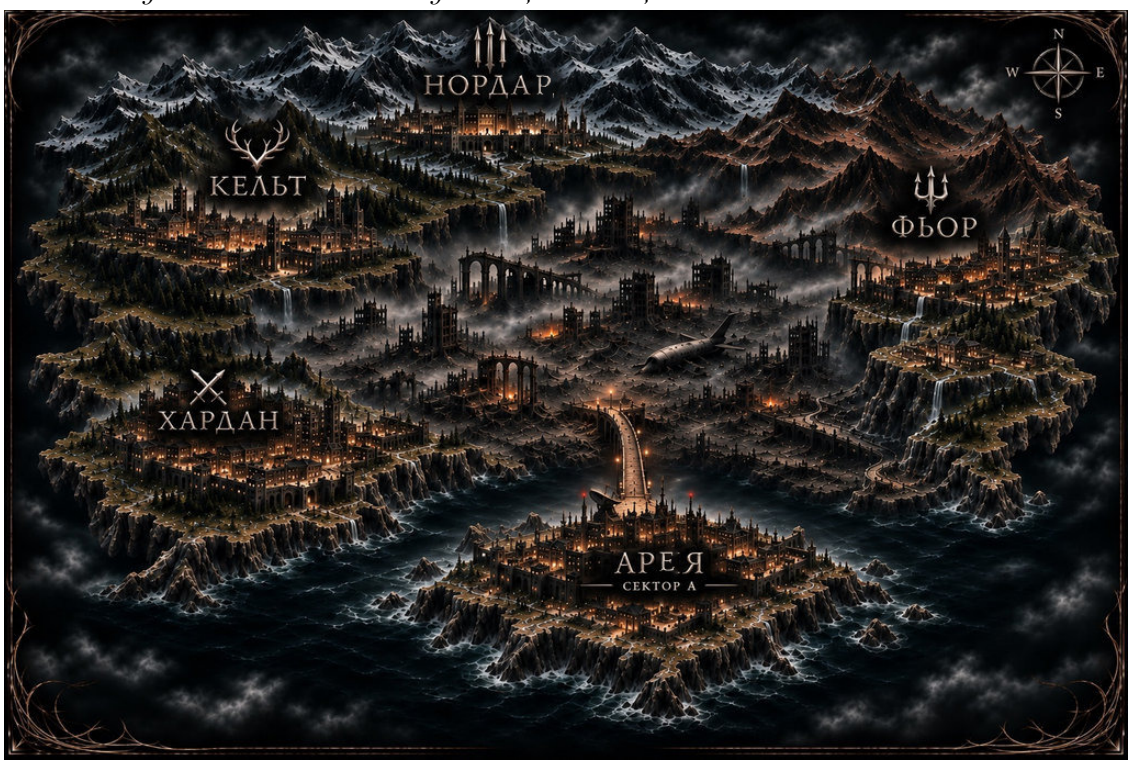
Содержание

Глава 1 5
Глава 2 16
Глава 3 27
Глава 4 37
Глава 5 44
Глава 6 52
Глава 7 61
Глава 8 71
Глава 9 78
Глава 10 87
Гл 97
Конец ознакомительного фрагмента. 98

Juliet Black
Кордекс

Глава 1

«Болезнь убила людей. Паника убила цивилизацию.»

База еще молчит. Массивные бетонные стены, уходящие глубоко в скалу, надежно защищают ее от внешнего мира. В коридорах горит приглушенный свет. Мы давно привыкли экономить ресурсы даже здесь, где есть практически все необходимое для жизни.

Сажусь на край кровати и опускаю ноги на холодный пол. После вчерашней нагрузки мышцы немного ноют, но привычная боль уже почти не беспокоит. Кордекс продолжает действовать даже во сне, постепенно восстанавливая организм.

Провожу ладонью по боку, где неделю назад, во время патрулирования периметра, получил ранение. Кожа уже затянулась, оставив лишь небольшую чувствительность в месте повреждения. Под ней сформировалась плотная ткань, гораздо прочнее той, что могла бы появиться у обычного человека.

Поднимаюсь и открываю металлический шкаф. Внутри аккуратно разложено снаряжение: ремни, защитные пластины, ножны и оружие. Мы давно отказались от привычной военной формы старого мира, оставив только то, что действительно необходимо.

Оружие здесь берегут, боеприпасы тщательно учитывают, а металл стараются не расходовать без нужды. Именно поэтому мы предпочитаем клинки и уделяем столько внимания ближнему бою. В условиях постоянной нехватки ресурсов умение защитить себя без огнестрельного оружия становится необходимостью.

Начинаю одеваться, привычными движениями закрепляя снаряжение. Перекидываю ремень через плечо, проверяю крепление ножа, затем фиксирую второй на бедре так, чтобы он не мешал двигаться. Последним надеваю пистолет в кобуре. Пользоваться им приходится редко, и я предпочитаю, чтобы так оставалось и дальше.

Закончив, проверяю, надежно ли закреплено оружие, и закрываю шкаф.

В Арее порядок поддерживается не одними правилами. За ним стоят люди, которые ежедневно выходят за периметр, охраняют территорию и готовы первыми встретить опасность. Я не могу требовать от них того, чего не готов сделать сам. Если возникает угроза, мое место впереди остальных.

Именно поэтому я никогда не воспринимал Кордекс как обычное лекарство.

Когда-то его называли адаптационным протоколом, программой усиления и экстренной регенерацией. Названия менялись, но цель оставалась прежней: создать солдата, способного выдерживать тяжелые ранения, продолжать сражаться и выживать в условиях, недоступных обычному человеку.

Для экспериментов выбрали детей. Наши организмы еще развивались, кости продолжали формироваться, а реакции на страх и боль отличались от взрослых. По расчетам ученых, именно мы лучше всего подходили для испытаний.

Понимание того, что с нами происходило, пришло значительно позже.

В детстве я знал лишь одно: после очередной инъекции тело охватывал мучительный жар, мышцы болезненно сокращались, а привычные ощущения становились гораздо острее. Порезы затягивались быстрее, синяки исчезали за считаные часы, и даже серьезные повреждения переставали беспокоить раньше, чем должны были.

Нас было двенадцать, почти одного возраста. Разница в несколько лет не имела значения, поскольку условия для всех оставались одинаковыми.

Каждого держали в отдельном блоке. На процедуры водили по разным коридорам, а время обследований распределяли так, чтобы мы как можно реже пересекались. Разговаривать друг с другом запрещалось, и даже имен остальных детей мы не знали.

И все же иногда нам удавалось увидеть друг друга. Через стеклянные перегородки медицинских отсеков, в отражениях металлических дверей или во время случайных встреч в коридорах. Обычно это продолжалось всего несколько секунд, прежде чем сопровождающие уводили нас дальше.

Я помню эти короткие взгляды. Тогда мне хотелось хотя бы узнать, кто остальные дети и почему они находятся здесь, но задавать подобные вопросы было бесполезно.

Нам ничего не рассказывали о родителях. Мы не знали, существовали ли они вообще и откуда нас привезли. Вместо семьи вокруг постоянно находились люди в военной форме, врачи

и сотрудники с планшетами, которые проводили обследования, задавали вопросы и записывали результаты.

Для них мы были частью эксперимента.

Кордекс вводили каждому из нас регулярно. Частота инъекций зависела от показателей организма: иногда процедуры проводили чаще, иногда между ними делали перерывы. Никто не объяснял, что именно содержится в препарате и какие последствия он может вызвать.

Мы знали лишь то, что после введения сыворотки организм начинал восстанавливаться значительно быстрее. Раны затягивались, поврежденные кости срастались, а травмы, которые могли оказаться смертельными, переставали представлять прежнюю угрозу.

Когда началась Септа и мир постепенно погрузился в хаос, мы долгое время ничего об этом не знали.

Остров продолжал жить в привычном режиме. Генераторы обеспечивали базу электричеством, системы очистки подавали воду, в теплицах выращивали продукты. Сектор А изначально проектировали как автономный военный комплекс, способный существовать годами без помощи извне. Здесь имелись собственные склады, мастерские и все необходимое для длительной изоляции.

Поэтому первые признаки катастрофы мы заметили лишь по поведению персонала.

Сначала начали исчезать ученые, затем часть остальных сотрудников. Взрослые все чаще разговаривали между собой вполголоса, некоторые выглядели встревоженными. При этом наши процедуры продолжались, и распорядок дня почти не менялся.

А потом стали пропадать дети.

Я замечал пустующие помещения, мимо которых нас иногда проводили, и постепенно понимал, что остальных становится все меньше. Никто не объяснял, куда их увозят и вернутся ли они когда-нибудь.

Тогда я впервые по-настоящему испугался того, что однажды могут прийти и за мной.

Лишь позднее выяснилось, насколько серьезной была ситуация за пределами острова. Вирус распространялся, города один за другим теряли управление, люди пытались эвакуироваться и найти безопасные территории. Многие бросали дома и все имущество, надеясь хотя бы сохранить жизнь.

Сектор А оказался одним из немногих мест, куда катастрофа не добралась. Благодаря изоляции и автономным системам остров продолжал функционировать, пока на материке разрушалась привычная цивилизация.

Когда периметр окончательно закрыли, мне было одиннадцать лет.

Связь с внешним миром оборвалась, а оставшиеся сотрудники впервые перестали скрывать собственную растерянность. Даже они не знали, что будет дальше и сколько продлится изоляция.

В итоге из двенадцати детей остались только трое.

Я, Аксейд и Демарис.

Мы выжили не потому, что кто-то решил нас защитить. Просто оказались среди тех, кого не успели или не захотели вывезти.

После этого заботу о нас взял на себя Марк.

Он был военным, уже немолодым и заметно уставшим от всего происходящего. Марк открыто ненавидел эксперименты с Кордексом. Я хорошо помню, как он смотрел на медицинские отчеты и ампулы с препаратом. Иногда ему достаточно было увидеть очередную запись, чтобы надолго замолчать.

В отличие от ученых, он никогда не относился к нам как к результатам испытаний.

Марк понимал, что с нами сделали, и считал это недопустимым. Он стал первым взрослым, который начал заботиться о нашей безопасности, а не только о состоянии организма.

Он учил нас выживать, принимать решения и не подчиняться слепо чужим приказам. Старался объяснить, что физическая сила сама по себе ничего не стоит, если человек не способен контролировать собственные действия.

Благодаря ему мы постепенно перестали чувствовать себя подопытными и начали воспринимать остров как дом.

С возрастом действие Кордекса становилось заметнее.

У меня изменения прежде всего проявились в физической силе и выносливости. Я мог поднимать тяжести, с которыми не справлялись взрослые мужчины, выдерживать длительные нагрузки и продолжать сражаться даже после серьезных ранений. Организм восстанавливался быстро, позволяя возвращаться к работе гораздо раньше остальных.

Провожу пальцами по ремню на груди, проверяя крепление. Иногда мне кажется, что я настолько привык к возможностям собственного тела, что перестал замечать, насколько сильно они отличаются от обычных человеческих.

Когда Марк умер, остров уже назывался Ареей.

К тому времени сюда начали прибывать выжившие с материка. Люди покидали разрушенные города и опасные поселения, надеясь найти место, где можно спокойно жить, работать и растить детей.

Мы не могли принимать всех без исключения. Запасы продовольствия, воды и медикаментов были ограничены, а любое необдуманное решение могло поставить под угрозу безопасность жителей. Поэтому пришлось установить строгие правила отбора и распределения ресурсов.

Мне было двадцать восемь, когда руководство городом перешло ко мне.

Я никогда не стремился к власти. Просто постепенно стало очевидно, что кто-то должен отвечать за оборону, снабжение и решения, от которых зависели жизни людей. Я уже обладал необходимым опытом и понимал, насколько опасно оставлять город без единого руководства.

Сейчас мне тридцать два.

За прошедшие четыре года пришлось принять немало тяжелых решений. Некоторые жители считают меня жестоким, и я не пытаюсь их переубедить. В определенных обстоятельствах мягкость может стоить гораздо дороже, чем строгость.

Мое главное преимущество всегда заключалось в способности выдерживать нагрузки, которые оказались бы непосильными для других. Я могу продолжать бой, когда обычный человек уже не способен подняться, и готов первым принять удар, если это поможет сохранить жизни остальных.

Но Кордекс изменил каждого из нас по-разному.

У Аксейда наиболее сильно развился слух. Он способен различать едва заметные изменения в дыхании, сердцебиении и движениях человека. По этим признакам определяет напряжение, страх и попытки скрыть истинные намерения.

Для него важны не столько произнесенные слова, сколько то, как именно человек их произносит. Иногда Аксейд замечает ложь раньше, чем собеседник успевает закончить предложение.

Однако у этой способности есть недостатки.

Его раны тоже заживают быстрее обычного, но боль сохраняется дольше. Кроме того, обостренный слух вынуждает постоянно отделять важные звуки от общего шума. Даже находясь в безопасности, Аксейд редко может полностью расслабиться.

У Демариса изменения проявились иначе.

Кордекс усилил его зрение и координацию движений. Он замечает мельчайшие изменения в положении тела противника, определяет направление удара по движению плеч или переносу веса и способен реагировать прежде, чем человек завершит действие.

В бою это дает ему огромное преимущество.

Демарис практически не совершает лишних движений. Он заранее оценивает расстояние, положение противника и наиболее уязвимые участки тела, поэтому редко нуждается в повторном ударе.

Не имеет значения, что находится у него в руках: нож, клинок или огнестрельное оружие. Благодаря точности движений он одинаково опасен на близкой дистанции.

Его организм тоже быстро восстанавливается после повреждений. Раны обычно затягиваются ровно, практически не оставляя заметных следов.

Несмотря на различия, всех троих объединяет одно.

Кордекс продолжает действовать в наших организмах.

И его существование остается одной из самых опасных тайн Ареи.

Препарат до сих пор хранится в медицинских блоках и специальных хранилищах. Мы используем его для лечения тяжелых ранений, но прекрасно понимаем, что произойдет, если информация о его возможностях распространится за пределы острова.

Сюда начнут прибывать люди, желающие получить сыворотку. Одни будут просить помощи, другие попытаются завладеть ею силой. Рано или поздно Арея превратится в цель для тех, кто увидит в Кордексе возможность получить преимущество над остальными.

Я не собираюсь этого допускать.

Слишком многое пришлось пережить, чтобы сохранить остров и превратить бывший военный комплекс в город, где люди могут рассчитывать на будущее.

До сих пор неизвестно, что случилось с остальными детьми. Возможно, некоторые выжили. Возможно, оказались в других лабораториях или попали в руки тех, кто продолжил эксперименты.

Ответов у нас нет.

В последний раз проверяю снаряжение и выхожу из комнаты.

Направляюсь вниз, к помещениям бывшего архива.

За прошедшие годы слово «бывший» стало привычным. Почти все на острове когда-то имело другое назначение, а многие помещения до сих пор хранят следы прежней жизни.

Перед массивной металлической дверью останавливаюсь и прикладываю ладонь к холодной поверхности. Такие двери устанавливали только в особо важных секторах, где требовалась дополнительная защита.

Открываю замок и захожу внутрь.

В архиве прохладно. Вдоль стен тянутся стеллажи с контейнерами и уцелевшими документами. В дальнем углу стоят серверные блоки, большая часть которых давно вышла из строя. Некоторые системы удалось восстановить, но информация сохранилась лишь частично.

После закрытия острова документы остались в беспорядке. Часть отчетов была повреждена, другие оказались разбросаны по разным хранилищам. На восстановление записей ушли годы.

Марк одним из первых начал разбирать архивы.

Я помню, как он часами изучал найденные материалы, иногда возвращаясь к одним и тем же страницам. После особенно тяжелых отчетов он мог долго сидеть неподвижно, не произнося ни слова.

Тогда я не понимал, что именно он обнаружил.

Позже, когда мне самому пришлось ознакомиться с результатами экспериментов, все стало ясно.

Кордекс никогда не был одним препаратом с неизменным составом. Существовало множество версий и протоколов, которые ученые постепенно изменяли, пытаясь добиться более выраженного эффекта.

В отчетах подробно описывались дозировки, реакции организма, периоды адаптации и последствия превышения допустимых значений.

Большинство результатов оказались смертельными.

Вместо прямого указания причин смерти сотрудники использовали медицинские формулировки: «отказ организма», «неконтролируемая деградация», «неудачная адаптация».

Но за каждым таким заключением стоял ребенок, который не пережил очередную процедуру.

Высокие дозы Кордекса разрушали нервную систему, повреждали сердце и костный мозг. Вместо восстановления организм испытывал нагрузки, с которыми не мог справиться.

Ученые продолжали увеличивать дозировки, надеясь получить более сильную реакцию, хотя результаты предыдущих испытаний уже показывали, насколько опасными были подобные решения.

В сохранившихся документах остались списки погибших. Вместо имен во многих случаях указаны лишь номера, даты процедур и заключения о завершении эксперимента.

Мы с Аксейдом и Демарисом выжили благодаря тому, что наши организмы сумели приспособиться к препарату.

В отчетах это называлось устойчивой адаптацией.

Подобная реакция встречалась крайне редко. Процент успешных испытаний был настолько низким, что большинство детей изначально рассматривали лишь как очередной материал для проверки новых версий.

Останавливаюсь возле одного из стеллажей и достаю старую папку. Обложка давно потеряла цвет, но маркировка все еще различима.

Перелистываю несколько страниц, просматривая знакомые записи.

За прошедшие годы мы научились использовать Кордекс значительно осторожнее. В небольших дозах препарат способен остановить сильное кровотечение, ускорить восстановление поврежденных тканей и дать врачам дополнительное время для спасения пациента.

Но превышение допустимого количества по-прежнему смертельно опасно.

Поэтому в медицинских блоках действуют строгие ограничения. Сыворотку применяют только при необходимости, дозировки контролируют, а любые эксперименты с изменением состава запрещены.

Мы слишком хорошо знаем, чем заканчиваются попытки получить от Кордекса больше, чем способен выдержать человеческий организм.

Возвращаю папку на место и подхожу к одному из закрытых контейнеров.

Маркировка на металлической поверхности почти стерлась. Открываю крышку и осматриваю старые ампулы, оставшиеся со времен экспериментов. Использовать их нельзя, но и уничтожить пока не решились.

В этом заключается одна из главных проблем Ареи.

Кордекс помогает спасать людей и дает нам преимущество в борьбе за выживание. Но неправильное применение может привести к новым смертям, а распространение информации о препарате неизбежно привлечет тех, кто захочет использовать его в собственных целях.

Закрываю контейнер и устанавливаю дополнительный замок.

Дело не только в возможной краже. Я слишком хорошо знаю, насколько быстро люди забывают об опасности, когда им предлагают силу, здоровье или возможность стать лучше остальных.

Убедившись, что хранилище надежно закрыто, направляюсь к выходу.

В коридорах постепенно становится оживленнее. Слышатся шаги патрульных, голоса сотрудников и шум оборудования. Начинается очередная смена, рейдовые группы готовятся покинуть остров, а работники занимают свои места.

Арея просыпается.

Поднимаюсь по металлической лестнице, ведущей к верхнему уровню базы. Сектор А строили прежде всего для обороны и длительного автономного существования. Поэтому здесь

сохранились толстые бетонные стены, узкие переходы и прочные металлические конструкции, рассчитанные на серьезные нагрузки.

Выхожу наружу и останавливаюсь, вдыхая прохладный морской воздух.

Когда-то здесь находился обычный военный комплекс с одинаковыми зданиями, ангарами, складами и жилыми блоками для персонала. Все строения располагались в строгом порядке, а территория была разделена на отдельные функциональные зоны.

За двадцать лет остров сильно изменился.

Между старыми корпусами появились новые дома из камня, переработанного бетона и металла. Большинство зданий невысокие, но прочные, рассчитанные на длительное использование. Мы стараемся строить так, чтобы не приходилось постоянно возвращаться к одним и тем же проблемам.

За внутренним периметром люди занимаются сельским хозяйством. Одни работают на полях, другие ухаживают за растениями в теплицах или кормят животных. Здесь выращивают овощи, злаки, зелень и кормовые культуры, стараясь максимально использовать доступную землю.

Почва на острове не везде подходит для земледелия, но за годы жители научились улучшать ее и подбирать растения, способные давать стабильный урожай.

Перевожу взгляд дальше, к мастерским.

Оттуда уже доносятся удары металла и шум работающего оборудования. Мастера ремонтируют инструменты, изготавливают необходимые детали и восстанавливают технику, найденную во время вылазок.

Дерево сушат и используют для строительства, металл переплавляют или приспосабливают для новых конструкций. Даже поврежденные механизмы редко отправляются на свалку, поскольку из них почти всегда можно извлечь что-нибудь полезное.

В Арее стараются ничего не расходовать напрасно.

Кроме рабочих и бойцов, у нас есть врачи, механики, связисты, специалисты по водоснабжению и энергетике. Отдельные группы отвечают за учет продовольствия, распределение материалов и обслуживание городских систем.

Есть и учителя.

Детей становится больше, и я считаю необходимым, чтобы они получали образование, а не только учились выживать. Если новое поколение не будет знать ничего, кроме оружия и борьбы за ресурсы, мы рано или поздно повторим ошибки старого мира.

Денег в Арее нет.

После катастрофы привычная финансовая система утратила смысл, поэтому мы выстроили собственный порядок. Каждый трудоспособный житель выполняет определенную работу и получает из общих запасов необходимые продукты и вещи.

Такая система требует дисциплины и ответственности. Если кто-то перестает выполнять свои обязанности без причины, дополнительная нагрузка ложится на остальных.

Именно поэтому людей, которые сознательно отказываются приносить пользу городу, здесь не держат.

Останавливаю взгляд на тренировочной площадке.

Несколько бойцов уже разминаются, другие отрабатывают удары и приемы ближнего боя. Часть участников готовится к занятиям с оружием.

Наше войско значительно отличается от армий, существовавших до Септы. Мы не проводим парадов и не тратим время на показательные выступления. Главное для нас — подготовить людей к реальным столкновениям.

Любой житель Ареи, способный выдержать обучение, может вступить в войско, служить на периметре или участвовать в рейдах за пределами острова.

Бойцов учат правильно распределять силы, ориентироваться на незнакомой территории, действовать в группе и вовремя оценивать угрозу. Особое внимание уделяется взаимной поддержке, поскольку в пустошах даже опытный человек может погибнуть из-за одной ошибки.

Не все выдерживают подготовку. Некоторые предпочитают вернуться к гражданской работе, и в этом нет ничего предосудительного. Для защиты города нужны люди, которые понимают, с чем им придется столкнуться, и готовы принимать связанные с этим риски.

За пределами острова опасность исходит не только от разрушенных зданий и существ, появившихся после катастрофы.

Там продолжают жить люди.

На материке сохранились отдельные города, поселения и вооруженные группировки, которые постоянно соперничают за территории и ресурсы. Некоторые сумели наладить собственное производство, другие существуют за счет грабежей и нападений на соседей.

Столкновения происходят регулярно. Люди воюют за продовольствие, оборудование, пригодные для жизни земли и возможность контролировать чужой труд.

Поэтому во время вылазок приходится опасаться не только неизвестной местности, но и встреч с теми, кто может увидеть в нашей группе легкую добычу.

О существовании Ареи знают далеко за пределами острова.

Не все понимают, что именно находится здесь, но слухи о безопасном городе с работающими системами снабжения распространяются быстро. А если к ним добавится информация о Кордексе, желающих попасть сюда станет еще больше.

Мы охраняем остров не только ради сохранения сыворотки.

Здесь удалось создать условия, в которых люди могут жить, работать и планировать будущее, не ожидая нападения каждую ночь. Я не собираюсь позволять чужим амбициям разрушить то, чего мы добились за двадцать лет.

Некоторое время наблюдаю за городом.

Арея далека от совершенства. Нам постоянно приходится решать проблемы с ресурсами, обороной и новыми жителями. Однако система работает, а люди знают, что могут рассчитывать на безопасность и поддержку.

И пока я отвечаю за этот город, сделаю все возможное, чтобы так продолжалось.

Замечаю приближающегося Аксейда.

Он идет по дорожке спокойным, почти бесшумным шагом. На нем кожаные штаны, темная куртка и привычное снаряжение. Клинок закреплен на поясе, второй находится за спиной, а пистолет расположен так, чтобы при необходимости его можно было быстро достать.

Аксейд никогда не носит ничего лишнего и предпочитает практичную одежду, не ограничивающую движений.

Его лицо, как обычно, остается спокойным. Он редко показывает эмоции, а благодаря обостренному слуху зачастую понимает происходящее вокруг раньше, чем остальные успевают что-либо заметить.

Спускаюсь по ступеням ему навстречу.

Аксейд останавливается в паре шагов от меня.

— Прибыли новенькие, — говорит он.

По его голосу понимаю, что дело не ограничивается обычной проверкой прибывших.

— Проверил? — спрашиваю я.

— Да, — отвечает он сразу. — Мужчины. Средний возраст. Просят защиты и укрытия.

Аксейд слегка щурится, обдумывая результаты наблюдений.

— И? — говорю я.

— Врут, — отвечает он спокойно. — История выстроена ровно, слова подобраны правильно, но дыхание сбивается не там, где должно. Паузы возникают раньше мыслей. Один из них следит за моими движениями слишком внимательно, второй — за реакцией. Они говорят одно, а напряжение в теле идет вразнобой.

Для Аксейда подобные признаки имеют большое значение. Благодаря слуху он способен различать изменения в дыхании и сердцебиении, замечать неестественные паузы и определять, когда человек пытается скрыть свои намерения.

За годы совместной работы я научился доверять его наблюдениям.

Делаю шаг ближе и коротко хлопаю его по плечу.

— Я тебе доверяю, — говорю я. — Если считаешь, что они лгут — они здесь не остаются. Без разговоров и без второго шанса.

Аксейд кивает.

— Через полчаса собирайся, — добавляю я. — Выходим в пустоши. Нужны кабели, сплавы и фильтры. Все, что еще можно использовать.

Он слегка наклоняет голову.

— Кого брать?

— Демарис идет с нами. И возьми Криса, Макса и Грея.

Аксейд уже собирается уходить, но на мгновение задерживается.

— Принял.

Он разворачивается и направляется к тренировочной площадке, оставляя меня одного.

Провожаю его взглядом, мысленно оценивая состав предстоящей группы.

Крис самый молодой среди тех, кого я решил взять. Худощавый, быстрый и упрямый, он еще не успел окончательно привыкнуть к жестокости внешнего мира. Несмотря на отсутствие усилений, обладает достаточной смелостью, чтобы первым броситься на помощь товарищу.

Иногда эта готовность рисковать мешает ему трезво оценивать ситуацию. Но именно благодаря ей он уже не раз помогал другим выбраться из опасного положения.

Макс отличается совершенно другим характером.

Молчаливый, крепкий и дисциплинированный, он предпочитает выполнять поставленные задачи, не вступая в лишние споры. На него можно положиться даже в сложных обстоятельствах, поскольку он редко позволяет эмоциям влиять на собственные решения.

Грей не обладает выдающейся силой или скоростью, зато умеет правильно оценивать обстановку. Во время столкновений он внимательно следит за действиями остальных и вовремя приходит на помощь тем, кто оказывается в опасности.

Такие бойцы особенно важны для любой группы. Они не стремятся выделиться, но благодаря их надежности удается избегать многих потерь.

Их организмы не способны восстанавливаться с нашей скоростью, а серьезное ранение может навсегда лишить возможности продолжать службу.

Тем не менее они снова и снова добровольно выходят вместе с нами за периметр, прекрасно понимая, насколько опасными бывают такие вылазки.

Именно за это я их уважаю.

Физические способности дают преимущество, но не заменяют смелости, дисциплины и готовности поддерживать товарищей.

Глава 2

Мы собираемся у внутреннего периметра.

Аксейд уже на месте. Как обычно, он пришел раньше остальных и теперь стоит чуть в стороне, прислонившись спиной к стене. Отсюда ему хорошо видны ворота и подходящие к ним люди. Впрочем, зрение для него далеко не главное. Даже сейчас, пока остальные только собираются, Аксейд прислушивается к окружающим звукам, отделяя привычный шум базы от всего, что может заслуживать внимания.

Демарис появляется следом. Идет уверенно, без малейшей спешки, словно впереди обычная прогулка, а не выход в пустоши. Оружие закреплено так, чтобы его можно было достать в любой момент. Заметив меня, он слегка усмехается.

Крис, Макс и Грей подходят вместе.

Крис сразу начинает осматриваться, то и дело поправляя ремень на плече. Макс держится рядом, спокойный и собранный, уже готовый выполнять распоряжения. Грей останавливается немного позади остальных, выбирая место, откуда удобно следить за происходящим.

Дожидаюсь, пока все займут свои места, и оглядываю группу.

— Работаем без спешки. Все, что выбивается из фона, — повод остановиться. Ошибок там не прощают.

— Ясно, — отвечает Крис, коротко кивает, стискивая ремень на плече.

Макс отвечает сразу, не глядя в сторону:

— Принял.

Грей молчит, но смещается чуть ближе, так, чтобы видеть всех сразу. Я это отмечаю.

— Если кто-то выйдет — долго не проживет, — отвечает Демарис, усмехаясь.

— Не ищи лишнего.

— Я и не ищу, — отвечает он. — Просто готов.

Аксейд по-прежнему молчит. Перед выходом он редко участвует в разговорах, предпочитая сосредоточиться на окружающих звуках. Если что-нибудь привлечет его внимание, мы узнаем об этом первыми.

Направляемся к воротам.

Массивные металлические створки медленно расходятся, сопровождаемые скрежетом тяжелого механизма. За ними начинается мост, соединяющий остров с материком. За прошедшие годы он стал неотъемлемой частью Ареи, обеспечивая доступ к территориям, откуда мы доставляем необходимые городу материалы.

Первыми на мост ступаем мы с Демарисом. Под ногами глухо отзывается металл, затем его сменяет бетон, а дальше начинается потрескавшийся асфальт старой дороги.

По мере удаления от острова меняется даже воздух. Морская влажность постепенно уступает сухости материка, а привычные запахи города остаются позади.

Демарис поравнялся со мной. Он внимательно осматривает дорогу и прилегающую территорию, время от времени задерживая взгляд на местах, где может скрываться опасность.

— Придется идти глубже, — говорит он негромко. — По ближним точкам уже почти ничего не осталось. Все ценное вычистили раньше.

— Я знаю, — отвечаю я.

— Там могут быть другие.

— Если будут — разберемся, — говорю я. — Не теряйте фокус.

Демарис хмыкает, вытаскивает нож, перекатывает его в пальцах, проверяя баланс.

— Пусть попробуют, — говорит он спокойно. — Им это не понравится.

— Ты слишком любишь лишние столкновения.

— Я просто не избегаю их, — отвечает он и убирает нож обратно. — Разница есть.

Продолжаем путь, постепенно углубляясь в пустоши.

Сначала вдоль дороги тянутся остатки старых сооружений и разбитые бетонные ограждения. Затем начинаются участки открытой земли, где за двадцать лет так и не восстановилась растительность. Местами асфальт полностью разрушен, и приходится обходить глубокие трещины и провалы.

Поднявшись на очередной возвышенный участок дороги, мы наконец видим город.

Вернее, то, что от него осталось.

Когда-то здесь находился крупный городской центр с высотными зданиями, широкими улицами и плотной застройкой. Теперь многие дома стоят перекошенными, часть верхних этажей обрушилась, а стеклянные фасады давно лишились большей части окон.

Некоторые строения сохранились почти полностью, другие повреждены настолько сильно, что непонятно, как они до сих пор не рухнули.

Останавливаюсь на несколько секунд, осматривая разрушенные кварталы.

На фасадах видны многочисленные следы от пуль. Несколько зданий сильно пострадали от пожаров, а обвалившиеся балконы и перекрытия завалили прилегающие улицы.

Судя по всему, здесь происходили продолжительные вооруженные столкновения.

Вирус не был единственной причиной гибели людей. Когда началась паника, многие пытались защитить собственное имущество и запасы, а другие пользовались беспорядками, чтобы завладеть чужими.

Об этом до сих пор напоминают баррикады из перевернутых автомобилей, мебели и бетонных блоков. Некоторые входы в здания замурованы, окна нижних этажей заколочены изнутри. Люди старались укрепить свои убежища, но далеко не всем удалось их удержать.

За двадцать лет город неоднократно обыскивали.

Большинство квартир давно разграблено, магазины опустошены, а из складов вынесли практически все, что можно было использовать. Иногда среди мусора еще попадаются старые консервы или упаковки продуктов, но рассчитывать на их сохранность не приходится.

Мы приходим сюда за другим.

Металл, кабели, инструменты, запчасти, фильтры и уцелевшее оборудование по-прежнему представляют ценность. Все это можно восстановить, переработать или использовать для обслуживания городских систем.

Именно такие материалы позволяют Арее продолжать существовать без постоянной зависимости от внешних поставок.

Однако мы далеко не единственные, кто занимается поисками.

В пустоши регулярно выходят группы из соседних поселений, вооруженные отряды и одиночки, которые добывают все необходимое самостоятельно. Некоторые предпочитают обмениваться найденным, но многие считают гораздо более простым способом завладеть чужими запасами.

Поэтому встреча с другими людьми далеко не всегда заканчивается разговором.

Чаще всего сначала оценивают численность группы, вооружение и количество груза. Если противник кажется слабее, нападение может последовать без предупреждения.

Я хорошо знаю, насколько опасно недооценивать подобные встречи.

Подаю знак продолжать движение.

Мы спускаемся к первым улицам, постепенно приближаясь к разрушенным зданиям.

Входим в город осторожно. Между высокими стенами хорошо разносится звук шагов, а многочисленные проемы и обрушенные конструкции создают достаточно мест для засады.

Приходится постоянно следить за окнами, перекрестками и проходами между домами.

Аксейд держится немного левее остальных. Время от времени он слегка поворачивает голову, прислушиваясь к скрипу металла, звону разбитого стекла и другим звукам, которые ветер разносит по пустым улицам.

Демарис идет впереди, внимательно изучая расположение зданий. Его интересуют не сами разрушения, а возможные пути передвижения, укрытия и места, откуда противник может неожиданно атаковать.

Крис заметно напряжен, хотя старается этого не показывать. Он следит за Максом и постепенно подстраивается под его размеренный шаг, чтобы не создавать лишнего шума.

Грей замыкает группу, регулярно оглядываясь и проверяя пространство позади нас.

Проходим мимо очередного разрушенного здания. На первом этаже сохранились остатки старой вывески, а за разбитыми окнами виднеются перевернутые стеллажи.

Когда-то здесь жили обычные люди. Работали, строили планы, занимались повседневными делами, даже не подозревая, насколько быстро все может закончиться.

Теперь от прежней жизни остались лишь пустующие здания и разбросанные вещи.

Каждый раз, оказываясь в подобных местах, я вспоминаю, почему так важно поддерживать порядок в Арее. Достаточно позволить страху и жадности взять верх, и даже хорошо устроенный город может превратиться в такие же развалины.

Аксейд внезапно останавливается.

Замечаю это почти сразу и поднимаю руку, приказывая остальным замереть.

Демарис настороженно осматривается. Крис и Макс смещаются ближе друг к другу, а Грей остается позади, прикрывая нас со спины.

Аксейд медленно вытаскивает клинок и опускается на одно колено. Его плащ ложится складками на потрескавшийся бетон, а острие меча едва касается земли.

Он замирает, прислушиваясь.

Наблюдаю за ним, стараясь не отвлекать. Постепенно его плечи расслабляются, дыхание выравнивается, а внимание полностью сосредотачивается на звуках разрушенного города.

В такие моменты Аксейд способен различать даже очень отдаленные шаги и движения за стенами. Главное для него — определить направление, расстояние и количество возможных противников.

Спустя несколько мгновений он поднимает голову, глядя в сторону темного проема между разрушенными этажами.

— Ты ошибешься раньше, чем сделаешь шаг, — говорит он негромко.

— Что там? — спрашиваю я.

Он не поворачивает голову.

— Один впереди, — отвечает он. — Двигается медленно. Старается не шуметь.

Аксейд ненадолго замолкает, продолжая прислушиваться.

— И еще трое в здании справа на втором этаже, они не смотрят наружу. Ждут.

Перевожу взгляд на указанное здание.

Обычный полуразрушенный дом с выбитыми окнами и широким провалом вместо входной двери. Никакого движения снаружи не видно.

Но если Аксейд определил их местоположение, сомневаться не приходится.

Демарис слегка улыбается и кладет пальцы на рукоять ножа. Крис сглатывает, Макс делает медленный вдох, стараясь сохранять спокойствие.

Грей отступает в сторону, выбирая позицию возле ближайшего укрытия.

Поднимаю руку, окончательно останавливая группу.

На несколько секунд вокруг становится тихо.

— Здесь остаетесь, — говорю негромко. — Периметр. Если кто-то выйдет со спины — режьте без вопросов.

Крис хмурится и делает шаг вперед.

— Мы можем помочь, — говорит он быстро, но без вызова. — Нас трое.

— И именно поэтому вы остаетесь, — отвечаю спокойно. — Ты смотришь слишком широко. Макс держит линию. Грей прикрывает выходы. Если мы не вернемся — вы должны уйти.

Крис сжимает челюсть, потом кивает.

— Понял. Мы здесь.

— Не подведем, — коротко бросает Макс.

Грей уже направляется к искореженной машине, откуда удобно наблюдать за несколькими проходами одновременно. Убедившись, что все заняли позиции, поворачиваюсь к Аксейду и Демарису.

— Пошли.

Аксейд идет слева, держа меч опущенным вдоль ноги. Его голова слегка наклонена, внимание по-прежнему сосредоточено на звуках впереди.

Демарис занимает позицию справа. Он внимательно осматривает окна и дверные проемы, заранее определяя, откуда может появиться противник.

Выходим на открытую улицу.

Аксейд слегка поднимает голову.

— Идут, — говорит он вполголоса. — Прямо. Без попытки скрыться.

Делаю еще шаг вперед.

— Эй!

Мой голос разносится между зданиями.

Из-за полуразрушенной стены появляется мужчина с клинком в руке. Его одежда грязная и потрепанная, но оружие он держит уверенно.

Следом выходят еще двое. Один останавливается в дверном проеме, оставаясь немного в тени.

— Вы кто, мать вашу, такие? — орет он. — Заблудились?

— Не твое дело, — отвечаю я и делаю шаг вперед.

— Слышали? — первый оборачивается к остальным. — Он говорит, как хозяин.

— ХАРДАН не любит чужаков, — добавляет второй. — Особенно таких уверенных.

— Это взаимно, — отвечает Демарис и усмехается.

Первый мужчина внезапно бросается вперед.

Встречаю его ударом плеча, вкладывая в движение вес тела. Клинок скользит по моей броне и уходит в сторону. Противник теряет равновесие, и я тут же бью его кулаком в корпус.

Он резко выдыхает и отлетает назад, ударяясь спиной о бетонную плиту.

На губах появляется кровь.

— Твою… — выдыхает он, сползая, но не падая окончательно.

Мужчина пытается подняться, но второй уже приближается ко мне сбоку.

Он действует быстрее, рассчитывая ударить по ребрам. Перехватываю его запястье и резко сжимаю пальцы. Раздается хруст кости, за которым следует пронзительный крик.

Не ослабляя хватки, выкручиваю ему руку и бью коленом в грудь.

Противник падает на асфальт, заходясь кашлем. Изо рта вырываются темные капли крови.

— Черт! Он не человек! — орет кто-то.

— Ошибаешься, — бросаю я. — Именно человек.

Первый харданец снова поднимается.

Несмотря на боль, он по-прежнему сжимает клинок и явно не собирается отступать.

Он бросается на меня, поднимая оружие для удара. Перехватываю его предплечье, разворачиваюсь и вонзаю лезвие под ребра. Не слишком глубоко, но достаточно, чтобы остановить нападение.

Кровь быстро пропитывает его куртку.

Мужчина вскрикивает и опускается на колени.

Слева замечаю движение.

Еще один харданец пытается прорваться между нами, но Аксейд уже успел занять нужную позицию.

Его меч описывает короткую дугу. Лезвие входит под ключицу противника, проходит ниже и рассекает горло сбоку.

Кровь выплескивается на потрескавшийся асфальт.

— Поздно, — говорит Аксейд тихо.

Мужчина падает, судорожно дергаясь. Несколько секунд его пальцы скребут по земле, затем движения прекращаются.

Перевожу взгляд на здание, где остался Демарис.

Смещаюсь ближе к фасаду и поднимаю голову.

В выбитом окне второго этажа мелькает движение. Один из харданцев отступает в глубину помещения, затем резко разворачивается, пытаясь скрыться.

Демарис появляется в проеме следом.

Он не бросается за противником сразу, а на мгновение задерживается, оценивая его движения. Затем делает шаг вперед.

Клинок входит снизу почти без замаха.

Мужчина вздрагивает, пытается удержаться на ногах, но колени подгибаются.

Демарис наносит второй короткий удар, после чего придерживает противника за плечо, не позволяя ему сразу упасть. Убедившись, что тот больше не представляет угрозы, отпускает.

Тело падает на пол.

Демарис вытирает клинок о куртку мертвого и поднимает голову.

Наши взгляды встречаются через разбитое окно.

— Все, — говорит он, и я вижу это по движению губ. — Внутри чисто.

Коротко киваю и возвращаю внимание к улице.

Последний харданец пятится назад. Его руки дрожат, а взгляд беспокойно мечется между мной и лежащими на земле товарищами.

— Вы больные… — шепчет он.

Направляюсь к нему.

Мужчина отступает еще на шаг, спотыкается и падает на спину.

— Пожалуйста… — выдыхает он.

— Свидетели нам не нужны.

Вонзаю меч ему под грудную клетку.

Тело вздрагивает и постепенно обмякает. Под спиной растекается темное пятно крови.

Вытаскиваю клинок и отступаю.

Вскоре из здания выходит Демарис, на ходу вытирая оружие о ткань.

— Чисто.

— Периметр? — спрашиваю.

— Держат, — отвечает Аксейд. — Никого больше нет.

— Уходим, — говорю.

Не задерживаюсь возле тел.

В пустошах подобные столкновения давно стали привычными. Люди Хардана не стали бы разбираться, кто мы и зачем пришли. Они напали бы при первой возможности, а если бы потерпели поражение и сумели уйти, вполне могли вернуться с подкреплением.

Оставлять им такую возможность я не собираюсь.

Мы возвращаемся к месту, где оставили остальных.

Проходим между разрушенными зданиями, затем сворачиваем к участку, заросшему деревьями. Ветви слегка шуршат над головой, пока мы выбираемся из тени обратно на улицу.

Грей замечает нас первым.

— У нас все чисто, — говорит Грей сразу.

Окидываю взглядом Криса и Макса. Оба целы, оружие на месте.

Затем смотрю в сторону улицы, где остались убитые харданцы. Отсюда тел уже не видно, и ничто не напоминает о недавнем столкновении.

— Идем дальше, — говорю я.

Группа снова приходит в движение.

Чем глубже мы продвигаемся в город, тем внимательнее приходится следить за окружающей обстановкой. После столкновения с харданцами нельзя исключать, что поблизости находятся другие вооруженные группы.

Выбираю широкую улицу, откуда хорошо просматриваются входы в соседние здания.

— Разбиваемся на пары, — говорю я. — Без шума. Берем только то, что нужно.

Крис кивает первым, уже стягивая с плеча рюкзак.

— Кабели — мой сектор, — говорит он. — Я быстрее пролезу.

— Не геройствуй, — бросает Макс, подходя ближе. — Я с тобой.

Крис усмехается, но напряжение в глазах не исчезает.

— Только не тормози.

— Следи за языком и за углами, — отвечает Макс спокойно.

Грей направляется к соседнему зданию. Прежде чем войти, осторожно заглядывает в дверной проем и осматривает помещение. Убедившись, что непосредственной угрозы нет, подает нам знак.

Аксейд остается рядом со мной.

Он по-прежнему прислушивается к окружающим звукам, стараясь определить, не приближается ли кто-нибудь к нашему местоположению.

— Пока пусто, — говорит он негромко. — Но звук далеко летит. Не растягивайтесь.

— Принял, — отвечаю я.

Заходим в первое здание.

Когда-то здесь располагался технический центр. Пол завален обломками мебели, кусками штукатурки и старым оборудованием. В нескольких местах обрушился потолок, но основные стены сохранились.

Подхожу к перевернутому металлическому щитку и приподнимаю его.

Под ним обнаруживаются жгуты старых кабелей. Изоляция покрыта пылью, но на первый взгляд повреждений немного.

— Вот это берем, — говорю я.

Демарис присаживается рядом и аккуратно срезает крепления ножом.

— Медь живая, — бросает он. — Повезло.

— Не повезло, — отвечаю. — Просто еще не все растащили.

Из соседнего помещения доносится шорох, затем голос Криса.

— Нашел фильтры! — шепчет Крис слишком громко.

— Тише, — приказываю я и бросаю на него взгляд.

Он виновато кивает и возвращается к работе.

Макс подает ему контейнер, затем осматривает найденные фильтры, проверяя уплотнители и состояние резины.

— Рабочие, — говорит он. — Можно брать.

Вскоре из дальнего коридора возвращается Грей с несколькими металлическими пластинами.

— Сплав, — говорит коротко. — Не лучший, но выдержит.

— Отлично, — отвечаю я. — Складывай.

Продолжаем собирать материалы, постепенно заполняя рюкзаки и контейнеры.

Крис забирается в узкие технические проемы, куда остальным трудно добраться. Макс помогает переносить тяжелые находки и следит за ближайшими проходами. Грей проверяет помещения, прежде чем мы перемещаемся дальше.

Демарис быстро разбирает крепления и извлекает нужные детали, стараясь ничего не повредить.

Аксейд почти не участвует в поисках. Его главная задача — вовремя предупредить нас о приближении посторонних.

В какой-то момент он настораживается.

— Слишком спокойно, — говорит он внезапно.

Поднимаю голову от очередного контейнера.

— Что слышишь?

— Ничего, — отвечает он. — И это не нравится.

Мы ненадолго замолкаем.

Даже Крис перестает перебирать содержимое ящика и внимательно смотрит на Аксейда.

— Заканчиваем здесь, — говорю я. — Берем остатки и выходим.

Собрав найденное, переходим к последнему зданию.

Это бывший склад, часть помещений которого сохранилась значительно лучше остальных. Внутри темно, но генераторный отсек почти не пострадал.

Пока осматриваю стеллажи, Демарис находит несколько катушек кабеля, а Макс помогает закрепить уже собранный груз.

В дальнем углу обнаруживаю коробку с фильтрами. Проверяю содержимое и передаю ее остальным.

— Если еще минут десять, — начинает Крис…

— Нет, — перебиваю я. — Хватит.

Он смотрит на меня, затем переводит взгляд на окна.

— Уже темнеет, — понимает он.

Снаружи действительно становится заметно темнее. Солнце постепенно опускается, и длинные тени от разрушенных зданий перекрывают улицы.

После наступления темноты передвигаться здесь значительно опаснее.

— Собираемся, — говорю я. — Возвращаемся.

Аксейд уже стоит возле выхода.

— Пора, — подтверждает он. — После заката здесь становится людно.

Покидаем склад и направляемся обратно по знакомому маршруту.

Рюкзаки заметно потяжелели, поэтому приходится немного снизить темп. Периодически оглядываюсь, проверяя, не отстает ли кто-нибудь.

Впереди еще долгий путь, но все необходимое мы уже собрали.

Позади раздается усталый вздох Криса.

— Ненавижу пустоши, — шепчет он.

— Они не для любви, — отвечает Макс.

Невольно усмехаюсь, продолжая идти вперед.

Грей, как обычно, не вмешивается в разговор. Он замыкает группу и внимательно следит за дорогой позади нас.

К мосту добираемся, когда солнце уже опускается к линии воды.

Вечерний свет отражается от металлических конструкций, а впереди постепенно становятся различимы знакомые стены Ареи.

Проходим через ворота, дожидаясь, пока тяжелые створки закроются за нашей спиной.

Только после этого позволяю себе немного расслабиться.

Останавливаюсь и поворачиваюсь к группе.

— Хорошая работа, — спокойно произношу. — Все, за чем шли, принесли.

Крис выпрямляется и проводит ладонью по лицу, стирая пот.

— Значит, не зря по развалинам лазили, — говорит он с ухмылкой.

— Четко отработали, — добавляет Макс и коротко кивает.

Грей уже осматривает ящики и контейнеры, проверяя, надежно ли закреплен груз.

— Потерь нет, — говорит он. — Это главное.

— Тогда все, — добавляю я. — Разгружайтесь. Дальше отдых.

Демарис прищуривается и криво усмехается.

— Отдых — это хорошо, — говорит он. — Тем более сегодня в баре настойка готова. Та самая. Крепкая. Южник знает свое дело, не бодяжит.

Крис сразу оживляется.

— Вот это разговор, — говорит он. — Я за.

Макс хмыкает.

— Выпить после пустошей — самое то.

Аксейд просто кивает, коротко, без комментариев.

Демарис поворачивается ко мне.

— Черт, Крейден, — говорит он. — Тебе тоже иногда надо выключаться. Хоть ненадолго.

— Мне сначала смыть пустоши, — отвечаю. — Потом можно говорить об отдыхе.

— Значит, через час, — кивает он. — «Старый отсек».

— Через час, — тут же говорит Крис. — Я первый там буду.

— Конечно, — фыркает Макс. — Только сначала все на склад оттащишь.

— И руки помоешь, — добавляет Грей. — А то бармен тебя обратно выгонит.

Крис закатывает глаза.

— Зануды.

Остальные смеются, и вскоре мы расходимся по своим делам.

Я направляюсь к базе.

Дорога занимает всего несколько минут. Прохожу по знакомым коридорам под ровный гул вентиляции и добираюсь до своей комнаты.

Снимаю снаряжение, поочередно освобождая крепления, и аккуратно раскладываю его по местам. Оружие оставляю рядом, предварительно проверив состояние клинков.

За долгие годы это вошло в привычку, от которой я не собираюсь отказываться даже в безопасности собственных стен.

Направляюсь в душ.

Включаю горячую воду и несколько минут стою под струями, упираясь ладонями в стену. Пыль и грязь постепенно смываются, напряжение в мышцах ослабевает, а мысли о произошедшем за день перестают занимать все внимание.

Прикрываю глаза и позволяю себе немного постоять, наслаждаясь теплом.

Да, отдых мне определенно не повредит.

Закончив, вытираюсь и неспешно одеваюсь. Привычным движением снова закрепляю оружие, проверяю, надежно ли оно держится, и направляюсь к выходу.

Глава 3

В Хардане нельзя идти быстро. Быстро ходят либо новички, либо те, кто уже не рассчитывает вернуться.

Двигаюсь медленно, вписываясь в поток людей, не цепляясь взглядом ни за что лишнее. Здесь не смотрят в глаза, здесь оценивают, кто слабее, кто один, кто может стать проблемой или добычей, и я давно научилась не быть ни тем, ни другим.

Город живет на жадности, на привычке брать и на праве сильного. Он шумит грязными рынками, гремит металлом, пахнет дымом и кислым потом. В узких переулках всегда кто-то оказывается близко, задерживается рядом слишком долго, смотрит внимательно. Такие взгляды я чувствую кожей. Я не поворачиваюсь и не ускоряю шаг, просто выбираю траекторию так, чтобы рядом постоянно были другие люди. Толпа становится лучшей стеной, если умеешь растворяться в ней.

Сегодня мне нужно к медицинскому блоку.

Я не люблю даже произносить это вслух не потому, что боюсь слова, а потому, что знаю цену. В Хардане лекарства не спасают, они продлевают, и за это всегда платят работой, кровью и долгами, которые никогда не заканчиваются. В этом городе нет денег, их давно съела паника вместе с законами, здесь меняются и назначают цену, и она может быть любой, если ты слабее.

Мне нечего предложить. Ни металла, ни еды, ни полезных деталей, и я не из тех, кто будет торговаться собой, чтобы еще на пару дней оттянуть неизбежное, не потому что гордая, а потому что знаю, чем заканчиваются такие сделки: они не закрываются, их продлевают, пока ты не исчезнешь.

Поэтому я иду не покупать. Я иду брать.

Медицинский блок виден издалека, серое здание, пережившее больше, чем должно было. Стены в трещинах, окна частично заколочены, над входом выцветшая табличка, на которой давно никто не читает буквы. Вокруг жизнь: кто-то спорит у двери, кто-то держит руку, перевязанную грязной тканью, кто-то шипит на другого так, как шипят те, кому больно и стыдно одновременно.

У входа стоят двое, не охрана в привычном смысле, Хардан не держит охрану, он держит хищников. Эти двое смотрят лениво, но не расслабленно, у каждого в поясе нож, у одного на руке кольца, чужеродная память о старом мире, где украшения что-то значили и не пахли угрозой.

Прохожу мимо, не поднимая головы, считаю шаги, дышу и слежу за своей тенью на потрескавшемся асфальте. Они могут зацепиться за взгляд, за неловкое движение, за слишком прямую спину, и я не даю им повода, оставаясь частью шума, проходящей тенью, никем.

За торговыми лавками людской поток постепенно редеет, уступая место узким проходам между зданиями. Здесь уже не слышно оживленных разговоров, а воздух пропитан сыростью и запахом гниющих отходов. Обхожу здание и оказываюсь возле заднего входа, скрытого от главной улицы. Стена покрыта темными потеками, а старая деревянная дверь держится на ржавом замке.

Осторожно надавливаю на нее плечом, проверяя прочность. Древесина жалобно скрипит, но замок выдерживает. Отступаю и прислушиваюсь, убеждаясь, что поблизости никого нет, затем повторяю попытку, на этот раз приложив больше силы. Раздается сухой хруст, замок поддается, и дверь слегка приоткрывается.

Несколько мгновений остаюсь неподвижной, внимательно прислушиваясь к звукам за ней. Ничего подозрительного не слышно, но я все равно не тороплюсь заходить. В Хардане осторожность давно стала необходимостью, и даже пустое на первый взгляд здание может оказаться опасным.

Наконец проскальзываю внутрь и осторожно прикрываю за собой дверь.

Узкий коридор встречает меня полумраком и тяжелым запахом лекарств, плесени и старой ткани. На стенах облупилась краска, несколько уцелевших ламп тускло мерцают, едва освещая грязный пол с давно высохшими пятнами крови. Когда-то здесь оказывали медицинскую

помощь, но далеко не каждому. Лечили тех, кто мог предложить что-нибудь ценное, а остальных зачастую оставляли справляться самостоятельно.

Останавливаюсь возле двери и прислушиваюсь. Из глубины здания доносится мерное капанье воды и слабый гул работающего генератора. На мгновение мне кажется, что где-то поблизости слышно дыхание, но, сосредоточившись, понимаю, что это всего лишь ветер проникает через разбитые окна.

Убедившись, что рядом никого нет, осторожно продвигаюсь дальше, стараясь не задевать стоящие вдоль стен стеллажи. Большинство полок давно опустели. Все ценное отсюда либо вынесли, либо обменяли на продовольствие, однако я надеюсь, что среди оставшихся запасов еще удастся найти необходимые лекарства.

Мне нужны обезболивающие и антибиотики. Все, что поможет сбить жар и даст немного времени.

Прохожу мимо старого стола с покрытыми ржавчиной инструментами, стеклянных банок с мутными остатками неизвестных веществ и нескольких раскрытых коробок, в которых когда-то хранились стерильные бинты. Двигаюсь медленно, внимательно осматривая полки и стараясь не производить лишнего шума. В Хардане достаточно одного неосторожного звука, чтобы привлечь внимание тех, с кем лучше не встречаться.

Наконец замечаю несколько уцелевших упаковок на дальней полке. Осторожно достаю одну, подношу ближе к тусклому свету и разбираю частично стертую надпись.

То, что нужно.

Проверяю остальные, выбираю еще две подходящие упаковки и прячу лекарства под куртку, распределяя их между внутренним карманом и поясом. Брать больше не стоит: лишний вес только помешает, если придется быстро уходить.

Уже собираюсь направиться к выходу, когда из соседнего коридора доносится тяжелый шаг.

Мгновенно замираю и отступаю за ближайший стеллаж, прижимаясь к нему так, чтобы меня не было видно из прохода. Стараюсь дышать как можно тише, внимательно прислушиваясь к приближающимся звукам.

Кто-то здесь есть.

И судя по уверенным шагам, этот человек прекрасно знает, куда направляется.

Шаг ближе. Голос мужской и недовольный.

— …я тебе сказал, там ничего нет, — бурчит кто-то.

Другой голос отвечает лениво:

— Все равно проверим.

Они идут по коридору.

Чувствую, как холодная капля пота ползет по позвоночнику. Не от страха даже. От ясности: если они зайдут сюда, мне придется действовать. А действовать значит шум. Шум значит вопросы. Вопросы значат руки на плечах и цену, которую назначат за мои ответы.

Один из мужчин проходит мимо двери, но неожиданно останавливается. Слышу, как он шумно втягивает воздух, словно пытается уловить посторонний запах, и невольно сильнее прижимаюсь к стене.

Затаив дыхание, прислушиваюсь к каждому его движению. Если он решит заглянуть внутрь, придется действовать немедленно. Я уже мысленно выбираю, куда ударить, чтобы выиграть хотя бы несколько секунд и успеть сбежать.

Мужчина некоторое время стоит неподвижно, затем раздраженно сплевывает.

— Пахнет гнилью. Идем.

Его шаги постепенно удаляются, но я не спешу покидать укрытие. Жду еще немного, убеждаясь, что мужчины действительно ушли, и только после этого позволяю себе облегченно выдохнуть.

Осторожно выбираюсь из-за стеллажа и возвращаюсь к заднему выходу. Прикрываю дверь, стараясь установить поврежденный замок так, чтобы с первого взгляда никто не заметил следов взлома. Затем выхожу на улицу и направляюсь домой.

Иду спокойно, не ускоряя шага, хотя больше всего хочется поскорее оказаться рядом с Марией. В Хардане слишком торопливый человек неизбежно привлекает внимание, а сейчас мне меньше всего нужны лишние вопросы.

Наш дом находится в нижнем секторе. Небольшое покосившееся строение, собранное из материалов, которые удалось раздобыть за последние годы, едва защищает от непогоды. Внутри всего две комнаты, крыша протекает, полы постоянно остаются холодными, а щели в стенах приходится закрывать обрывками ткани. Несмотря на все наши старания, ветер все равно проникает внутрь.

Тихо открываю дверь и сразу чувствую тяжелый, спертый воздух комнаты. Здесь пахнет сыростью, потом и лекарствами, но сильнее всего ощущается жар, исходящий от больной Марии.

Она лежит на кровати, почти не двигаясь. Лицо болезненно бледное, губы пересохли, а на лбу выступили капли пота. Услышав мои шаги, Мария пытается открыть глаза, но в этот момент ее снова охватывает сильный кашель. Она сгибается, прижимая руку к груди, и с трудом пытается перевести дыхание.

Быстро подхожу к кровати, опускаюсь рядом и осторожно придерживаю ее за плечо, помогая немного приподняться. Приступ продолжается мучительно долго, и я чувствую, как ее тело дрожит от напряжения. Когда кашель наконец стихает, Мария обессиленно откидывается на подушку, продолжая тяжело дышать.

Я остаюсь рядом, не убирая ладони с ее плеча, и с тревогой смотрю на ее осунувшееся лицо.

— Тише… — говорю я негромко. — Дыши. Давай. Не рви себя.

Мария пытается, но выходит плохо, дыхание сбивается, становится коротким и рваным, в груди свистит, пальцы цепляются за одеяло.

— Ты была… там, — шепчет она, когда кашель отпускает.

Достаю из-под куртки лекарства и показываю Марии несколько упаковок, чтобы она убедилась, что я вернулась не с пустыми руками.

— Была.

Мария на мгновение закрывает глаза, словно даже короткий разговор требует от нее усилий.

— Ты опять рисковала из-за меня.

— Я рискую каждый день, — спокойно отвечаю я. — И каждый день ты все еще здесь. Значит, оно того стоит.

Она смотрит на меня с усталой грустью. Мария давно перестала плакать, словно даже на слезы у нее больше не осталось сил.

— Ты не обязана…

— Не начинай, — мягко перебиваю я, не позволяя ей продолжить.

Мария пытается улыбнуться, но вместо этого снова заходится кашлем. Я помогаю ей приподняться, подаю воду и жду, пока приступ немного ослабнет. Затем достаю таблетки и протягиваю ей вместе с кружкой, внимательно следя, чтобы она их проглотила.

Она упрямая, особенно когда дело касается ее собственного здоровья. Впрочем, в этом мы с ней слишком похожи.

Когда Мария наконец устраивается на подушке, ее дыхание все еще остается тяжелым. Я слышу хрипы в груди и замечаю, сколько усилий ей приходится прикладывать ради каждого вдоха.

— В Хардане тебя когда-нибудь убьют, — тихо произносит она, глядя в сторону.

Поправляю сползшее одеяло, стараясь не показывать своего беспокойства.

— Не надо за меня переживать. Я давно не маленькая девочка и прекрасно умею о себе позаботиться. К тому же всегда знаю, где находится выход.

Мария поворачивает голову и некоторое время молча смотрит на меня.

— Я не хотела для тебя такой жизни.

— Знаю, — отвечаю я, присаживаясь на край кровати. — Но я не собираюсь позволять этой болезни забрать тебя. Не после всего, через что мы прошли.

Она тяжело вздыхает и переводит взгляд на потолок.

— Иногда я вспоминаю тебя маленькой, — произносит Мария после продолжительного молчания. — Ту девочку, которую нашла на дороге.

Я замираю. Мы редко возвращаемся к тому времени, хотя воспоминания о нем никогда не исчезали окончательно.

— Почему ты тогда меня спасла? — спрашиваю я. — Ведь все остальные проходили мимо. Каждый думал только о себе.

Мария некоторое время молчит, словно вновь видит перед собой тот день.

— Потому что ты была ребенком, Кайра. Маленькой, грязной девочкой, которая лежала посреди дороги и даже не пыталась подняться. Помню твои глаза. Ты смотрела на людей так, словно уже ничего от них не ждала.

Она ненадолго прерывается, чтобы перевести дыхание.

— Вокруг было полно народу. Люди проходили мимо, некоторые останавливались, но никто не собирался помогать. Один мужчина даже толкнул тебя ногой, проверяя, жива ли ты, а потом просто пошел дальше. Тогда все пытались выжить и боялись брать на себя чужие проблемы.

— Но ты остановилась.

— Да. Потому что не могла оставить тебя там. Знаешь, что было самым страшным после Септы? Даже не голод и не болезни. Люди настолько привыкли к смерти, что перестали замечать чужие страдания. Я не хотела становиться такой же.

Мария сглатывает и продолжает уже тише:

— Я ничего о тебе не знала. На твоем запястье была какая-то бирка, но надпись почти стерлась. А потом я заметила следы от многочисленных уколов и поняла, что с тобой произошло что-то страшное.

Невольно опускаю взгляд на собственные руки. Некоторые старые следы давно побледнели, но полностью так и не исчезли.

— Я подняла тебя на руки, — продолжает Мария. — Ты была такой худенькой, почти невесомой. Не плакала, не сопротивлялась, только вцепилась пальцами в мою куртку и молчала.

— Я боялась, — тихо признаюсь я.

— Нет, милая. — Она качает головой. — Ты словно перестала что-либо чувствовать. Даже страха в тебе тогда почти не осталось. Я никогда не забуду этот взгляд.

Ее слова заставляют меня вновь вспомнить то ощущение пустоты, которое сопровождало первые дни после побега. Я не знала, куда идти, кому верить и почему вообще оказалась одна.

Поднимаюсь с кровати и подхожу к печке. Подбрасываю несколько сухих щепок, наблюдая, как пламя постепенно разгорается.

— Мы долго прятались, — продолжает Мария. — Ночевали в подвалах, заброшенных квартирах, иногда прямо среди развалин. Помню дома, в которых все еще стояла посуда на столах, лежали забытые вещи, а в соседних комнатах…

Она замолкает, не закончив фразу.

Я не тороплю ее. И без объяснений понимаю, о чем она говорит.

— Там было много мертвых, — наконец произносит Мария. — Люди боялись заходить в такие здания. Говорили, что болезнь остается в стенах, в мебели, даже в воздухе. Не знаю, насколько это было правдой, но я пользовалась их страхом. Если туда никто не заходил, значит, мы могли спокойно переночевать.

Она снова начинает кашлять. Я возвращаюсь к кровати и подаю ей чистую ткань. Когда Мария отнимает ее от губ, замечаю небольшое влажное пятно. Пока без крови, но от этого мне не становится спокойнее.

— Мы искали еду и воду, — продолжает она, отдышавшись. — Собирали все, что удавалось найти: консервы, сухари, остатки крупы. Я учила тебя ходить тихо, не привлекать внимания и никогда не разговаривать с незнакомцами. А ты слушалась так хорошо, что мне иногда становилось страшно.

— Значит, я была талантливым ребенком, — пытаюсь пошутить.

Мария смотрит на меня почти строго.

— Это был не талант, Кайра. Тебя словно заранее научили выживать. Но ты была маленькой девочкой и не должна была знать таких вещей.

Я отворачиваюсь к печке, некоторое время наблюдая за огнем.

— А как мы оказались в Хардане? — спрашиваю, решив сменить тему.

Мария прикрывает глаза, собираясь с мыслями.

— Тогда Хардана еще не существовало. Здесь находился заброшенный завод, несколько складов и поселение, которое постепенно разрасталось. Люди собирались вместе, потому что в одиночку выживать становилось все труднее. А потом появился человек с оружием и собственным отрядом.

Она делает короткую паузу.

— Сначала они предложили защиту. Взамен требовали еду, работу, любые полезные вещи. Многие соглашались добровольно, ведь это казалось разумной платой за безопасность. Но постепенно условия менялись. Люди начинали отдавать все больше, а права уходить у них становилось все меньше. В какой-то момент поселение превратилось в место, где одни распоряжались жизнями других.

— И ты решила остаться?

— Я надеялась, что здесь мы наконец будем в безопасности. У нас появилась крыша над головой, возможность получать еду и не проводить каждую ночь в страхе. Тогда это казалось лучшим решением. — Мария виновато смотрит на меня. — Я ведь не знала, во что превратится это место.

Возвращаюсь к кровати и осторожно беру ее за руку.

— Ты спасла мне жизнь. И не один раз. Не смей винить себя за то, что пыталась дать нам дом.

Мария слабо улыбается.

— Знаешь, ты ведь тоже спасла меня. После всего случившегося у меня почти не осталось причин продолжать бороться. А потом появилась ты. Мне пришлось искать еду, заботиться о тебе, думать о завтрашнем дне. Благодаря тебе я снова почувствовала, что кому-то нужна.

Сжимаю ее холодные пальцы, стараясь согреть их своими ладонями.

— Поэтому я и не собираюсь тебя терять.

— Ты зря продолжаешь ходить в те места, — шепчет она. — С каждым разом становится опаснее.

— Я знаю.

— Думаешь, я не замечаю, в каком состоянии ты возвращаешься? Синяки, порезы, пыль в волосах… Ты даже дома постоянно прислушиваешься к каждому шороху. Я узнаю этот взгляд, Кайра. Когда-то я сама так жила.

— Но теперь все иначе. Ты заботилась обо мне двадцать лет, а сейчас моя очередь заботиться о тебе.

Мария качает головой.

— Я не хочу, чтобы ты отдавала за меня собственную жизнь.

Наклоняюсь ближе, стараясь, чтобы она услышала каждое слово.

— А я не хочу потерять единственного человека, который все эти годы был рядом со мной. Поэтому перестань спорить и позволь мне помочь тебе.

Она устало закрывает глаза.

— Кайра…

— Просто держись, хорошо?

Я не обещаю ей скорого выздоровления. Слишком хорошо понимаю, насколько серьезно ее состояние, чтобы утешать пустыми словами. Но сдаваться тоже не собираюсь.

— Я найду то, что тебе поможет, — тихо произношу я. — Кажется, я знаю, где искать.

Мария сразу открывает глаза.

— Нет. Даже не думай.

— Ты еще не знаешь, о чем я.

— Зато прекрасно тебя знаю. Если ты говоришь таким голосом, значит, задумала что-то опасное. А у нас нет ничего, чем можно заплатить за хорошие лекарства. Я не хочу, чтобы ты ради меня связывалась с теми, кто…

— Я уже решила, — перебиваю ее. — И отговаривать меня бесполезно.

Она пытается приподняться, но новый приступ кашля заставляет ее согнуться. Я быстро поддерживаю Марию и помогаю снова лечь.

— Я не переживу, если с тобой что-нибудь случится, — едва слышно шепчет она.

Наклоняюсь и осторожно поправляю подушку под ее головой.

— Тогда не умирай раньше времени. Дай мне возможность что-нибудь сделать.

Мария смотрит на меня с такой тревогой, что на мгновение мне хочется отказаться от собственной затеи. Но достаточно услышать ее тяжелое дыхание, чтобы вспомнить, почему я вообще об этом задумалась.

— Поспи немного, — прошу я. — Тебе нужно отдохнуть.

Она больше не спорит. Постепенно ее глаза закрываются, дыхание становится немного спокойнее, хотя хрипы по-прежнему слышны при каждом вдохе.

Еще некоторое время сижу рядом, наблюдая за ней. Иногда Мария беспокойно шевелится во сне, сжимает пальцами простыню, но вскоре снова затихает.

Я понимаю, что времени остается все меньше.

Осторожно поднимаюсь, проверяю оставшиеся лекарства и убираю их на место. Тех упаковок, которые удалось раздобыть сегодня, хватит всего на несколько дней. Возможно, даже меньше. А потом мне снова придется искать обезболивающие и антибиотики, которые лишь ненадолго облегчают ее состояние.

Нужен другой выход.

Подхожу к окну и смотрю на улицу. За грязным стеклом продолжается привычная жизнь Хардана: люди спешат по своим делам, торговцы зазывают покупателей, где-то слышатся раздраженные голоса. Никому нет дела до того, что в маленьком доме нижнего сектора медленно умирает женщина.

Именно в этот момент я вновь возвращаюсь к мысли, которая уже давно не дает мне покоя.

Сектор А.

Теперь это место называют иначе.

Арея.

Я почти ничего не помню о времени, проведенном там. Мне было всего восемь лет, и большая часть воспоминаний сохранилась отдельными, плохо связанными между собой картинами. Холодные помещения, ослепительно белый свет, длинные коридоры и другие дети, которых иногда удавалось увидеть через стеклянные перегородки или приоткрытые двери.

Нас держали отдельно друг от друга. Я не помню ни их имен, ни лиц взрослых, которые проводили процедуры. Зато прекрасно помню уколы.

После них тело охватывал жар, мышцы болезненно сокращались, а иногда казалось, что кровь закипает прямо в венах. Но происходило и другое. Порезы затягивались необычайно быстро, синяки исчезали за считаные часы, а боль от травм проходила гораздо раньше, чем должна была.

Тогда я не понимала, что со мной делают.

Теперь понимаю гораздо больше.

Кордекс.

Это название я слышала множество раз. Взрослые произносили его совершенно спокойно, обсуждая очередные процедуры и результаты, словно речь шла о чем-то обыденном.

После побега и встречи с Марией воспоминания постепенно начали стираться. Но изменения, произошедшие с моим телом, никуда не исчезли.

Я по-прежнему восстанавливаюсь быстрее обычных людей. Мои реакции обострены, а чувство опасности иногда предупреждает меня о чужом присутствии еще до того, как я успеваю что-либо заметить. Я словно улавливаю едва различимые изменения вокруг себя: напряжение в чужих движениях, направление взгляда, намерение приблизиться или напасть.

Не всегда могу объяснить, как именно это происходит. Просто в определенный момент понимаю, куда нужно отступить, когда замереть и с какой стороны ждать удара.

Именно благодаря этим способностям мне удавалось столько раз возвращаться из опасных вылазок.

Но если Кордекс смог изменить меня настолько сильно, возможно, он способен на нечто большее.

Оборачиваюсь к Марии. Она продолжает спать, но даже сейчас ее дыхание остается поверхностным и прерывистым.

Я уже видела людей в таком состоянии. И прекрасно знаю, чем все может закончиться.

Если Кордекс до сих пор существует, если в старом Секторе А сохранились разработки и Арея действительно была построена на его месте, там может находиться то, что поможет Марии.

Конечно, никаких гарантий нет. Я даже не знаю, удастся ли мне попасть внутрь и найти нужную информацию. Но впервые за долгое время у меня появляется хотя бы направление, в котором стоит двигаться.

И я собираюсь воспользоваться этим шансом.

— Черт, — неожиданно вырывается у меня.

Совсем забыла о тренировке.

Бросаю взгляд на время и понимаю, что уже опаздываю. Как бы сильно меня ни беспокоило состояние Марии, пропускать занятия нельзя. В Хардане любая слабость рано или поздно оборачивается против тебя, а мне необходимо оставаться достаточно сильной, чтобы продолжать выходить в пустоши.

Именно ради этого я когда-то присоединилась к рейдовым группам. После вылазок участникам выдавали еду, воду, иногда полезные детали, которые можно было обменять на необходимые вещи. Кроме того, здесь учили обращаться с оружием и выживать за пределами городских стен.

Обучение было жестким. Никто не собирался делать поблажки новичкам, и каждый выход мог закончиться смертью. Но постепенно я привыкла к постоянной опасности, научилась действовать под давлением и перестала позволять страху управлять своими решениями.

Тренировки в Хардане проводились регулярно. Людей готовили к нападениям существ из пустошей, столкновениям с другими поселениями и любым угрозам, которые могли возникнуть за городскими стенами. Здесь прекрасно понимали, что одного желания выжить недостаточно. Нужно уметь защищаться.

В последний раз подхожу к кровати.

Мария спит, повернув голову набок. Осторожно поправляю одеяло, стараясь не разбудить ее.

— Держись, — шепчу я. — Я скоро вернусь.

Натягиваю куртку, проверяю оружие и тихо выхожу из дома, аккуратно прикрыв за собой дверь.

На улице меня встречает привычный шум Хардана. Вливаясь в поток прохожих, направляюсь к тренировочной площадке, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания.

Но мысли уже далеко отсюда.

В Арее.

Глава 4

Тренировочная площадка Хардана представляла собой большой участок вытоптанной земли, окруженный ржавыми ограждениями и стенами из листового металла. Под навесом вдоль одной из стен лежали мешки с песком и потрепанные маты, а напротив возвышалась небольшая бетонная площадка, откуда за тренировками обычно наблюдали остальные жители.

Здесь редко обходилось без зрителей. Одни приходили посмотреть на бои, другие надеялись увидеть, как кто-нибудь из участников получит хорошую взбучку. В Хардане чужие неудачи всегда вызывали больше интереса, чем успехи.

Прохожу мимо нескольких мужчин, разминающихся перед занятием. Большинство из них заметно крупнее меня, с крепкими руками и телами, привыкшими к тяжелой работе. Женщин среди бойцов немного. Не потому, что нам запрещают тренироваться, просто далеко не каждая выдерживает здешние условия.

За пределами города физическая сила нередко решает исход столкновения, и противнику совершенно безразлично, кто перед ним. Поэтому приходится учиться использовать скорость, ловкость и любую возможность получить преимущество. Иначе в очередной вылазке можно просто не вернуться.

Перехватываю ремень на плече и направляюсь к остальным. После вчерашней работы тело еще побаливает, особенно плечо, на котором остался свежий синяк. Но гораздо сильнее меня беспокоит опоздание. Здесь достаточно появиться на несколько минут позже остальных, чтобы стать предметом насмешек на весь день.

Роэн уже стоит посреди площадки, наблюдая за бойцами. Высокий, жилистый мужчина со шрамом на шее, он считается одним из самых опытных инструкторов Хардана. Возраст давно оставил следы на его лице, но двигался Роэн по-прежнему уверенно, а его замечания редко приходилось повторять дважды.

В отличие от многих местных командиров, он не пытался самоутверждаться за счет подчиненных. Ему было важно, чтобы люди умели сражаться и возвращались из вылазок живыми. Именно поэтому даже самые задиристые бойцы предпочитали не испытывать его терпение.

— Опоздала, — бросает он, заметив меня.

Останавливаюсь перед ним, не собираясь оправдываться. Объяснения все равно ничего не изменят.

— Встала, — говорю я ровно и занимаю свое место.

Роэн провожает меня внимательным взглядом, но больше ничего не говорит.

— Разбились на пары, — громко объявляет он. — Ближний бой. Без оружия. Работаете честно. Кто начнет «случайно» ломать кости — пойдет в яму. Я хочу бойцов, а не мясников.

Вокруг сразу поднимается шум. Мужчины переговариваются, выбирают партнеров, кто-то дружески толкает соседа плечом. Несколько женщин стараются держаться ближе друг к другу, но я остаюсь на месте, ожидая распоряжений.

— Кайра, — окликает меня Роэн. — В пару.

Выхожу вперед.

— С ним.

Поворачиваю голову и вижу приближающегося мужчину. Он почти вдвое шире меня, с толстой шеей, тяжелыми кулаками и самодовольной ухмылкой. На нижней губе у него заметна свежая трещина, а по тому, как уверенно он направляется ко мне, становится ясно, что предстоящий бой его только забавляет.

— Ну привет, — говорит он, ухмыляясь. — Думал, тебя сегодня не будет. Мать держит на цепи?

При упоминании Марии внутри поднимается раздражение, но я не позволяю ему отразиться на лице.

— Держись ближе, — бросаю я. — Чтобы не промахнуться.

Мужчина громко смеется.

— Слышали? Она зубастая.

Несколько бойцов поблизости подхватывают его смех. Я не обращаю на них внимания и занимаю исходную позицию, внимательно наблюдая за противником.

Роэн хлопает в ладони.

— По команде. Пошли.

Поднимаю руки, слегка сгибаю колени и переношу вес на переднюю часть стоп. Противник значительно превосходит меня в силе, поэтому позволить ему приблизиться вплотную будет ошибкой. Если он сумеет крепко схватить меня, освободиться окажется гораздо сложнее.

— Не тяни, — говорит он, медленно делая шаг вперед. — Давай, покажи, чему тебя там научили.

Вместо ответа резко сокращаю расстояние и наношу короткий удар в корпус. Кулак попадает точно в цель, но мужчина лишь напрягает мышцы и почти сразу выбрасывает руку вперед.

Не успеваю полностью отступить.

Его пальцы смыкаются на моем предплечье, болезненно сдавливая руку. Он намеренно усиливает хватку, хотя для удержания этого совершенно не требуется.

— Вот так, — говорит он почти ласково. — Вот так вы ломаетесь.

Не пытаюсь вырваться силой. Вместо этого подаюсь вперед, заставляя его немного изменить положение тела, и резко бью коленом по бедру.

Мужчина ругается и невольно ослабляет хватку. Этого мгновения хватает, чтобы освободить руку и отскочить на безопасное расстояние.

Возвращаюсь в стойку, разминая онемевшее запястье.

Его ухмылка исчезает.

— Хорошо, — шипит он. — Тогда по-другому.

Теперь противник наступает гораздо агрессивнее. Он наносит тяжелый удар сверху, и хотя мне удается отклониться, кулак все же задевает скулу. Голова дергается в сторону, перед глазами на мгновение вспыхивают яркие пятна.

Отступаю на шаг, восстанавливая равновесие.

— Ой, — говорит он громко. — Не удержалась?

Провожу большим пальцем по губе и замечаю кровь. Удар оказался сильнее, чем я рассчитывала, но ничего серьезного пока не произошло.

— Давай, девка, — хохочет кто-то из зрителей. — Покажи!

Стараюсь не отвлекаться на выкрики. Противник ждет, что я испугаюсь и начну отступать, поэтому решаю действовать иначе.

Быстро приближаюсь и наношу несколько последовательных ударов по корпусу. Он успевает закрыть часть из них, но остальные достигают цели. Мужчина раздраженно рычит, пытаясь поймать меня на очередном движении.

Последний удар оказывается неудачным.

Он перехватывает мою руку, резко дергает на себя и хватает за плечо. В следующую секунду я оказываюсь прижатой к его груди настолько сильно, что становится трудно вдохнуть.

— Все, наигралась, — шепчет он, наклоняясь к моему лицу. — Сейчас покажу, как тут бывает.

Резко бью его лбом в лицо.

Мужчина вскрикивает и отшатывается, но почти сразу отвечает ударом в бок. Боль пронзает ребра, заставляя меня согнуться и отступить на несколько шагов. На мгновение кажется, что ноги не удержат, однако мне удается восстановить равновесие.

Он смотрит на меня с откровенной злостью.

— Сука…

Выпрямляюсь, стараясь дышать ровнее. Поврежденный бок неприятно ноет, а руки слегка дрожат после сильного напряжения.

— Повтори, — произношу без эмоций.

Он усмехается.

— Слышали? Она хочет еще.

Бой продолжается.

Мужчина раз за разом пытается воспользоваться своим преимуществом в силе, вынуждая меня защищаться и постоянно менять положение. Мне удается провести несколько удачных ударов, но и самой приходится получать немало. В какой-то момент он сбивает меня с ног, однако я быстро поднимаюсь и вновь занимаю стойку.

Постепенно усталость начинает сказываться на движениях. Дышать становится тяжелее, ребра болят при каждом резком повороте, а на предплечьях уже проступают следы его пальцев.

Я прекрасно понимаю, что он сильнее. Но позволять ему безнаказанно избивать себя не собираюсь.

Когда Роэн уже готовится закончить тренировку, в дальнем конце площадки открывается металлическая дверь.

Раздается тяжелый скрип, и несколько бойцов одновременно оборачиваются. Разговоры быстро стихают, а те, кто еще недавно громко смеялся, поспешно выпрямляются.

Причина становится понятна сразу.

Эрдан.

Он входит на площадку уверенной походкой, не обращая внимания на окружающих. Высокий, широкоплечий мужчина в темной одежде с кожаными и металлическими элементами снаряжения. Его грубое лицо почти всегда сохраняет одно и то же выражение, а взгляд заставляет людей поспешно отводить глаза.

Эрдан привык распоряжаться чужими жизнями. В Хардане его приказы выполняют не из уважения, а потому, что последствия неповиновения могут оказаться слишком серьезными.

Рядом с ним идет Слэг.

В отличие от своего спутника, он худощавый и подвижный, с внимательными глазами и неприятной привычкой постоянно улыбаться. Слэг редко повышает голос, предпочитая

наблюдать за окружающими и вмешиваться лишь тогда, когда это приносит ему какую-нибудь выгоду.

Проклятье. Только их мне и не хватало.

Пользуясь тем, что бой фактически закончился, делаю шаг в сторону, намереваясь покинуть площадку. После сегодняшней тренировки мне меньше всего хочется привлекать к себе дополнительное внимание.

— Кайра, — раздается голос Эрдана. — Стоять.

Останавливаюсь.

Несколько человек поблизости оборачиваются в мою сторону. Игнорировать приказ сейчас означало бы устроить публичное противостояние, а мне прекрасно известно, насколько Эрдан любит демонстрировать свою власть.

Медленно поворачиваюсь к нему.

— Что? — спрашиваю ровно.

Он направляется ко мне, не торопясь. Слэг остается немного позади, с любопытством наблюдая за происходящим.

Эрдан останавливается совсем близко. Его взгляд скользит по моему лицу, затем опускается к рукам и задерживается на покрасневших запястьях, где уже начинают проявляться синяки.

— Этого можно было избежать, — говорит он негромко.

— Конечно, — отвечаю я, и на губах появляется короткая усмешка. — Если лечь под тебя. Ты это хотел сказать?

Вокруг становится тихо. Даже Роэн не вмешивается, хотя происходящее явно выходит за рамки обычной тренировки.

Эрдан внимательно смотрит на меня, затем слегка наклоняется.

— Мы оба знаем, что это вопрос времени, — говорит Эрдан тихо, почти без эмоций.

Он выдерживает небольшую паузу.

— Твоей матери станет хуже.

Его взгляд остается холодным и уверенным.

— И ты придешь сама.

Он немного приближается, продолжая говорить так, чтобы слышала только я.

— Поэтому я не беру тебя силой, — продолжает он ровно. — Я жду.

Голос становится еще тише.

— Пока ты приползешь и попросишь.

Сжимаю кулаки, чувствуя, как внутри нарастает ярость. Он прекрасно знает о состоянии Марии и рассчитывает, что рано или поздно мне придется обратиться к нему за помощью.

— Этого не будет, — отвечаю я.

Эрдан делает еще шаг, вынуждая меня слегка запрокинуть голову, чтобы продолжать смотреть ему в глаза.

Мне хочется ударить его, но я понимаю, чем это закончится. Он может расправиться не только со мной, но и с Марией. Именно поэтому приходится стоять неподвижно, хотя каждое его слово вызывает отвращение.

Неожиданно Эрдан поднимает руку и грубо хватает меня за лицо, сдавливая пальцами скулы.

— Мое терпение не бесконечное, — говорит он, глядя прямо в глаза. — И твоя гордость мне надоест быстрее, чем ты думаешь.

Пытаюсь отстраниться, но он лишь сильнее сжимает пальцы.

— Убери руки, — произношу вполголоса.

Он не слушает.

Эрдан насильно прижимается губами к моим. Я крепко стискиваю зубы, пытаюсь отвернуть голову и упираюсь ладонями ему в грудь, но он продолжает удерживать меня за лицо.

От резкого движения прикусываю нижнюю губу, чувствуя привкус крови. С новой силой отталкиваю его, и наконец он отстраняется.

Несколько мгновений Эрдан молча рассматривает меня с откровенным удовлетворением.

— Видишь? — произносит он. — Ты все равно будешь моей. Это вопрос времени.

Смотрю на него, с трудом сдерживая желание вцепиться ему в лицо.

— Ты ошибаешься, — отвечаю я.

Эрдан усмехается одним уголком губ.

— Посмотрим.

Он разворачивается и направляется к выходу. Слэг следует за ним, но, проходя мимо, задерживает на мне взгляд и широко улыбается. По его выражению прекрасно видно, насколько ему понравилось происходящее.

Только когда оба скрываются за дверью, люди начинают понемногу возвращаться к своим занятиям. Кто-то переговаривается вполголоса, другие бросают на меня любопытные взгляды.

Роэн некоторое время наблюдает за происходящим, затем громко объявляет:

— Тренировка окончена. Разошлись.

Бойцы начинают расходиться.

Я остаюсь на месте еще несколько секунд, стараясь успокоиться. Губа саднит, лицо болит там, где Эрдан сжимал его пальцами, а после тяжелого боя неприятно ноют ребра.

Но сильнее всего меня злит собственная беспомощность.

Я сумела выдержать удары противника, освободиться из его захватов и продолжить бой, несмотря на боль. Однако перед Эрданом пришлось сдерживаться, потому что он прекрасно знает, как использовать против меня Марию.

Вытираю кровь с губы тыльной стороной ладони, забираю свои вещи и направляюсь к выходу.

На улице дует прохладный ветер. Люди расходятся небольшими группами, обсуждая тренировку, а некоторые, заметив меня, поспешно замолкают.

Не обращаю на них внимания и иду в сторону нижнего сектора.

С каждым шагом ребра напоминают о полученных ударах. На руках и плечах наверняка появятся новые синяки, но меня это почти не беспокоит. Обычно уже через несколько часов боль начинает ослабевать, а повреждения исчезают значительно быстрее, чем у остальных.

Именно поэтому приходится быть осторожной.

За годы жизни в Хардане я научилась скрывать особенности своего организма. Ношу одежду с длинными рукавами, стараюсь не показывать свежие раны и никогда не позволяю посторонним наблюдать за тем, как быстро они заживают.

Люди здесь не отличаются терпимостью к тому, чего не понимают. Если кто-нибудь узнает о моих способностях, рано или поздно эта информация дойдет до тех, кто захочет использовать их в собственных интересах.

А я слишком хорошо помню, что происходит с людьми, которых превращают в подопытных.

Почти добравшись до дома, сворачиваю в соседний переулок. Здесь, среди небольших покосившихся строений, живет Лада, одна из немногих женщин, которым я действительно доверяю.

Ее дом выглядит немногим лучше нашего. Низкая крыша, потрескавшиеся стены и старая дверь, которую давно пора заменить.

Подхожу и стучу два раза, затем после короткой паузы еще раз.

За дверью слышатся шаги. Щелкает замок, и в проеме появляется Лада.

Она примерно одного возраста с Марией, возможно, немного старше. На ее руках почти всегда остаются следы работы с травами, а одежда пахнет дымом от печки. Несмотря на суровую жизнь в Хардане, Лада сохранила доброту и готовность помогать другим, что здесь встречается нечасто.

Увидев меня, она сразу хмурится.

— Кайра… — голос у нее мягкий, но в нем уже тревога. — Я рада тебя видеть, но выглядишь ты… плохо. Что случилось? С Марией?

— С ней пока ничего нового, — отвечаю я тихо. — Она спит. Жар то поднимается, то падает.

Лада отступает, освобождая проход.

— Заходи.

Вхожу в небольшую комнату, обставленную самой необходимой мебелью. Возле стены стоит печка, рядом небольшой стол с двумя стульями. На полке аккуратно расставлены банки с сушеными травами, а окно прикрыто плотным куском ткани.

Лада закрывает дверь и поворачивается ко мне. Ее взгляд сразу останавливается на разбитой губе и следах на запястьях.

— Тебя опять… — начинает она, но замолкает.

— Тренировка, — коротко отвечаю я.

Лада недовольно фыркает.

— Вижу.

Она осторожно берет меня за запястье, осматривая синяки. Я невольно напрягаюсь, но почти сразу заставляю себя расслабиться. Лада никогда не причиняла мне вреда, хотя привычка избегать чужих прикосновений давно стала частью моей жизни.

Мягко высвобождаю руку.

— Мне нужно, чтобы ты помогла, — говорю я сразу, пока не передумала.

Лада настораживается.

— С Марией?

— Да. — Смотрю ей прямо в глаза. — Мне нужно, чтобы ты присмотрела за ней, пока меня не будет.

Она некоторое время молчит, внимательно изучая мое лицо.

— Кайра… куда ты собралась?

— За лекарством.

— В пустоши? — Она резко выпрямляется. — Одна? Ты сошла с ума?

— Это единственный шанс, — отвечаю я. — И я уже решила.

Лада отходит к столу и опирается на него ладонью.

— Кайра… — Она произносит мое имя с явным раздражением. — Ты понимаешь, что там люди? Не только развалины. Не только зверье. Люди, которые режут за воду. Люди, которые…

— Я знаю, — перебиваю я ровно. — Я уже была там. Не один раз.

Она смотрит на меня с недоверием.

— И все равно хочешь идти одна?

— Я не потащу за собой никого, — отвечаю после короткой паузы. — Это моя дорога. Моя ответственность.

Лада тяжело вздыхает. По ее лицу видно, что она хочет продолжить спор, но прекрасно понимает, насколько бесполезными окажутся любые уговоры.

— Когда ты собралась?

— Завтра. Рано. До того, как город проснется.

Она бросает тревожный взгляд на окно.

— А если они… — она кивает в сторону окна, туда, где шумит Хардан. — Если Эрдан будет искать тебя? Если его люди…

При упоминании Эрдана я невольно напрягаюсь. После сегодняшнего происшествия на площадке мысль о новой встрече с ним вызывает особенно сильное раздражение.

— Скажешь правду, — отвечаю я. — Скажешь, что я ушла искать лекарство. Нам не запрещено покидать Хардан. Он любит правила только тогда, когда они ему выгодны. Пусть попробует сделать из этого преступление.

Лада смотрит на меня с сомнением. Мы обе прекрасно понимаем, что при желании Эрдан найдет повод обвинить меня в чем угодно.

Однако сейчас у меня нет другого выхода.

— Спорить с тобой… — начинает она и замолкает.

— Бесполезно, — заканчиваю за нее.

Лада сердито качает головой.

— Ты такая же упрямая, как Мария.

Не успеваю ничего ответить, как она подходит и крепко обнимает меня.

От неожиданности на мгновение замираю, затем осторожно обнимаю ее в ответ. После тренировки болят плечи и ребра, но я не отстраняюсь. Лада стала для нас почти членом семьи, и ее забота значит гораздо больше, чем я обычно позволяю себе показывать.

— Будь осторожна, — шепчет она. — И… пожалуйста. Вернись живой.

— Я вернусь, — мягко говорю я. — Мне нельзя иначе.

Лада немного отстраняется, продолжая держать меня за плечи.

— Я буду с Марией, — говорит она. — Всегда. Пока ты не вернешься… Не переживай за нее, я присмотрю.

— Спасибо.

Она кивает, хотя тревога в ее глазах никуда не исчезает.

Еще немного поговорив о состоянии Марии и о том, где лежат лекарства, я прощаюсь с Ладой и выхожу на улицу.

Солнце уже опускается за крыши домов, и в узких переулках постепенно темнеет. Где-то неподалеку слышатся голоса торговцев, скрип металлических ворот и привычный шум работающего города.

Возвращаюсь домой и осторожно открываю дверь.

В комнате тихо. Мария по-прежнему спит, укрывшись старым одеялом. Ее лицо влажное от пота, волосы прилипли к вискам, а дыхание остается тяжелым и неровным.

Подхожу к кровати и присаживаюсь рядом. Некоторое время просто наблюдаю за ней, прислушиваясь к каждому вдоху.

Мне страшно представить, что однажды я вернусь и больше не услышу этого дыхания.

Осторожно убираю прядь волос с ее лица и наклоняюсь ближе.

— Я найду его, — шепчу я почти беззвучно, чтобы не разбудить. — Любой ценой.

Еще некоторое время остаюсь рядом, затем поднимаюсь, понимая, что завтра мне предстоит долгий путь.

Глава 5

Выхожу из базы, привычно проверив оружие. Даже во время отдыха предпочитаю держать его при себе. За годы жизни в этом мире я слишком хорошо усвоил, что опасность может возникнуть в любой момент, а несколько секунд промедления порой стоят кому-нибудь жизни.

Вечером Арея становится немного спокойнее, хотя работа здесь не прекращается даже после наступления темноты. Вдоль главных дорожек загораются фонари, патрульные сменяют друг друга на постах, а работники складов продолжают разгружать ящики и перевозить бочки с водой. Мимо проходят люди с корзинами овощей, собранных в теплицах. Каждый занят своим делом, и благодаря этому город продолжает жить.

Иду по знакомой дороге, постепенно оставляя позади служебные корпуса. После сегодняшней вылазки мне хочется хотя бы ненадолго отвлечься от работы, хотя полностью расслабляться я так и не научился. Привычка постоянно следить за окружающей обстановкой остается со мной даже в безопасности Ареи.

Бар «Старый отсек» находится неподалеку от нижней части базы, в здании бывшего технического блока. Его бетонные стены почти не изменились за прошедшие годы, а над тяжелой металлической дверью до сих пор висит старая вывеска.

Толкаю дверь и захожу внутрь.

Меня встречают тепло, запах еды, алкоголя и негромкий гул разговоров. За столами сидят работники базы, бойцы и люди, закончившие очередную смену. Кто-то обсуждает прошедший день, кто-то смеется над рассказом товарища, а некоторые просто молча отдыхают с кружкой в руках.

За стойкой, как обычно, работает Лют. Крупный мужчина с широкими плечами и неизменно серьезным выражением лица. Его старый фартук давно потерял первоначальный цвет, но сам хозяин бара, кажется, совершенно не обращает на это внимания. Лют прекрасно знает постоянных посетителей и редко задает лишние вопросы.

В Арее нет привычной торговли за деньги. Каждый житель выполняет свою работу и получает необходимые продукты и вещи из общих запасов. Бар действует по тому же принципу, предоставляя людям возможность отдохнуть после тяжелого дня.

Оглядываю зал и почти сразу замечаю своих за привычным столом.

Крис сидит боком к проходу, откуда ему хорошо видна большая часть помещения. Макс устроился спиной к стене, а Грей занял место ближе к краю стола. Демарис расположился свободнее остальных, откинувшись на спинку стула, хотя нож по привычке оставил под рукой.

Аксейд сидит рядом с ним и время от времени оглядывает посетителей. Даже здесь он остается внимательным к происходящему вокруг, хотя с его слухом ему вовсе не обязательно постоянно поворачивать голову, чтобы понимать, что творится в зале.

Подхожу к столу, кладу ладонь на его край и опускаюсь на свободный стул.

— О, наш лидер пришел, — Крис оживает мгновенно.

— Не называй меня так, — говорю, поднимая на него взгляд.

Крис не отводит глаза. Его уважение не в поклоне. Его уважение в честности.

— Но это правда, — говорит он спокойно. — Если бы не ты… после смерти Марка здесь начался бы бардак. Люди перегрызлись бы. Каждый решил бы, что ему можно больше остальных.

Он говорит без дерзости, в его голосе нет лести, только опыт, и я сжимаю челюсть, опуская взгляд на стол.

— Мы все многое делаем для этого места.

— Но порядок держишь ты, — говорит Крис, не отступая.

Эти слова не громкие. Они тяжелые. Потому что правдивые. А правда в таких вещах не облегчает, она нагружает.

— Так же, как и Аксейд, и Демарис, — говорю, переводя на них взгляд.

Аксейд сидит прямо, пальцы сцеплены. Лицо спокойное, взгляд пустой. Он слушает зал, дверь, шаги, дыхание.

— Я бы никогда не стал лидером, — спокойно произносит.

Вижу напряжение в его шее, в плечах. Он не расслаблен ни на миг. И я понимаю, почему он это сказал. Не потому что слаб. Потому что он живет в шуме, который не замолкает.

— Однажды ты возьмешь это под контроль, — говорю я, наклоняясь чуть ближе, — не мир, себя, и тогда сможешь все, что захочешь.

Он не отвечает. Просто смотрит в сторону стойки.

Демарис перекатывает нож между пальцами, проверяя баланс. Делает глоток пива.

— Нам есть за что держаться, — говорит он.

Улыбка у него резкая, привычная, без легкости.

— Если мы не будем держаться, — продолжает он, — этот мир так и останется местом, где сильный жрет слабого. А я не хочу дожить до конца и понять, что мы просто выживали и ничего не построили.

В пустошах слишком много крови, чтобы верить в это без злости. Я слышу ее в его голосе.

— Он станет лучше только тогда, — говорю я, — когда люди начнут думать так же. А не резать друг друга за власть и ресурсы.

— Этого не будет. Никогда, — говорит Аксейд.

— Катастрофа все показала, — добавляет он. — Мир уничтожила не болезнь. Мир уничтожили люди. И они не изменились. Просто нашли новые причины.

Крис больше не улыбается. Макс держит кружку, но не пьет. Грей слушает, даже не притворяясь, что смотрит по сторонам.

— Вы… никогда не рассказывали, что с вами делали здесь, в Секторе А, — говорит Макс осторожно.

Демарис останавливает нож и поворачивает голову.

— Там нечего вспоминать, — говорит он жестко. — И нечего превращать это в разговоры за пивом.

— Я не из любопытства. Благодаря тому, что было, у нас есть то, что спасает людей. И у нас есть вы. Те, кто держит город.

Грей добавляет негромко:

— Без вас мы бы не вытянули.

Я смотрю на него.

— Крейден — сила и сталь этого места, — продолжает он. — Аксейд — его слух. Демарис — точность. Без вас у нас почти не было бы шансов.

Тишина становится плотной, мне не нравятся такие моменты, в них слишком много смысла, а смысл всегда тянет за собой ответственность. Откидываюсь на спинку стула.

— Вы позвали меня отдыхать, — говорю ровно, — а устроили разговоры, после которых хочется снова идти в рейд и кому-нибудь врезать.

Крис фыркает.

— Извини. Мы просто…

— Живые, — заканчивает Макс.

Нора неторопливо подходит к нашему столу с кружкой пива в руке. Держится уверенно, как и всегда, и, заметив мой взгляд, слегка улыбается.

Мы давно спим вместе, но наши отношения никогда не выходили за пределы физической близости. Никаких обязательств, обещаний или разговоров о совместном будущем. Я с самого начала дал ей понять, что не собираюсь ничего менять, и Нора согласилась с такими условиями. По крайней мере, до сих пор делала вид, что ее все устраивает.

Она ставит передо мной кружку и наклоняется чуть ближе, чем необходимо, намеренно задерживаясь рядом.

— Давно тебя тут не было, Крейден, — говорит она игриво, с той интонацией, которую не перепутаешь. Она рада меня видеть. И не считает нужным это скрывать.

— Работа не отпускает, — отвечаю спокойно.

Задерживаю на ней взгляд. Нора явно не собирается довольствоваться тем, что есть между нами. Она достаточно умна, чтобы не предъявлять требований напрямую, но при каждом удобном случае пытается стать немного ближе. Действует осторожно, словно рассчитывает, что со временем я сам захочу большего.

— Мог бы все равно заглядывать чаще, — ее губы трогает улыбка, не кокетливая, а понимающая.

За столом раздается короткий смешок.

Нора выпрямляется и забирает поднос, ничем не выдавая своего раздражения. Затем спокойно разворачивается и уходит, сохраняя привычную уверенность.

— Не пропадай, — бросает она уже на ходу.

Не отвечаю, и она это принимает, Нора уходит, растворяясь в шуме бара, я делаю глоток и ставлю кружку обратно на стол.

Крис первым отодвигает стул.

— Ладно, — говорит он, хлопая ладонями. — Хватит умных разговоров. Кто идет кидать кости?

— Ты опять мухлевать будешь, — бурчит Макс, но уже поднимается.

— Если выигрываю — это стратегия, — усмехается Крис.

Грей встает последним, бросает на меня короткий взгляд, вопросительный, но без слов.

— Мы рядом, — говорит он просто.

Они уходят к дальнему столу, где уже стучат кружки и кто-то ругается из-за проигрыша. Шум смещается, разговоры накладываются друг на друга. Бар живет.

Аксейд сидит неподвижно, пальцы сцеплены, взгляд направлен не на нас и не в зал, куда-то глубже. Он слушает.

— Как долго, — говорит он наконец, — у нас еще будет такая спокойная жизнь?

— Уже давно тихо, — отвечаю. — Люди начинают учиться жить по-новому. Без истерик. Без постоянной резни.

— Ты же знаешь, что в других местах до сих пор ад, Хардан, Фьор, кланы, рабство, жестокость там норма, там не учатся, там выживают, — говорит Аксейд, медленно качая головой.

— Мы все вышли из одного ада, — говорю я. — Просто выбрали разные двери.

Опираюсь предплечьями о стол, чувствую холод дерева под кожей.

— И это нас не касается. Главное, Арея держится. И будет держаться.

— Коснется, — говорит он сдержанно. — Когда они придут к нашим воротам.

Демарис усмехается и делает глоток.

— Пусть только сунутся.

В его голосе нет бравады. Только уверенность человека, который уже прокручивал этот бой в голове и не увидел в нем ничего нового.

Аксейд не улыбается.

— Вы прекрасно понимаете, — продолжает он, — что это вопрос времени. Когда узнают про кордекс. Когда захотят его себе. И тогда будет война.

Ставлю кружку на стол чуть жестче, чем нужно. Дерево глухо отзывается.

— Мы сделаем все, чтобы не узнали.

Я не повышаю голос. В этом нет нужды.

— Поэтому у нас отбор. Поэтому те, кого мы принимаем, не уходят. Мы даем им лучшую жизнь, чем где-либо еще. И они это знают.

— Все тайны всплывают. Всегда, — Аксейд чуть склоняет голову.

Он смотрит на стол, но я знаю, он слышит не дерево. Он слышит будущее.

— Когда у тебя на базе хранятся ампулы с таким веществом, любой захочет его заполучить. А если кто-то поймет, что с его помощью можно усилить себя… за ним придут все.

Демарис поворачивает нож в пальцах, затем останавливает его, прижимая большим пальцем.

— Крейден, — говорит он прямо. — Ты никогда не думал уничтожить все, что осталось от кордекса?

— Без кордекса мы выживем, — отвечаю. — Мы и так построили это место своими руками.

Задерживаю взгляд на лезвии ножа, потом возвращаю его Демарису.

— Но мы заберем шанс у наших людей. У тех, кто держится на нем. У тех, кому он дает возможность не умереть. У нас нет медицины старого мира. Для них кордекс — единственный выход.

— Тогда война — вопрос времени, — Демарис медленно выдыхает.

Аксейд отвечает вместо меня:

— Если мы уничтожим его — они найдут другой повод для войны.

— Аксейд прав, — говорю я.

Смотрю в зал, на людей, на смех у дальнего стола, на усталые лица, которые сегодня могут позволить себе выдохнуть.

— Война всегда найдет причину, — продолжаю я. — Наша задача — чтобы, когда она придет, Арея была готова. И стояла.

Допиваю пиво и ставлю кружку на стол.

— Пора.

Демарис усмехается, откидываясь на спинку стула.

— Уже? — тянет он. — Мы только собрались.

— Завтра тренировки, — отвечаю. — И чтоб все были.

— Не пропущу, — фыркает Демарис и переводит взгляд на Аксейда. — Ну что, завтра реванш? В прошлый раз я был близок.

Аксейд поворачивает голову медленно. Смотрит прямо, без тени улыбки.

— Ты не умеешь двигаться тихо, — говорит он ровно. — А твое «близко» существовало только у тебя в голове.

— Зато я считываю каждое твое движение, — отвечает он, и уголки губ дергаются, — и однажды твой слух тебя подведет.

— Каждый раз одно и то же, — говорю. — Один уверен, что все услышит. Второй, что все просчитает. А по факту вы просто не даете друг другу расслабиться.

Поднимаюсь из-за стола.

— Так что завтра покажете, кто был «близок», — добавляю. — Когда вы начинаете драться, в Арее замирают все. С надеждой, что город это переживет.

Выхожу из бара и направляюсь к базе. Ночной воздух заметно прохладнее, а улицы Ареи почти опустели. Большинство жителей уже разошлись по домам, лишь дежурные патрули продолжают обходить территорию. В окнах некоторых зданий еще горит свет, но в целом город постепенно погружается в сон.

Иду по знакомой дороге, прислушиваясь к окружающим звукам. Под ногами негромко скрипят металлические настилы, из технических помещений доносится ровный гул вентиляции, а где-то неподалеку слышатся шаги патрульных. Все спокойно, и я невольно испытываю удовлетворение от того, что жители Ареи могут позволить себе отдыхать, не опасаясь за собственную безопасность.

Добравшись до базы, прохожу по почти пустым коридорам и направляюсь в свою комнату. Внутри все остается на привычных местах: кровать, шкаф и небольшой стол. Ничего лишнего мне здесь никогда не требовалось.

Снимаю перчатки, оставляю их на столе и разворачиваю стул спинкой вперед. Сажусь, опираюсь предплечьями на спинку и на некоторое время закрываю глаза, позволяя себе наконец расслабиться.

Однако вскоре мое внимание привлекают шаги в коридоре.

Кто-то приближается к моей комнате, совершенно не пытаясь скрыть свое присутствие. По знакомой походке почти сразу понимаю, кто это, но открывать глаза не спешу.

Шаги останавливаются возле двери. Раздается тихий щелчок замка, после чего кто-то входит внутрь.

— Что ты тут делаешь?

Открываю глаза и вижу Нору, остановившуюся в нескольких шагах от входа.

Она успела переодеться после смены в баре. Вместо привычных брюк на ней короткая юбка и облегающий топ, подчеркивающий фигуру. Судя по тому, сколько внимания она уделила своему внешнему виду, Нора явно собиралась произвести впечатление.

И прекрасно знает, на кого именно.

— Я соскучилась, Крейден.

Нора стоит у двери, спокойно выдерживая мой взгляд. Она прекрасно понимает, что явилась без приглашения, но совершенно не собирается извиняться.

— Ты охренела? — отвечаю я холодно. — Решила, что можешь заявляться ко мне на базу без приглашения?

Она не отступает. Наоборот, делает шаг ближе. Потом еще один. Двигается плавно, почти лениво, как если бы время здесь принадлежало ей.

— Я просто давно тебя не видела, — говорит тихо. — И ты знаешь, что со мной происходит, когда ты пропадаешь.

Нора опускается рядом со стулом, не сводя с меня глаз. Затем осторожно кладет ладонь мне на ногу чуть выше колена и медленно проводит пальцами по бедру, наблюдая за моей реакцией.

Ловлю ее за лицо. Не резко. Но так, что она замирает.

— Еще раз ты появишься здесь без моего слова — вылетишь из Ареи, — говорю низко. — Без разговоров. Ты меня поняла?

На мгновение в ее глазах появляется испуг, но Нора быстро берет себя в руки.

— Я поняла, — отвечает тихо. — Я просто… скучала. И больше так не буду.

Ее пальцы осторожно сжимают мои, словно она пытается удержать прикосновение немного дольше.

Отпускаю ее подбородок, но ладонь оставляю у щеки.

Нора поднимает на меня глаза. Прежняя уверенность возвращается к ней, и по ее взгляду становится ясно, что отступать она не собирается. Берет мою руку, мягко обхватывает большой палец своими пухлыми губами и начинает сосать. Потом отрывается и тихо говорит:

— Не злись. Ты же знаешь… мне нужен ты. И только ты.

Ее рука, лежащая у меня на ноге, двигается выше, к поясу, и пальцы находят молнию на штанах.

— Я покажу, как скучала, — добавляет она с игривой уверенностью.

Нора высвобождает мой член, который уже стоит от ее дерзости, и поднимает на меня взгляд, не скрывая своей победы.

— Ты тоже скучал, — улыбается она и наклоняется ниже.

Я прекрасно знаю эту игру, знаю, чем она обычно заканчивается, и понимаю, что в ней нет никаких чувств, только давняя привычка, накопившееся напряжение и короткое облегчение.

Нора начинает работать своим дерзким ротиком, и, черт, это оказывается именно тем, что сейчас нужно. Я крепко хватаю ее за волосы и ускоряю темп на грани жестокости, потому что она меня по-настоящему разозлила.

Когда я оказываюсь почти у самой цели, я резко хватаю ее за руку и тяну вверх, поднимаясь следом сам.

— Я слишком зол на тебя, чтобы позволить тебе вот так просто довести меня, — мой голос режет тишину.

Моя рука скользит под ее юбку, отчего она тихо и почти довольно выдыхает.

— Ты за этим пришла, — добавляю я холодно. — Но потом не говори, что я был груб.

Дыхание Норы сбивается. Она молчит, но ее взгляд горит упрямо и вызывающе, показывая, что она готова абсолютно на все, лишь бы не потерять контроль над ситуацией.

Одним движением я задираю ее юбку и толчком опрокидываю на кровать. Мои пальцы впиваются в тонкую ткань трусиков, раздается короткий треск, и лоскуты летят в сторону, а затем ладонь с маху опускается на обнаженную кожу, высекая хлесткий, обжигающий звук.

— Это последнее предупреждение, Нора.

Раздается еще один удар, и из ее груди вырывается звук, в котором смешиваются боль и согласие. Она шепчет, не скрывая своего желания, просит, но я больше не отвечаю и просто продолжаю, удерживая ее там, откуда она и не пытается вырваться.

Я вхожу резким, глубоким толчком, выбивая из нее прерывистый стон. Внутренние мышцы тут же плотно обхватывают плоть, отвечая на грубый напор, и я задаю быстрый, рваный темп, едва удерживаясь на грани. Моя свободная рука блуждает по ее горячему телу, пока пальцы не впиваются в грудь, сильно сминая ее, и с каждым движением я чувствую, как ее возбуждение становится почти осязаемым.

Я наклоняюсь к ней ближе, почти к самому уху, и опускаю голос до медленного, тяжелого шепота:

— Ты за этим пришла? — спрашиваю я. — За этим?

Она вздрагивает, но не отстраняется, а наоборот, подается навстречу, словно ждала именно этого вопроса, и выдыхает рвано и слишком громко:

— Да... — шепчет она, и в этом слове оказывается больше правды, чем она собиралась мне дать.

Потом она добавляет, почти неслышно:

— Крейден...

Я обрываю ее на полуслове. Фраза тонет в хриплом выдохе, когда я вхожу еще глубже, лишая ее последних крох контроля. Я не ускоряю темп, а именно вдавливаюсь, впечатывая ее в матрас и наглядно показывая, чья сейчас очередь решать, когда ей говорить, а когда лишь чувствовать. Она окончательно теряет опору в каждом спазме, в каждом сорванном, рваном вдохе.

— Тише, — бросаю я глухо, почти у самого уха. — Сейчас не ты решаешь.

Она всхлипывает, и этот звук оказывается не просьбой, а согласием.

Я продолжаю вбиваться, не давая ни секунды на передышку, чтобы грань между ее волей и моей властью окончательно стерлась. Еще несколько рваных, толчков, и меня накрывает вспышка. Я резко выхожу, лишая ее тепла своего тела, и сразу отступаю в тень, оставляя ее одну и полностью разрывая контакт.

Она остается наклоненной и тяжело дышит, слишком быстро понимая, что этот секс был совсем не про нее и не для нее. Ее тело все еще ждет разрядки, а все уже закончилось.

Я стою в стороне, приводя дыхание в порядок и даже не глядя на нее.

— Убирайся, — говорю я сухо. — И больше не позволяй себе лишнего.

Нора не отвечает сразу. Медленно поднимается, поправляет юбку и одергивает топ, не торопясь привести себя в порядок. Ее дыхание еще не успело восстановиться, но прежняя уверенность уже вернулась. Когда она наконец смотрит на меня, на губах появляется довольная улыбка.

— Как скажешь, — спокойно отвечает она.

Направляется к выходу, но перед тем, как закрыть дверь, оборачивается и бросает на меня последний взгляд. Судя по ее выражению, Нора считает, что сегодняшний вечер прошел именно так, как она рассчитывала.

Дверь закрывается, и я остаюсь один.

Некоторое время стою неподвижно, пытаясь избавиться от нарастающего раздражения. Нора красивая женщина, прекрасно знающая свои достоинства и умеющая пользоваться мужским вниманием. Она тщательно следит за внешностью, знает, как подчеркнуть фигуру, и всегда уверена в том, какое впечатление производит.

Мы спим вместе уже несколько лет. За это время я неоднократно объяснял ей, что наши отношения ограничиваются физической близостью. Никаких чувств, обязательств или совместного будущего между нами нет и никогда не будет.

Однако Нора, похоже, продолжает надеяться на большее.

Она достаточно умна, чтобы не предъявлять требований открыто. Вместо этого старается проводить со мной больше времени, появляется без приглашения и постепенно проверяет, насколько далеко может зайти. Возможно, рассчитывает, что однажды я привыкну к ее постоянному присутствию и захочу изменить характер наших отношений.

Но меня не покидает ощущение, что дело не только в чувствах.

Близость со мной дает ей возможность рассчитывать на определенное положение в Арее. Нора прекрасно понимает, кто я такой, и, вероятно, надеется, что со временем наши отношения обеспечат ей дополнительные преимущества, влияние или хотя бы уверенность в собственном будущем.

Именно это раздражает больше всего.

В Арее каждый получает необходимое благодаря своему труду. Я не собираюсь делать для Норы исключение только потому, что мы трахаемся.

Я никогда не обещал ей ничего подобного и не давал оснований рассчитывать на особое отношение. Все условия были известны с самого начала, и она добровольно их приняла.

Тем не менее с каждым годом становится все очевиднее, что Нора воспринимает нашу связь иначе. Для нее проведенное вместе время, похоже, означает возможность постепенно добиться желаемого.

Для меня же ничего не изменилось.

Нора остается женщиной, с которой мне приятно проводить время, но на этом наши отношения заканчиваются. И сколько бы она ни пыталась убедить себя в обратном, предложить ей что-то большее я не смогу.

Глава 6

Встаю еще до рассвета. В Хардане в это время на улицах почти никого нет, но даже ночью город не становится безопаснее. Здесь слишком много людей, которые предпочитают действовать под покровом темноты, и я давно привыкла не терять бдительности.

Осторожно выбираюсь из постели, стараясь не шуметь. Пол под ногами холодный, старые доски местами скрипят, поэтому приходится внимательно следить, куда наступаю. Я хорошо знаю наш дом и могу передвигаться по нему практически на ощупь.

Натягиваю плотные кожаные штаны, потертые на бедрах и коленях. За долгие годы они стали удобными и практически не стесняют движений. Следом надеваю простую куртку из грубой кожи, поправляю ремни и проверяю пряжки.

Закончив с одеждой, принимаюсь за оружие. Первым достаю короткий тяжелый нож. Проверяю остроту лезвия, перехватываю рукоять и убираю его в ножны на поясе. Поднимаю с пола потрепанную сумку и перекидываю ремень через плечо. Внутри несколько жестяных банок, сухая еда и запас воды. Беру только самое необходимое, поскольку впереди долгий путь и лишний вес будет мешать.

Если повезет, по дороге удастся найти дополнительные припасы. В заброшенных зданиях иногда еще попадается что-нибудь полезное, хотя рассчитывать на это не стоит.

Сердце бьется немного быстрее обычного. Мне страшно отправляться в пустоши одной, но отступать уже поздно.

Оборачиваюсь к Марии. Она лежит на кровати, тяжело дыша. Даже во сне ее периодически мучает кашель, от которого все тело болезненно вздрагивает. Подхожу ближе, присаживаюсь рядом и осторожно убираю прядь волос с ее лба. Кожа горячая. В последнее время жар практически не спадает.

Несколько секунд смотрю на ее осунувшееся лицо, затем провожу ладонью по волосам.

Мария не моя родная мать, но именно она когда-то остановилась и помогла мне, когда остальные предпочли пройти мимо. Она заботилась обо мне, растила и защищала, ничего не требуя взамен. За прошедшие годы мы стали настоящей семьей, и я не представляю, что буду делать, если потеряю ее.

Наклоняюсь ближе.

— Я найду, — шепчу почти беззвучно. — Чего бы мне это ни стоило.

Мария не отвечает. Ее дыхание остается тяжелым, иногда прерываясь тихим хрипом. Осторожно целую ее в лоб и поднимаюсь. Еще раз поправляю одеяло, проверяю сумку и направляюсь к выходу. Не позволяю себе задерживаться, понимая, что иначе решиться уйти будет гораздо сложнее.

На улице по-прежнему темно. Хардан постепенно просыпается, хотя большинство жителей еще спит. Прохожу мимо старых домов с облупившимися стенами и провалившимися крышами. Вместо дверей в некоторых проемах висят грязные тряпки, а от сырых стен тянет плесенью и дымом.

В подворотнях лежат люди, которым не нашлось места под крышей. Они кутаются в потрепанную одежду, стараясь хоть немного согреться.

Стараюсь идти тихо, не привлекая лишнего внимания. Под ногами иногда поскрипывают доски, где-то вдалеке лает собака, а ветер гуляет между пустующими зданиями.

Добираюсь до городских ворот. На посту стоят двое охранников. Судя по усталым лицам и раздраженным взглядам, ночная смена выдалась для них не самой приятной.

— Куда собралась? — бросает один, даже не скрывая раздражения.

— В пустоши, — отвечаю я.

— Одна? — усмехается второй.

— Да.

— Ну, — тянет первый, — в одиночку там долго не ходят. Земля быстро принимает таких.

Не собираюсь тратить время на разговоры с ними. Молча подхожу ближе к воротам и дожидаюсь, пока охранники откроют проход. Металлические створки с громким скрипом расходятся в стороны. Делаю шаг за пределы Хардана, поправляю ремень сумки и направляюсь по дороге, не оборачиваясь.

За городскими стенами местность постепенно меняется. Вдоль дороги тянутся сухие участки земли, остатки разрушенных построек и старые бетонные конструкции. Здесь почти не осталось следов прежней жизни, лишь обломки того, что когда-то пытались сохранить.

Иду несколько часов, стараясь поддерживать ровный темп. Поначалу постоянно прислушиваюсь к окружающим звукам, но постепенно привыкаю к одиночеству. Дорога остается пустой, и ничто не мешает двигаться вперед.

Со временем впереди появляются деревья. Еще немного, и я добираюсь до леса. Под густыми кронами становится заметно прохладнее. После сухого воздуха пустошей особенно приятно чувствовать запах хвои, влажной земли и воды. Делаю глубокий вдох и на мгновение позволяю себе расслабиться. Здесь гораздо тише, чем возле Хардана.

Через несколько минут деревья расступаются, открывая небольшую поляну с озером. Останавливаюсь у края леса. Темная вода почти неподвижна. На поверхности отражаются ветви деревьев и светлеющее небо, а вокруг не слышно ничего, кроме редкого шелеста листвы.

Трудно поверить, что совсем недалеко отсюда находятся разрушенные города, где люди продолжают убивать друг друга ради еды и ресурсов.

Несколько секунд просто смотрю на озеро.

— Обманчивая тишина, — говорю я себе.

Мне нельзя задерживаться надолго. Впереди еще предстоит пройти через разрушенный город, где вероятность встретить вооруженных людей значительно выше.

Я понимаю, насколько опасным будет дальнейший путь, но у меня есть преимущество, о котором большинство людей даже не подозревает.

Кордекс изменил мой организм. Он не сделал меня сильнее физически, зато позволил двигаться тише, быстрее и оставаться незамеченной там, где обычного человека давно бы обнаружили. Со временем я научилась пользоваться этими возможностями почти не задумываясь. И сейчас они могут спасти мне жизнь.

Моя цель — Сектор А, бывший военный комплекс, который теперь называют Ареей. Именно там я надеюсь найти то, что поможет Марии.

Больше всего боюсь не опасностей, ожидающих меня в дороге, а того, что могу не успеть вернуться. С каждым днем ее состояние ухудшается, и я не знаю, сколько времени у нас осталось.

Поправляю сумку, в последний раз смотрю на спокойную поверхность озера и направляюсь обратно к дороге.

К первым зданиям подхожу осторожно. Останавливаюсь на границе леса и некоторое время осматриваю улицы, прежде чем решиться выйти из укрытия.

Здесь воздух заметно тяжелее. Пахнет пылью, ржавчиной, сыростью и чем-то давно сгнившим. Вокруг поднимаются поврежденные многоэтажные здания, некоторые из которых частично обрушились. Большинство окон выбито, фасады покрыты трещинами, а сквозь разрушенный асфальт пробивается сорная трава.

Медленно продвигаюсь вперед, внимательно изучая окружающую обстановку.

Иногда мне хочется представить, каким этот город был до катастрофы. Когда мир рухнул, я была слишком маленькой, чтобы сохранить отчетливые воспоминания о прежней жизни. Все, что знаю о ней, узнала значительно позже из чужих рассказов.

Но мне нетрудно представить людей, которые когда-то жили в этих домах. Они ходили на работу, встречались с друзьями, ссорились, смеялись и возвращались вечером к своим семьям. В окнах горел свет, по улицам ездили машины, а обычные повседневные заботы казались гораздо важнее всего остального. Теперь здесь почти ничего не осталось.

Стараюсь держаться подальше от главных улиц. Широкие проспекты слишком хорошо просматриваются, поэтому предпочитаю узкие проходы между зданиями. Иногда приходится перелезать через завалы или протискиваться между бетонными плитами, стараясь не задевать торчащие металлические конструкции.

Когда где-то неподалеку осыпается штукатурка, я замираю и внимательно прислушиваюсь. Услышав скрип металла, осторожно прижимаюсь к стене и жду, пока не убеждаюсь, что это всего лишь ветер.

Несколько раз даже собственные шаги кажутся чужими. Тогда приходится останавливаться и проверять, нет ли поблизости посторонних.

Благодаря Кордексу скрываться от чужих глаз мне значительно легче. Я умею передвигаться практически бесшумно, быстро находить укрытия и оставаться незамеченной даже на небольшом расстоянии.

Продвигаюсь через очередной переулок и ненадолго задерживаюсь возле полуразрушенного здания, прислушиваясь к тишине.

Город кажется пустым, но я прекрасно понимаю, насколько обманчивым бывает такое впечатление.

Когда солнце начинает опускаться к горизонту, заранее принимаюсь искать место для ночлега. Оставаться на открытой улице после наступления темноты слишком опасно. Именно ночью здесь чаще появляются вооруженные группы, которые предпочитают нападать на одиноких путников.

Вскоре нахожу здание с относительно уцелевшими стенами. Осторожно захожу внутрь. Судя по сохранившейся мебели, раньше здесь располагался магазин или офис. На полу валяются обломки прилавков, ржавые стеллажи и куски обрушившегося потолка.

Среди мусора замечаю человеческие останки. Черепа, отдельные кости, сгнившую одежду и обувь. Все это лежит вперемешку с обломками мебели. Некоторое время смотрю на них, затем отворачиваюсь. В пустошах подобное встречается часто. Во время катастрофы погибло слишком много людей.

Мне нужно сосредоточиться на собственной безопасности. Выбираю угол, где сохранились две стены и почти нет сквозняка. Проверяю ближайшие проходы, прислушиваюсь к звукам снаружи и только после этого позволяю себе сесть.

Снимаю сумку с плеча и ставлю рядом. Достаю немного сухой еды и воду. Припасов должно хватить на несколько дней, если расходовать их осторожно, но дальнейший путь может занять гораздо больше времени.

Поэтому ем понемногу, стараясь не думать о голоде. Делаю небольшой глоток воды, закрываю емкость и убираю все обратно. Затем подтягиваю куртку и устраиваюсь так, чтобы видеть вход.

Ночь проходит беспокойно. Несколько раз просыпаюсь от подозрительных шорохов и треска старых конструкций. Иногда кажется, что где-то поблизости слышны шаги, и тогда я крепче сжимаю рукоять ножа, стараясь определить направление звука. Но каждый раз вокруг снова становится тихо.

Утром продолжаю путь.

Следующие дни проходят почти одинаково. Я осторожно продвигаюсь через разрушенные кварталы, стараясь обходить открытые пространства и места, где могут находиться другие люди. Иногда приходится надолго прятаться в заброшенных зданиях, пережидая вооруженные группы.

Несколько раз слышу неподалеку мужские голоса. Обычно они разговаривают громко, не особенно заботясь о том, услышит ли их кто-нибудь. По отдельным фразам понимаю, что встречаться с ними не стоит.

Я слишком хорошо знаю, как здесь относятся к одиноким женщинам. В пустошах многие давно перестали считаться с чужой жизнью. Для некоторых людей женщина становится лишь добычей, которой можно воспользоваться, а затем бросить.

Поэтому я предпочитаю оставаться незамеченной. Мне не нужны столкновения, и я не собираюсь рисковать без необходимости.

Порой я часами сижу в укрытии, дожидаясь, пока опасность минует. Лишь убедившись, что поблизости никого нет, выбираюсь наружу и продолжаю идти.

Во время коротких остановок постоянно думаю о Марии. Вспоминаю ее тяжелое дыхание, мучительный кашель и горячую кожу под ладонью. Перед глазами снова возникает ее осунувшееся лицо, и от мысли, что болезнь продолжает отнимать у нее силы, становится еще страшнее.

Не знаю, как она чувствует себя сейчас и справляется ли без меня. Но возвращаться с пустыми руками нельзя. Поэтому продолжаю идти, даже когда ноги начинают болеть, а усталость становится почти невыносимой.

Город кажется бесконечным. Один разрушенный квартал сменяет другой, и постепенно я перестаю различать отдельные дни. Время проходит в постоянных переходах, коротких остановках и попытках найти безопасное место для ночлега.

С каждым утром подниматься становится тяжелее. Мышцы ноют, пальцы немеют от усталости, а запасы еды постепенно заканчиваются. И все же я продолжаю двигаться вперед.

Здания начинают встречаться реже. Между ними появляются открытые участки земли, а воздух постепенно становится чище. Впереди уже не видно плотной городской застройки, и я понимаю, что самая длинная часть пути осталась позади.

Сектор А совсем близко.

Останавливаюсь в тени очередного дома и прислоняюсь спиной к холодной стене. Несколько секунд стою неподвижно, пытаясь восстановить дыхание. Все тело болит от усталости, но впервые за долгое время я позволяю себе поверить, что смогу добраться до цели.

Выхожу с базы, проверив снаряжение и оружие. Утро уже в разгаре, и город живет привычной жизнью. В Арее редко бывает спокойно даже в начале дня. У каждого есть свои обязанности, и большинство жителей приступает к работе задолго до того, как солнце поднимается высоко.

По дороге замечаю людей, разгружающих ящики возле склада. Материалы, которые мы привезли из вчерашнего рейда, уже распределили между мастерскими. Несколько рабочих сортируют кабели, другие переносят фильтры и металлические детали. Чуть дальше сотрудники проверяют оборудование теплиц.

Вокруг слышатся голоса, звон металла и шум работающих механизмов.

Навстречу проходит патруль. Бойцы приветствуют меня короткими кивками, не останавливаясь.

— Доброе, Крейден, — бросает мужчина у распределительного узла.

— Утро, — отвечаю.

Продолжаю идти, время от времени отвечая на приветствия. Мне нравится, что люди здесь не бросают работу при моем появлении. Они знают свои обязанности и понимают, что мне не требуется постоянное подтверждение собственного положения.

Направляюсь к Степангару, старому ангару, который мы переоборудовали под тренировочный сектор. Его широкие ворота видны издалека.

По пути замечаю двоих детей. Мальчик и девочка лет десяти бегут мне навстречу, весело переговариваясь. Оба растрепанные, с грязными коленями, но совершенно довольные жизнью.

Детей в Арее пока немного, поэтому я невольно обращаю на них внимание.

— Крейден! — кричит мальчик, махая рукой.

Останавливаюсь, дожидаясь, пока они подбегут.

— Куда несет? — спрашиваю, глядя сверху вниз.

— Тренироваться! — гордо отвечает он. — Я уже почти умею держать нож правильно!

— Почти — не считается, — хмыкаю. — Сначала научись держать голову.

Мальчик фыркает, но улыбается.

Девочка некоторое время внимательно разглядывает меня, затем неожиданно заявляет:

— Когда я вырасту, у меня будет муж такой, как ты.

Невольно усмехаюсь и слегка наклоняюсь к ней.

— Тебе не нужен муж такой, как я, — говорю спокойно и легко треплю ее по волосам. — У тебя будет лучший. Тот, кто будет тебя защищать, а не тащить за собой в драки.

— Все равно, — упрямо говорит она.

— Упрямая, — выпрямляюсь и бросаю на ходу, — это тебе пригодится.

Дети смеются и убегают дальше, по дороге толкая друг друга плечами.

Некоторое время смотрю им вслед. Ради таких моментов и стоит продолжать бороться за Арею. Здесь дети могут спокойно бегать по улицам, не опасаясь, что за ближайшим поворотом их поджидает вооруженный человек. И я намерен сохранить для них эту возможность.

У ворот Степангара слышу шум тренировок. Захожу внутрь, не предупреждая о своем появлении.

Просторное помещение разделено на несколько площадок. На одной бойцы отрабатывают приемы рукопашного боя, на другой тренируются с манекенами. Чуть дальше проходят занятия с ножами под наблюдением инструкторов.

Воздух наполнен звуками ударов, тяжелым дыханием и короткими командами. Каждое упражнение должно помочь человеку выжить во время настоящего столкновения.

Аксейд стоит немного в стороне от основной группы, наблюдая за тренировкой нескольких бойцов.

Он редко повышает голос. Обычно ему достаточно короткого замечания или жеста, чтобы указать на ошибку.

— Слишком шумно, — говорит он одному из бойцов. — Ты умер еще до удара.

Мужчина останавливается, поправляет стойку и пробует повторить движение.

Ближе к центру площадки работает Демарис. Он переходит от одной пары к другой, поправляет положение рук, показывает правильную дистанцию и при необходимости сам демонстрирует прием. В какой-то момент резким движением выбивает оружие у одного из бойцов, заставляя того отступить.

— Здесь. Всегда здесь, — говорит он, указывая на корпус. — Если думаешь — опоздал.

Крис тоже занят тренировкой. Он быстро перемещается по площадке, стараясь не уступать более опытным противникам.

Макс работает с крупным бойцом, отрабатывая защиту и удержание равновесия. Его движения размеренные, без лишней спешки.

Грей наблюдает за соседней парой. Иногда вмешивается, чтобы исправить ошибку, затем снова отходит, позволяя бойцам продолжать самостоятельно.

Останавливаюсь возле входа и некоторое время слежу за происходящим. Мне важно видеть, насколько хорошо подготовлены люди, которым предстоит защищать город. Во время настоящего столкновения никто не даст им времени вспомнить нужный прием или исправить ошибку.

Отталкиваюсь от стены и выхожу ближе к центру. Несколько бойцов замечают меня первыми. Постепенно остальные тоже обращают внимание на мое появление, хотя занятия полностью не прекращаются.

Оглядываю площадку.

— Кто со мной? — спрашиваю громко.

На несколько секунд повисает тишина. Затем из середины группы выходит крупный мужчина со старыми шрамами на руках и плечах. Он держится уверенно, без показной бравады. Спокойно снимает куртку, откладывает ее в сторону и подходит ближе.

— Без оружия, — говорю.

— Понял.

Остальные отходят, освобождая место.

Стягиваю перчатки, кладу их на ближайший ящик и разминаю пальцы.

Противник занимает стойку. Не тороплю его, позволяя начать первым. Мужчина осторожно сокращает расстояние, проверяя мою реакцию. Двигается грамотно, следит за положением корпуса и старается не открываться раньше времени.

Первый удар принимаю на защиту, затем смещаюсь в сторону. Он тут же меняет положение и атакует снова, уже значительно жестче.

Неплохо.

Отвечаю короткой серией движений, заставляя его отступить. Мужчина удерживает равновесие и пытается перехватить инициативу, но я меняю темп, сбивая его с привычного ритма. Он падает, быстро поднимается и снова идет вперед.

Упрямства ему не занимать.

Позволяю провести еще одну атаку, затем перехватываю руку, смещаюсь и отправляю его на пол. На этот раз удерживаю противника собственным весом, не позволяя освободиться.

Мужчина несколько секунд пытается изменить положение, но вскоре понимает, что выбраться из захвата не получится.

— Все, — говорю.

Он тяжело дышит и кивает. Ослабляю хватку, поднимаюсь и протягиваю ему руку. Мужчина принимает помощь, встает и поправляет одежду.

Коротко хлопаю его по плечу.

— Нормально, — говорю. — Продолжай в том же духе.

Затем поворачиваюсь к остальным.

— Запомните, — говорю спокойно. — В пустошах не будет честного боя. Не будет правил. Не будет второго шанса. Кто не готов — умрет. Кто сомневается — умрет быстрее. Я хочу видеть бойцов, которые выдержат, когда все пойдет не по плану.

Несколько секунд люди молчат, внимательно слушая. После этого занятия постепенно возобновляются.

Отхожу к краю площадки и перевожу взгляд на Аксейда с Демарисом.

— Ну что, — говорю с ухмылкой, — Аксейд. Демарис. Где ваше обещанное шоу?

Демарис останавливается, проводит ладонью по шее, стирая пот, и поворачивается ко мне. На его лице появляется широкая ухмылка.

— Я готов, — говорит он и смотрит на Аксейда. — А ты как? Не боишься сегодня облажаться?

Аксейд медленно поднимает голову. Его выражение остается спокойным, словно слова Демариса совершенно его не задели.

— Ты слишком шумный, — отвечает он. — Это тебя и подводит.

— Зато ты слишком уверен в своем слухе, когда-нибудь он тебя подставит, — фыркает Демарис.

— Вот за это вас и любят, — бросаю я. — Только постарайтесь не снести ангар.

Несколько бойцов поблизости усмехаются и начинают освобождать центральную площадку. Постепенно вокруг собираются остальные. Даже те, кто только что занимался упражнениями, откладывают оружие, желая посмотреть на предстоящий бой.

Аксейд и Демарис становятся друг напротив друга. Оба сохраняют спокойствие, внимательно оценивая противника.

Я прислоняюсь плечом к ближайшей опоре и скрещиваю руки на груди.

За годы совместных тренировок они изучили привычки друг друга практически до мелочей. Однако именно различия в их способностях делают каждое столкновение непредсказуемым.

Аксейд стоит неподвижно, прислушиваясь к дыханию Демариса и едва заметным изменениям в его движениях. Благодаря Кордексу он способен определить начало атаки по напряжению мышц, изменению ритма дыхания и переносу веса.

Демарис наблюдает за ним не менее внимательно. Его усиленное зрение позволяет замечать мельчайшие изменения в положении тела, а развитая координация помогает заранее рассчитывать траекторию удара и возможные способы защиты.

Каждый из них обладает преимуществом, которое другому приходится учитывать.

— Ты снова слушаешь, — произносит Демарис спокойно, почти лениво. — Забавно. Обычно люди смотрят, когда хотят выжить.

Он делает короткую паузу, намеренно растягивая ее.

— Ты слышишь паузы. Я считаю их.

Аксейд не улыбается.

— Обычно люди умирают, когда слишком уверены в том, что видят, — отвечает он ровно. — Ты видишь картину. Я ломаю момент.

Демарис склоняет голову набок, словно обдумывая услышанное.

— Значит, будем честны, — говорит он. — Ты услышишь, как я тебя сломаю.

— А ты увидишь, — отвечает Аксейд, — как опоздаешь.

Демарис атакует первым. Он резко сокращает расстояние, одновременно смещаясь в сторону и направляя удар туда, где противник должен оказаться через мгновение.

Но Аксейд успевает уйти. Его корпус отклоняется ровно настолько, чтобы кулак прошел мимо, после чего он сразу занимает новую позицию.

— Мимо, — спокойно говорит он.

Демарис уже меняет траекторию.

— Нет, — отвечает он. — Я просто смотрю дальше.

Следующая атака оказывается значительно быстрее.

Демарис последовательно сокращает дистанцию, заставляя Аксейда постоянно перемещаться. Каждый удар рассчитан так, чтобы ограничить возможные направления отступления.

Аксейд успевает реагировать, улавливая изменения в дыхании и движениях противника еще до завершения атаки. Несколько раз ему удается избежать удара буквально в последний момент. Но затем Демарис все же задевает его по ребрам.

Аксейд слегка отступает, восстанавливая равновесие.

— Ну наконец-то, — усмехается Демарис, не сбавляя темпа. — А я уже думал, что ты неприкасаемый.

— Не обольщайся, — спокойно отвечает Аксейд. — Второй раз не получится.

Они снова сближаются.

Демарис пытается провести захват, одновременно смещая центр тяжести противника. Аксейд успевает изменить положение, но полностью освободиться не получается.

Несколько секунд они борются за преимущество, постоянно меняя захваты и положение ног.

— Ты все еще живешь в паузах, — бросает Демарис. — Когда-нибудь одна из них будет слишком длинной.

— А ты, — отвечает Аксейд, — слишком веришь в картину. А мир любит ее ломать.

Демарис меняет направление движения и опрокидывает Аксейда на пол. На мгновение оказывается сверху, пытаясь закрепить захват.

Но Аксейд не сопротивляется напрямую. Он использует движение противника, выворачивается и освобождается прежде, чем Демарис успевает удержать его окончательно.

Аксейд первым поднимается на ноги. Его дыхание заметно участилось, но взгляд остается сосредоточенным.

Демарис выпрямляется следом и усмехается.

— Ты все еще считаешь, — говорит он.

— А ты все еще опаздываешь, — спокойно отвечает Аксейд.

Они снова занимают стойки. На этот раз оба настроены гораздо серьезнее.

Я вижу, что ни один не собирается уступать, а продолжение боя может закончиться настоящими травмами. Отталкиваюсь от опоры и достаю один нож, затем второй. Несколько ближайших бойцов замечают мое движение и поворачивают головы.

Дожидаюсь, пока Аксейд и Демарис снова начнут сближаться, после чего бросаю клинки в их сторону, направляя рукоятями вперед.

Первый летит к Аксейду.

Второй — к Демарису.

Аксейд реагирует мгновенно. Разворачивается на звук и перехватывает нож за рукоять. Демарис ловит свой почти не глядя, точно рассчитав траекторию полета.

Вокруг становится тихо.

— Хватит, — говорю я спокойно. — На сегодня.

Демарис опускает взгляд на нож, затем смотрит на меня.

— Ты всегда останавливаешь самое интересное.

— Потому что, — добавляю, — если вы продолжите, мне придется проверить, кто из вас прав. А город этого не заслужил.

Несколько секунд никто не произносит ни слова. Затем кто-то из бойцов начинает смеяться. Остальные быстро подхватывают, и напряжение постепенно исчезает. Люди снова переговариваются, обсуждают увиденные приемы и спорят, кому из двоих удалось получить преимущество.

— Ладно, — бросает Демарис, опуская нож и глядя на Аксейда, — в следующий раз договорим.

— Ты всегда так говоришь, — Аксейд едва заметно хмыкает и убирает клинок.

Демарис подходит ближе и хлопает его по плечу.

— Значит, будет повод еще раз проверить, где ты слушаешь, а где просто уверен, что прав.

Аксейд отвечает тем же, коротким, уверенным хлопком.

— А ты все еще видишь только то, что хочешь.

Они расходятся без дальнейших споров.

Постепенно остальные бойцы тоже возвращаются к своим занятиям. Кто-то продолжает обсуждать бой, кто-то пытается повторить увиденные движения.

Я остаюсь на месте еще на несколько минут, наблюдая за тренировкой.

Аксейд и Демарис могут сколько угодно спорить о том, чьи способности эффективнее, но в настоящем бою они прекрасно дополняют друг друга.

Глава 7

Металл размеренно скользит по металлу, издавая протяжный звук. Сижу за длинным столом, заваленным инструментами и заготовками. Свет падает сверху, отражаясь от стальных поверхностей. В одной руке держу нож, в другой точильный камень, медленно провожу им вдоль лезвия, сохраняя одинаковый нажим.

Рядом работает мастер, широкоплечий седой мужчина с грубыми руками, покрытыми старыми ожогами. Он перебирает детали для клинков, откладывает фиксаторы и крепления, время от времени внимательно осматривая каждую заготовку.

Некоторое время мы работаем молча, пока он не нарушает тишину.

— Нам бы еще один сплав. Тот, что держит удар и не крошится. Раньше таскали из старого узла к югу. Сейчас там пусто.

Не прерывая работы, немного меняю угол лезвия.

— Где взять?

— В пустошах, — отвечает он сразу. — Недалеко. День туда и обратно, если без сюрпризов. Но это не срочно.

Заканчиваю заточку и осторожно проверяю остроту лезвия. Результат меня устраивает, поэтому откладываю нож и беру следующий.

— Не проблема, — говорю. — Сегодня возьмем.

Мастер поднимает голову и несколько секунд смотрит на меня, словно пытаясь понять, насколько серьезно я говорю.

— Ты же знаешь, что это не срочно.

— Знаю, — отвечаю, не поднимая взгляда.

— Тогда зачем?

Пожимаю плечами, продолжая работу.

— Мы засиделись. Прогулка не помешает.

Он хмыкает и качает головой, уже не скрывая улыбки.

— Только ты можешь назвать пустоши прогулкой, Крейден.

Когда выхожу из мастерской, солнце уже поднялось достаточно высоко. Арея давно проснулась, и на улицах кипит работа. Люди переносят ящики, ремонтируют ограждения,

перекатывают бочки с водой и проверяют оборудование. Повсюду слышатся голоса, звон инструментов и шум механизмов.

По дороге несколько человек приветствуют меня кивками, не отвлекаясь от своих обязанностей. Я отвечаю тем же и продолжаю идти.

Сворачиваю к небольшому отдельно стоящему дому на окраине. Здесь значительно тише, чем в центральной части города. Окна закрыты, дверь тоже, но останавливаться возле нее нет необходимости.

— Через час у ворот. Рейд. Возьми Демариса.

Произношу это обычным голосом и иду дальше.

Ответа не жду. Если Аксейд находится внутри, он меня услышал. А если нет, значит, его способности внезапно перестали работать, во что верится с трудом.

По пути решаю зайти в столовую.

Открываю дверь и оказываюсь в просторном помещении, наполненном запахами свежеприготовленной еды. За длинными столами уже сидят люди. Кто-то завтракает перед сменой, другие успели закончить работу и теперь спокойно разговаривают за кружкой горячего напитка.

Марта замечает меня практически сразу. Вытирает руки о фартук и кивает в сторону свободного места.

— Садись, сынок. Сейчас принесу.

Не спрашивает, что именно мне приготовить. За столько лет она прекрасно изучила мои привычки.

Сажусь за крайний стол. Марта возвращается через несколько минут, ставит передо мной тарелку с едой, кружку и добавляет несколько кусков хлеба.

Затем упирает руки в бока и строго смотрит на меня.

— Ешь. Не железный.

— Почти, — отвечаю, беря кружку.

Она фыркает, хотя улыбку скрыть не получается, после чего возвращается к работе, по дороге раздавая указания остальным.

Приступаю к завтраку, но вскоре замечаю, как кто-то садится напротив.

Нора.

Она устраивается за столом без приглашения и, слегка подавшись вперед, кладет кончики пальцев на мою руку.

Поднимаю взгляд.

Нора смотрит прямо на меня и улыбается, прекрасно понимая, что делает.

— Доброе утро, Крейден, — говорит она негромко.

Ее пальцы продолжают лежать на моей руке. Накрываю ладонь своей и спокойно отвожу в сторону.

— Лишнее, — говорю спокойно.

Улыбка постепенно исчезает с ее лица. Нора откидывается на спинку стула и скрещивает руки на груди, однако уходить явно не собирается.

— Мы столько лет рядом, Крейден, — произносит она мягко. — Может, нам пора двигаться дальше?

Откладываю прибор и смотрю на нее.

— Мы не «рядом», — отвечаю твердо. — Мы спим. И на этом все.

Нора заметно напрягается, но быстро берет себя в руки.

— Почему бы не попробовать? — говорит уже увереннее. — Тебе нужна женщина. Та, кто будет рядом. Кто сможет управлять городом, пока тебя нет. Я могла бы…

— Ты переходишь границы, — перебиваю ее.

Она поджимает губы, однако продолжает, словно надеется успеть высказать все прежде, чем я окончательно прекращу разговор.

— Я хочу быть с тобой, Крейден. Как ты не понимаешь?

Теперь становится окончательно ясно, к чему она ведет.

— Все, что ты хочешь, — это власть, — говорю я. — Ты хочешь стоять рядом не со мной. Ты хочешь стоять выше других.

Нора бледнеет.

— Я предупреждал, — продолжаю уже жестче. — Таким, как ты, не место в моем городе. И если ты еще раз заведешь этот разговор, я лично покажу тебе, где ворота.

На этот раз она действительно пугается. Ее уверенность исчезает, дыхание становится неровным.

— Я… я не про власть, — говорит она поспешно. — Ты не понял. Я люблю тебя. Я хочу быть только с тобой.

— Ты никогда не будешь стоять рядом со мной, — отрезаю. — Потому что твои амбиции сильнее любых чувств. А я не ставлю рядом с собой тех, кто смотрит на трон, а не на город.

Она открывает рот, собираясь возразить, но я поднимаю руку, не позволяя продолжить.

— Иди работать, — говорю холодно. — Я даю тебе этот шанс. Не потому что ты заслужила. А потому что пока еще полезна.

Нора поднимается со стула. От прежней самоуверенности не остается и следа. Она коротко кивает и уходит, больше не пытаясь ничего сказать.

Провожаю ее взглядом и возвращаюсь к завтраку.

Аппетит пропал, хотя еда здесь совершенно ни при чем.

Нора окончательно перешла границу, которую я обозначил еще в самом начале наших отношений. И дело не в ее попытках добиться большего внимания. К этому я давно привык. Но сегодня она открыто заговорила о положении в городе и возможности управлять им в мое отсутствие.

Именно этого я не собираюсь допускать.

Люди вроде Норы редко начинают с прямых требований. Сначала они стараются приблизиться к тем, кто обладает властью, затем постепенно убеждают себя, что заслуживают особого положения. Со временем появляются недовольство, интриги и желание влиять на решения, которые их совершенно не касаются.

В старом мире подобные амбиции нередко заканчивались заговорами и переворотами. В нынешнем достаточно одной серьезной ошибки, чтобы под угрозой оказались сотни жизней.

Арея держится на порядке, который мы выстраивали годами. И я не позволю разрушить его из-за чьего-то желания почувствовать себя важнее остальных.

Если Нора снова попытается воспользоваться нашей близостью ради власти, ей придется покинуть город.

Допиваю напиток, поднимаюсь и отношу посуду.

В столовой продолжается привычная жизнь. Люди едят, разговаривают и занимаются своими делами, не обращая внимания на произошедшее. Именно так и должно быть.

Возвращаюсь на базу знакомым маршрутом. В коридорах слышен ровный гул вентиляции. Прохожу мимо нескольких помещений и вскоре оказываюсь в своей комнате. Снимаю одежду и направляюсь в душ.

Горячая вода приятно согревает кожу, помогая окончательно избавиться от раздражения после разговора с Норой. Несколько минут стою под струями, упираясь ладонью в стену, затем выключаю воду и вытираюсь.

Пора собираться. Надеваю броню, затягиваю ремни и проверяю крепления. Один нож закрепляю на привычном месте, второй располагаю чуть выше. Затем беру меч и убираю его за спину.

Закончив со снаряжением, выхожу из комнаты и направляюсь к воротам. Времени до назначенного сбора остается немного, поэтому не задерживаюсь и вскоре добираюсь до выхода из города.

У ворот меня уже ждут Аксейд и Демарис. Оба заняты проверкой снаряжения. Демарис возится с креплением на плече, несколько раз дергая ремень, пока тот наконец не занимает нужное положение.

Аксейд стоит чуть в стороне, прислушиваясь к звукам за периметром.

— Ну? — первым подает голос Демарис, заметив меня. — Что за срочность? Куда и зачем?

Подхожу ближе, машинально проверяю защелку на створке ворот и бросаю короткий взгляд на охрану.

— Сплав, — отвечаю без лишних слов. — Недалеко. Заберем и вернемся.

Демарис кивает, затем оглядывается по сторонам.

— И это вся команда? — тянет он с иронией. — А где Крис, Макс и Грей? Я уже начал привыкать, что кто-нибудь из них обязательно путается под ногами.

Аксейд поворачивает к нему голову.

— Боишься идти без прикрытия, Демарис? — говорит он. — Или просто непривычно, когда некому закрывать спину?

Демарис фыркает и еще раз затягивает ремень.

— Я просто переживаю за вас, — бросает он. — Вдруг вы не справитесь.

Перевожу взгляд с одного на другого, дожидаясь, пока они закончат обмениваться любезностями.

— Достаточно, — говорю спокойно. — По дороге можете продолжить меряться характерами.

Аксейд первым направляется к открывающимся воротам.

Демарис догоняет его и неожиданно слегка задевает носком ботинка по пятке.

— Сразу предупреждаю, — говорит он вполголоса, с кривой усмешкой. — Весь путь буду тебе на нервы действовать. Иногда даже удобно, что у тебя такой слух.

Аксейд останавливается и поворачивается к нему. Несколько секунд молча смотрит на Демариса, затем разворачивается и продолжает идти, словно ничего не произошло.

Демарис довольно хмыкает, догоняет его и начинает негромко напевать какую-то мелодию.

Невольно усмехаюсь.

Дорога постепенно уводит нас все дальше от Ареи. Местность здесь относительно ровная, хотя временами приходится обходить разрушенные участки дороги и завалы. Идем размеренным шагом, не теряя внимания к окружающему пространству.

Аксейд держится немного впереди и левее. Со стороны он кажется совершенно расслабленным, однако я знаю, насколько внимательно он прислушивается ко всему происходящему вокруг.

Время от времени он немного меняетнаправление движения, выбирая более безопасный маршрут.

Демарис идет справа. Он внимательно осматривает местность, замечая детали, на которые обычный человек вряд ли обратил бы внимание. Следы на земле, положение обломков, возможные укрытия и участки, где кто-то недавно проходил. Его движения остаются точными и экономными даже после нескольких часов пути.

За день мы практически не разговариваем. Аксейд пару раз меняет маршрут, обходя подозрительные участки. Демарис однажды останавливается возле разрушенной конструкции, приседает, внимательно осматривает землю и жестом предлагает обойти ее с другой стороны.

Я не задаю вопросов. Если он заметил что-то подозрительное, нет необходимости рисковать ради нескольких сэкономленных минут.

К старому промышленному узлу добираемся ближе к вечеру. Здание частично разрушено. Из потрескавшихся бетонных стен выступают металлические конструкции, часть перекрытий обвалилась, а вокруг разбросаны обломки оборудования.

Осматриваем вход и осторожно заходим внутрь. Здесь давно никого не было. Пол покрыт пылью и строительным мусором, некоторые помещения практически полностью завалены.

Демарис первым замечает металлические пластины, сложенные возле дальней стены и частично скрытые под обломками.

Подходит ближе, убирает несколько кусков бетона и осматривает находку.

— То, что нужно, — говорит он коротко.

Беру одну из пластин, оцениваю вес и несколько раз стучу по поверхности костяшками пальцев.

Металл плотный, без заметных повреждений.

— Берем, — отвечаю.

Отбираем пригодные пластины, проверяем их состояние и распределяем груз так, чтобы каждый мог спокойно нести свою часть.

Закончив, поднимаю взгляд к пролому в потолке. Солнечный свет уже заметно ослабел.

— Темнеет, — говорю. — Возвращаемся.

Никто не возражает. Собираем снаряжение и выходим из здания.

Обратный путь проходит быстрее. Мы стараемся придерживаться уже проверенного маршрута, хотя приближающийся вечер заставляет внимательнее следить за окружающей местностью.

Ночью пустоши становятся значительно опаснее.

Аксейд идет впереди, время от времени прислушиваясь к отдаленным звукам. Демарис следит за дорогой и разрушенными строениями по обе стороны.

Некоторое время все остается спокойно. Затем Аксейд неожиданно останавливается. Мы с Демарисом почти одновременно замедляем шаг.

Аксейд слегка склоняет голову, сосредоточенно прислушиваясь. Его взгляд постепенно перемещается вправо, к полуразрушенному зданию между обвалившимися стенами.

— Движение, — говорит он. — Внутри.

Смотрю в указанном направлении.

— Сколько? — спрашиваю сразу.

— Один человек, — отвечает он после короткой паузы. — Прячется.

Демарис осматривает здание, затем переводит взгляд на темнеющий горизонт.

— Пусть сидит, — бросает он. — Нас ждет Арея.

— Проверим, — говорю спокойно. — Возможно, ему нужна помощь.

— Решил поиграть в спасителя? — бросает Демарис с кривой усмешкой.

Аксейд не обращает внимания на его слова. Он продолжает прислушиваться, пытаясь определить состояние незнакомца.

— Он напряжен, — добавляет Аксейд, прислушиваясь. — Дышит неровно. Похоже, боится.

Этого достаточно, чтобы принять решение.

— Вы остаетесь здесь, — говорю, не оборачиваясь. — Держите периметр.

Демарис собирается возразить, но я останавливаю его коротким жестом.

— Я быстро.

Аксейд внимательно смотрит на меня, затем молча кивает.

Оставляю их снаружи и направляюсь к зданию. Внутри значительно темнее. Воздух застоявшийся, наполненный запахом пыли и старого бетона. Под ногами хрустит мелкий мусор, а каждый шаг глухо отдается между стенами.

Двигаюсь медленно, осматривая разрушенные помещения. Незнакомец явно пытается оставаться незамеченным. Время от времени улавливаю едва слышное движение где-то впереди, но тот, кто прячется, не пытается бежать или нападать. Скорее старается найти место, где его невозможно будет заметить.

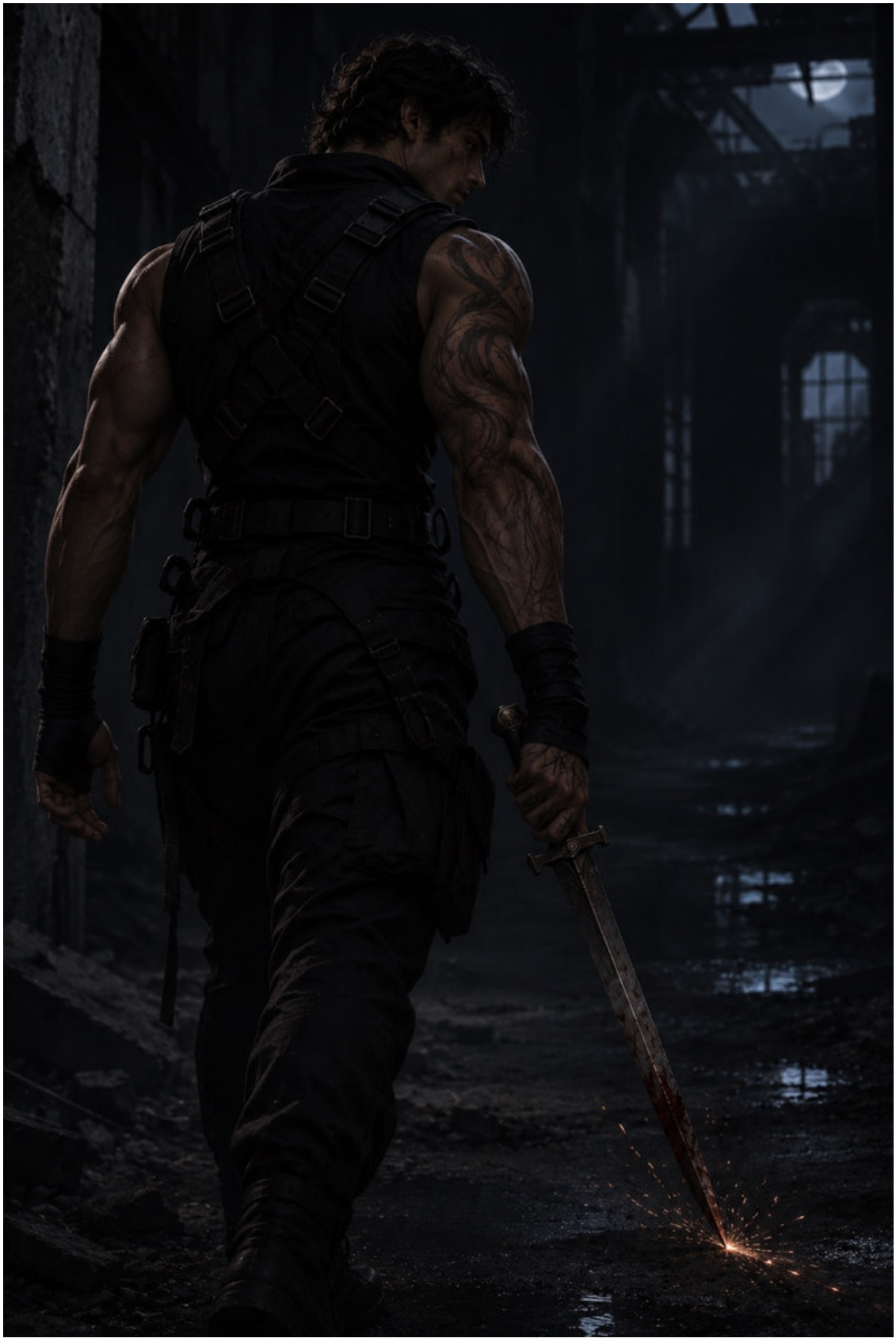
Меняю направление и прохожу вдоль стены, постепенно сокращая расстояние. Судя по осторожности движений, этот человек прекрасно знает, насколько опасно выдавать свое присутствие в пустошах.

И вскоре я слышу шаги. Очень тихие, практически незаметные.

Замираю, прислушиваясь.

Кто-то осторожно перемещается за ближайшей перегородкой. По характеру движений начинаю подозревать, что передо мной женщина. Она аккуратно переносит вес, стараясь не задеть разбросанные обломки.

Не поворачиваюсь сразу. Вместо этого опускаю меч, позволяя острию коснуться бетонного пола. Затем делаю несколько шагов, намеренно протягивая клинок по поверхности. Металл издает неприятный скрежет, который разносится по пустому помещению.

Пусть знает, что я рядом.
Усмехаюсь, представляя, насколько сильно этот звук должен действовать ей на нервы.
— Кис-кис-кис… — говорю тихо, без нажима. — Выходи. По-хорошему.

Продолжаю идти, слегка усиливая давление на клинок. На бетоне остается тонкая царапина.

— Пока я, черт возьми, даю тебе шанс.

Впереди раздается едва заметный шорох. Останавливаюсь. Несколько секунд ничего не происходит. Я продолжаю стоять неподвижно, прислушиваясь к тишине, пока возле одного из темных проемов не замечаю едва уловимое движение. Она все еще там.

Делаю шаг вперед, намеренно оставляя бок открытым. Если незнакомка действительно собирается напасть, лучшего момента ей не найти.

И она пользуется им.

Сначала слышу движение подошвы по бетону, затем замечаю силуэт, отделившийся от темноты. Женщина приближается почти бесшумно, держа нож возле бедра. Не бросается сразу, а выжидает, пока расстояние между нами сократится настолько, чтобы хватило одного точного удара.

Позволяю ей подойти. Еще немного.

В последний момент она резко сокращает дистанцию, направляя клинок мне в бок. Движение быстрое, уверенное, без лишнего замаха. Она явно знает, куда бить.

Но я уже готов. Смещаю корпус в сторону, пропуская лезвие мимо себя, и одновременно отвожу меч, освобождая руку. Ее запястье оказывается в моей ладони прежде, чем она успевает завершить удар.

Пальцы смыкаются крепко, не оставляя возможности продолжить движение.

Она пытается вывернуть руку, разворачивает плечо и переносит вес на другую ногу, рассчитывая освободиться из захвата. Я лишь немного меняю положение кисти, и ее попытка заканчивается ничем.

Мог бы сломать ей запястье одним движением, но вместо этого позволяю сопротивляться, с интересом наблюдая за ее действиями.

Ни одного беспорядочного рывка. Она не тратит силы впустую, постоянно меняет положение тела, пытаясь найти слабое место в моей хватке.

Любопытно.

Незнакомка снова пробует освободиться, на этот раз резко подавшись ко мне, чтобы сократить расстояние и лишить меня преимущества. Но я удерживаю ее руку, не позволяя развернуть клинок.

Она тихо шипит сквозь стиснутые зубы.

Не отпуская запястья наклоняюсь к ней, вынуждая запрокинуть голову, чтобы сохранить зрительный контакт.

Теперь могу рассмотреть ее лицо гораздо лучше. Замечаю, как напрягаются плечи, как на мгновение сбивается дыхание, когда между нами остается совсем немного пространства. Но она не отводит взгляда и не просит отпустить.

Наоборот, сильнее сжимает рукоять ножа, словно все еще рассчитывает закончить начатое.

— Ты двигаешься правильно, — говорю спокойно, почти лениво. — Но думаешь слишком быстро.

Медленно склоняю голову, приближаясь к ее лицу, затем наклоняюсь еще ниже, почти касаясь губами изгиба шеи. Она невольно напрягается, и я замечаю, как по коже пробегают мурашки.

Задерживаюсь так близко, что чувствую тепло ее тела. Незнакомка замирает лишь на мгновение, после чего снова пытается вывернуть запястье, не собираясь уступать.

— Запомни это чувство, — продолжаю тихо. — Оно возникает, когда ты уже проиграла, но еще не приняла этого.

Женщина резко дергается, пытаясь освободиться.

Немного ослабляю хватку. Она пользуется возможностью, выворачивает руку и отступает, одновременно направляя лезвие в сторону моего плеча.

Успеваю уклониться. Удар проходит совсем близко. Выпрямляюсь и позволяю ей восстановить дистанцию.

— Хорошо, — говорю уже ровнее. — Теперь мы говорим на одном языке.

На ее одежде и коже заметны следы долгого пребывания в пустошах. Волосы растрепаны, на открытых участках тела виднеются старые и свежие порезы.

Однако выглядит она значительно лучше, чем большинство людей, которым приходится выживать за пределами городов.

Держится уверенно, несмотря на усталость. Ее дыхание постепенно выравнивается, а пальцы крепко сжимают рукоять ножа. И только теперь я обращаю внимание на глаза.

Черт.

Ясные, внимательные и совершенно не похожие на глаза человека, который собирается сдаться.

Она поднимает клинок выше, направляя острие мне в грудь. Похоже, готова защищаться до последнего.

— Серьезно думаешь, что это тебя спасет?

Женщина ничего не отвечает. Лишь сильнее напрягается и продолжает смотреть прямо на меня. По ее выражению прекрасно понимаю, что она уже просчитывает возможность следующей атаки.

Усмехаюсь и убираю меч за спину. Затем поднимаю руки, показывая, что пока не собираюсь нападать.

— Я тебя не трону, — говорю спокойно. — Если ты сама этого не захочешь.

— Думаешь, я поверю? — произносит она. — Все вы сначала обещаете. А потом берете.

Она осторожно смещается в сторону, стараясь сохранить между нами расстояние. Делаю шаг следом. Женщина тут же меняет положение, поднимая нож немного выше.

Одним клинком. Она действительно думает, что этого достаточно. Продолжаю приближаться, вынуждая ее отступать.

Вскоре за ее спиной оказывается бетонная стена.

— Ты в пустошах, — говорю лениво. — И ты прекрасно понимаешь, что здесь долго не живут в одиночку.

Она упрямо поднимает подбородок.

— Мне не нужна защита, — шипит она, как предупреждение.

Делаю еще полшага, сокращая расстояние.

— Нужна, — отвечаю спокойно. — Ты просто еще не видела, как выглядит настоящая защита.

— Я справлюсь сама, — усмехается она зло, не опуская клинок.

Задерживаю взгляд на ее лице. Даже сейчас она не собирается уступать.

— Каждой женщине в этом мире нужна защита, — говорю низко. — Даже если она дерется лучше половины мужчин.

— Я не каждая!

Передо мной настоящая тигрица, загнанная в угол, но совершенно не утратившая желания сопротивляться.

— Я это уже понял.

Продолжаю рассматривать ее, не скрывая собственного интереса.

Женщина замечает мой взгляд и сердито хмурится.

— Убери этот взгляд, — бросает зло. — Ты смотришь так, будто уже решил, чем все закончится.

Некоторое время молчу, позволяя ей высказаться.

— Если бы я хотел тебя сломать, — говорю тихо и властно, — ты бы уже не стояла здесь. Я бы не разговаривал. Не давал тебе пространства. Не ждал.

Она холодно усмехается.

— Не льсти себе. Таких, как ты, я уже видела. Ты не первый, кто думает, что сможет меня сломать.

Резко сокращаю расстояние. Она мгновенно реагирует, выставляя нож вперед. Лезвие упирается мне в броню, но прежде, чем женщина успевает нанести удар, я перехватываю ее руку и прижимаю к стене. Фиксирую запястье вместе с ножом, лишая возможности двигаться.

Она пытается освободиться, но я лишь крепче удерживаю ее запястье, не позволяя вывернуться. Теперь между нами практически не остается расстояния. Чувствую, как учащается ее дыхание, замечаю напряжение в плечах и пальцах.

Несмотря на очевидное преимущество с моей стороны, она продолжает сопротивляться.

Наклоняюсь ближе, почти касаясь ее лица.

— Одно мое желание, — произношу медленно, — и ты будешь на коленях.

Она отвечает мгновенно, не отводя взгляда.

— Мечтай.

Смелости ей определенно не занимать. Однако замечаю, как под моей ладонью едва заметно дрожит ее рука. Женщина старается не показывать страха, хотя прекрасно понимает, насколько неравны наши силы.

Перевожу взгляд на ее губы, затем снова смотрю в глаза. Она продолжает упрямо выдерживать мой взгляд. Несколько секунд мы остаемся неподвижными. Затем ослабляю хватку и отпускаю ее.

Женщина быстро отступает, восстанавливая равновесие и вновь направляя на меня нож.

Делаю шаг назад, позволяя ей немного успокоиться.

— Я предлагаю тебе защиту, — говорю спокойно, уже без нажима. — Мою. В моем городе. Решать тебе.

Она не отвечает сразу. Клинок постепенно опускается, хотя выпускать его из руки незнакомка явно не собирается. На лице появляется сомнение.

— В каком городе? — спрашивает она после короткой паузы.

Отступаю еще немного, окончательно освобождая ей пространство.

— Арея.

Несколько секунд она просто смотрит на меня, словно пытается понять, правильно ли расслышала название.

Ее пальцы крепче сжимают рукоять ножа. Взгляд ненадолго уходит в сторону, затем снова возвращается ко мне.

Она больше не пытается напасть. И теперь я совершенно уверен, что название моего города ей знакомо.

Глава 8

— Арея.

Имя доходит не сразу. Оно не звучит как место, скорее как направление. Как точка, к которой я иду уже несколько дней.

Он стоит спокойно, слишком спокойно для того, кто только что мог закончить мою жизнь. Высокий, широкий в плечах, собранный так, что даже пространство вокруг подчиняется его присутствию. В нем нет ничего лишнего: ни движений, ни слов. Все в нем про контроль, про силу, которая не нуждается в доказательствах.

Руки расслаблены, но это лишь внешнее. Такой человек не расслабляется, он просто выбирает момент, когда не бить. Меч убран при мне, намеренно, и все равно ощущение оружия остается таким же ясным, как собственное дыхание. Не потому что оно скрыто, а потому что он и без него опасен. Те, кто хотят убить, торопятся; те, кто могут, позволяют себе паузы.

Я предлагаю тебе защиту. Мою. В моем городе. Слова снова всплывают в голове, цепляясь за мысли, как крючки.

Нож в моей руке дрожит. Совсем чуть-чуть. Я злюсь на себя за это, сжимаю пальцы сильнее, но запястье все равно выдает сомнение.

Верить ему нельзя, и я это понимаю слишком хорошо. Таким людям вообще нельзя верить. Он сильный, он главный, и в каждом его движении чувствуется уверенность человека, который привык жить в мире, где все подчиняется логике силы. Такие люди не спасают, они забирают. Людей, территории, решения. Я знаю это.

Но есть и другая правда, которую я не могу игнорировать. Если бы он хотел меня убить, я бы уже лежала на полу. Без разговоров, без выбора, без времени подумать.

Снова смотрю на него внимательнее, задерживая взгляд на шрамах. Его взгляд остается прямым и тяжелым, но в нем нет жадности. Он не раздевает глазами и не ищет во мне слабость, он просто оценивает.

И чем дольше я смотрю на него, тем яснее понимаю одну простую вещь: выхода у меня нет. Я шла в Арею, не зная, что меня там ждет, и пришла не к ее порогу. Я пришла к тому, кто этой Арее и есть.

Если он действительно главный, это мой единственный путь внутрь. Если он врет, я все равно ничего не теряю. Кроме жизни. Но ее я уже поставила на эту дорогу.

Пальцы постепенно разжимаются, и металл с тихим звуком касается пола. Я поднимаю голову и смотрю ему прямо в глаза.

— Значит… — мой голос хриплый, но взгляд не дрожит, — ты и есть Арея.

Я не говорю «я согласна». Не говорю «я верю». Я просто стою перед ним без оружия.

Этого хватает.

Он смотрит на нож у моих ног, затем переводит взгляд на меня. В его лице нет торжества, лишь холодная оценка человека, привыкшего решать, кому жить, а кому умереть. Внутри что-то сжимается от осознания, насколько мало сейчас зависит от меня.

— Арея — это не я, — говорит он низко. — Это то, что держится, пока я стою.

Он делает шаг ко мне, и даже в этом простом движении чувствуется уверенность человека, которому не нужно доказывать, насколько он опасен.

— И мой город, — продолжает он, — не любит чужаков. Особенно тех, кто приходит с оружием и скрывает свои намерения.

Он делает паузу, внимательно наблюдая за моей реакцией.

— Таких людей я не пускаю за ворота. А если они представляют угрозу Арее, разбираюсь с ними лично.

Он намеренно замолкает, позволяя мне осмыслить услышанное. От уверенности в его голосе по коже пробегает дрожь, плечи невольно напрягаются, а дыхание на мгновение сбивается. Стараюсь ничем не выдать своей реакции, продолжая смотреть ему в глаза. Он совершенно серьезен и ни на секунду не сомневается в собственных словах. Пугает даже не сама угроза, а то, насколько легко он способен привести ее в исполнение.

— А предателей он не терпит вовсе, — добавляет он темже ровным, холодным голосом, без нажима, но так, что по коже снова проходит дрожь.

Слово режет глубже любого лезвия.

Предательство.

В мыслях снова возникает Кордекс и Сектор А, ради которого я преодолела пустоши, терпела голод и постоянно рисковала жизнью. Теперь, когда цель оказалась так близко, я понимаю, насколько осторожно придется действовать. Если мне удастся попасть в Арею, никто не должен узнать, зачем я пришла на самом деле. Придется скрывать свои намерения, следить за каждым словом и искать возможность добраться до Кордекса, не вызывая подозрений. Отступать уже поздно, ведь от моего успеха зависит жизнь Марии.

Но главной проблемой может стать не сам город, а человек, стоящий передо мной. Крейден держится с уверенностью того, кто привык контролировать происходящее и не терпит неповиновения. Он внимательно следит за каждой моей реакцией, и я уже успела убедиться, насколько трудно застать его врасплох. Рядом с ним придется быть особенно осторожной, потому что малейшая ошибка способна выдать мои намерения и лишить единственного шанса спасти Марию.

Медленно вдыхаю, стараясь окончательно успокоиться, и вновь поднимаю на него взгляд.

— Я хочу остаться, — говорю вполголоса, но твердо. — Не потому что ищу удобство. Потому что мне больше некуда возвращаться.

Он внимательно изучает меня, и я понимаю, что за этим взглядом скрывается не простое любопытство. Мужчина пытается определить, насколько я могу быть опасна и стоит ли вообще впускать меня в свой город.

— Где ты была до этого? — спрашивает он, не меняя тона.

— Я не была, — отвечаю сразу. — Я выживала. В Хардане.

Хардан ему знаком, и все, что за этим стоит, тоже. Это видно по тому, как меняется его взгляд: он становится строже и опаснее.

— Почему ушла? — спрашивает он без паузы.

— Потому что там не живут, — отвечаю резко. — Там медленно дохнут. И я не собиралась ждать своей очереди.

Не отвожу взгляда, стараясь сохранить спокойствие. На этот раз мне даже не нужно ничего придумывать, ведь я говорю правду. И все же привычка скрывать свои чувства заставляет следить за каждой реакцией. Особенно сейчас, когда мужчина напротив так внимательно изучает меня.

Неожиданно он делает шаг вперед, сокращая расстояние между нами. Я невольно напрягаюсь, но остаюсь на месте, даже когда он подходит почти вплотную. Теперь особенно заметно, насколько он выше и крупнее меня. От него пахнет металлом и пылью пустошей, а близость заставляет еще острее осознавать, как мало у меня шансов справиться с ним в открытом столкновении.

Мужчина смотрит на меня сверху вниз, не произнося ни слова. По его выражению трудно понять, о чем он думает, но я чувствую, что он ждет моей реакции. Возможно, рассчитывает, что я испугаюсь и отступлю, однако позволить себе такую слабость сейчас не могу. Слишком многое зависит от того, сумею ли я убедить его впустить меня в Арею.

Поэтому продолжаю смотреть ему в глаза, не собираясь уступать.

— Я открою для тебя ворота, — говорит он наконец ровно и холодно, — в мой город.

Он наклоняется ближе, так, чтобы я слышала каждое слово, так, чтобы они врезались и не забывались.

— Но запомни: я не прощаю предательства.

Еще ближе.

— Ни мыслью. Ни шагом. Ни выбором.

Он выпрямляется.

— Если войдешь — дороги назад не будет.

— У меня ее уже нет, — отвечаю я, глядя ему прямо в глаза.

И это правда.

Позади остались пустоши, голод и Мария, которой с каждым днем становится хуже. Я слишком далеко зашла, чтобы теперь отступать. Ради нее придется скрывать свои намерения, рисковать и делать то, на что раньше никогда бы не решилась. Главное — попасть в Арею и найти Кордекс, пока еще не стало слишком поздно.

Мужчина продолжает стоять напротив, внимательно наблюдая за мной. Его взгляд задерживается на моих руках, затем возвращается к лицу. Я понимаю, что он пытается уловить малейшее изменение в моем поведении, поэтому заставляю себя сохранять спокойствие, хотя после всего произошедшего это дается нелегко.

Он некоторое время молчит, затем поворачивает голову в сторону выхода. Я невольно слежу за его движением, пытаясь понять, что привлекло его внимание.

— Мой город слышит, когда лгут, — произносит он, чуть сжимая челюсть, и голос становится жестче. — И он не терпит, когда его пытаются обмануть.

Предупреждение явно адресовано мне. Стараюсь ничем не выдать своего беспокойства, хотя его слова заставляют задуматься. Что именно он подразумевает под тем, что город слышит ложь? Возможно, речь идет о людях, которые следят за порядком, или о каких-то способах проверки чужаков. В любом случае теперь придется быть еще осторожнее.

— Если тебе есть что скрывать, — продолжает он, все еще глядя в сторону, — лучше уходи сейчас.

Он снова поворачивается ко мне, и по выражению его лица становится ясно, что предупреждение совершенно серьезное.

— Потому что потом я уже не отпущу.

Внутри все сжимается. Я понятия не имею, какие правила действуют в Арее и что происходит с теми, кто их нарушает, но проверять это на собственном опыте совершенно не хочется. Однако уйти сейчас означает отказаться от единственного шанса помочь Марии.

Поднимаю подбородок, стараясь выглядеть увереннее, чем чувствую себя на самом деле.

— Мне нечего скрывать, — говорю, и голос царапает горло, но не ломается. — Я хочу безопасную жизнь, место, где не нужно каждый день ждать нож в спину.

— Тогда пойдем, — говорит он.

После этих слов он разворачивается и направляется к выходу, даже не проверяя, последовала ли я за ним.

Несколько секунд смотрю ему вслед, затем иду за ним, сохраняя небольшое расстояние. Его уверенность по-прежнему настораживает. Он совершенно спокойно поворачивается ко мне спиной, хотя совсем недавно я пыталась ударить его ножом. Видимо, настолько убежден в собственном превосходстве, что больше не считает меня угрозой.

И, к сожалению, у меня нет причин сомневаться в его возможностях.

Мы проходим мимо разрушенных перегородок, направляясь к выходу. Мужчина хорошо ориентируется в полутемном помещении, без колебаний выбирая дорогу между обломками. Я стараюсь не отставать, одновременно запоминая расположение проходов на случай, если ситуация неожиданно изменится.

— Имя, — бросает он через плечо, будто между прочим. — Его все равно придется знать тем, кто идет за мной.

Не сразу понимаю, к чему он ведет, но мужчина сам отвечает на невысказанный вопрос.

— Крейден, — добавляет он спустя секунду.

Значит, Крейден. По крайней мере, теперь я знаю, как обращаться к человеку, от которого зависит мое попадание в Арею.

Он проходит еще несколько шагов и, не оборачиваясь, спрашивает:

— А тебя?

— Кайра, — произношу я, удерживая голос без колебаний, не позволяя ни одной лишней эмоции прорваться наружу.

Крейден некоторое время молчит, а затем повторяет:

— Кайра.

Он произносит мое имя так, что мне становится неуютно, хотя ничего угрожающего в этом нет. Возможно, после нашего столкновения я просто слишком остро реагирую на каждое его слово.

Мы выходим из здания, и прохладный вечерний воздух касается лица. За время, проведенное внутри, солнце почти скрылось за горизонтом. Разрушенные улицы постепенно погружаются в сумерки, а между зданиями становится все труднее различать возможные укрытия.

Невольно осматриваюсь, по привычке отмечая места, где можно спрятаться в случае опасности. После нескольких дней в пустошах я уже не способна спокойно находиться на открытом пространстве, особенно с наступлением темноты.

И именно тогда замечаю двоих мужчин возле входа. Они стоят немного в стороне, наблюдая за окружающей местностью. По одежде и снаряжению сразу понимаю, что передо мной не обычные путники. Оба вооружены и держатся с уверенностью людей, привыкших к опасности.

Первый высокий, в темном плаще с капюшоном, частично скрывающим лицо. Он стоит неподвижно, однако по тому, как повернута его голова, я понимаю, что мужчина внимательно следит за происходящим вокруг.

Второй заметно крупнее, с широкими плечами и крепким телосложением. На нем куртка цвета пыли, поверх которой закреплены ремни со снаряжением. Он выглядит более расслабленным, но оружие расположено так, чтобы в любой момент оказаться под рукой.

Инстинктивно делаю шаг назад, оценивая расстояние до ближайшего укрытия.

Крейден замечает мое движение и поворачивается.

— Не бойся. Они со мной.

Смотрю на него, затем снова на незнакомцев. Его слова немного успокаивают, но полностью доверять человеку, который совсем недавно прижимал меня к стене, было бы глупо.

Он слегка смещается, освобождая проход.

— Держись рядом, — говорит он уже тише и разворачивается вперед.

Следую за ним, стараясь не показывать своего беспокойства. По мере приближения к мужчинам все отчетливее замечаю, насколько внимательно они наблюдают за нами.

Особенно тот, что в капюшоне.

Когда мы подходим ближе, он поднимает голову и смотрит прямо на меня. Его внимание настолько сосредоточено, что я невольно напрягаюсь. Мужчина не рассматривает мою одежду или оружие, а продолжает изучать лицо, задерживая взгляд на глазах.

Не понимаю, что именно он пытается выяснить, но чувствую себя неуютно.

Стараюсь сохранять спокойствие, хотя после встречи с Крейденом нервы и без того на пределе. Незнакомец ничего не говорит и даже не приближается, однако его пристальное внимание заставляет меня еще сильнее следить за собственным поведением.

Второй мужчина тоже проявляет интерес, но смотрит совершенно иначе. Его взгляд ненадолго задерживается на моем лице, затем перемещается ниже, оценивая одежду. На губах появляется легкая ухмылка.

С ним хотя бы понятно, чего ожидать. Обычное любопытство, смешанное с желанием оценить незнакомого человека.

А вот мужчина в капюшоне вызывает куда больше вопросов.

Крейден останавливается немного впереди меня.

— Нашел? — коротко бросает тот, что в куртке, но взгляд все еще на мне.

Крейден не отвечает сразу, а поворачивается к мужчине в капюшоне.

Тот продолжает наблюдать за мной, и я начинаю раздражаться. Неужели нельзя просто спросить, что его интересует? Вместо этого он молчит, заставляя меня гадать, что именно привлекло его внимание.

Наконец мужчина переводит взгляд на Крейдена.

— Она боится, — произносит он.

От неожиданности я едва не вздрагиваю.

Он снова смотрит на меня.

— Что ты делаешь в пустошах? — спрашивает он.

Вопрос вполне ожидаемый, поэтому я уже знаю, что отвечу. Главное, не упоминать Кордекс и настоящую причину моего путешествия. Все остальное можно рассказать без опасений, ведь мне действительно пришлось бежать из Хардана.

— Я ушла из Хардана, — отвечаю честно. — Ищу место, где не нужно каждый день ждать нож в спину.

В собственном голосе слышу усталость, которую больше не получается полностью скрывать. За последние дни я слишком многое пережила, и желание оказаться в безопасности давно перестало быть просто удобным оправданием.

— И этим местом ты выбрала Арею? — следует сразу.

— Нет. Я не выбирала. Я просто бежала, не зная, куда идти. — Делаю короткую паузу, дыхание возвращается под контроль. — Это вы меня нашли.

Перевожу взгляд на Крейдена, напоминая себе, что именно он предложил отправиться с ним. Я не просила его о помощи и пока не сделала ничего, что могло бы вызвать подозрения.

Мужчина в капюшоне продолжает наблюдать за мной. Несколько секунд он молчит, а затем поворачивается к Крейдену.

— Она боится, — повторяет он чуть тише, — но говорит правду.

Откуда он может это знать?

Я действительно сказала правду, но незнакомец произнес это с такой уверенностью, будто ему известны все обстоятельства моего побега.

Внимательно смотрю на него, пытаясь понять, каким образом он пришел к такому выводу. Возможно, заметил что-то в моем поведении или просто хорошо разбирается в людях.

Но тогда почему он настолько уверен?

Неужели он способен каким-то образом определять, когда человек лжет?

Нет, это может быть обычная психологическая уловка. В Хардане я встречала людей, которые использовали подобные приемы, чтобы заставить собеседника нервничать и случайно выдать себя.

И все же теперь мне придется учитывать еще одного человека, способного помешать моим планам.

— Это Кайра, — говорит Крейден спокойно, без лишнего веса в голосе, чуть поворачивая ко мне голову, — теперь она с нами.

Он разворачивается ко мне полностью.

— А это Аксейд, — продолжает он, указывая на мужчину в капюшоне.

Потом на второго.

— И Демарис.

Аксейд слегка склоняет голову в знак приветствия, продолжая смотреть на меня. Я отвечаю коротким кивком.

Демарис ведет себя значительно проще. Он открыто разглядывает меня, затем усмехается.

— Ясно, — бросает он.

На этом знакомство заканчивается.

Крейден поднимает взгляд к небу. За время нашего разговора стало еще темнее, и теперь последние полосы дневного света едва различимы над горизонтом.

— Пора убираться из пустошей, — говорит он жестче.

Он первым направляется прочь от здания. Аксейд и Демарис следуют за ним, а я на мгновение задерживаюсь, пытаясь привести мысли в порядок.

Еще недавно я была совершенно одна, а теперь иду в компании трех вооруженных мужчин, о которых практически ничего не знаю. Один из них без особого труда обезоружил меня, второй каким-то образом определяет, когда я говорю правду, а третий пока просто наблюдает за происходящим с подозрительно довольным видом.

И именно от этих людей зависит, смогу ли я попасть в Арею.

Поправляю куртку и догоняю остальных. Мы покидаем разрушенный квартал и выходим на дорогу, ведущую через пустоши. С наступлением ночи окружающая местность постепенно исчезает в темноте. Вскоре различать удается лишь ближайшие участки дороги и силуэты мужчин впереди.

Крейден идет первым, освещая дорогу небольшим аккумуляторным фонарем. Узкий луч выхватывает из темноты обломки бетона, глубокие трещины и остатки разрушенных конструкций. Он выбирает безопасный путь, время от времени предупреждая нас о препятствиях и указывая, где лучше пройти.

Демарис держится немного сбоку, постоянно осматривая местность. Иногда выходит вперед, чтобы проверить дорогу, затем возвращается на прежнее место. Даже в темноте он замечает препятствия значительно раньше меня, хотя я привыкла полагаться на собственную внимательность.

Аксейд ведет себя еще необычнее. Он почти не смотрит по сторонам, зато постоянно прислушивается. Время от времени поворачивает голову, останавливается или меняет направление, прежде чем кто-либо из остальных замечает причину.

Несколько раз я пытаюсь определить, что именно привлекло его внимание, но не слышу ничего, кроме ветра и наших шагов.

Это начинает всерьез меня беспокоить.

Я уже убедилась, что Аксейд способен замечать то, что остается недоступным другим людям. Возможно, у него просто исключительно хороший слух, но даже это не объясняет его уверенности во время нашего разговора.

Кто ты вообще?

Некоторое время наблюдаю за ним, затем заставляю себя сосредоточиться на дороге.

Мы идем уже несколько часов, и усталость постепенно дает о себе знать. После долгого путешествия из Хардана ноги болят, а мышцы ноют от постоянного напряжения. Однако останавливаться не собираюсь. До Ареи осталось совсем немного, и теперь мне необходимо выдержать последний участок пути.

Стараюсь держаться ближе к Крейдену, выполняя его указания без лишних вопросов. Иногда он предупреждает о препятствии или показывает, с какой стороны лучше обойти разрушенную конструкцию.

Постепенно начинаю замечать, насколько слаженно они действуют. Мужчинам практически не требуется разговаривать. Каждый знает, за каким участком следить и когда необходимо вмешаться. Даже когда один из них останавливается, остальные понимают причину без дополнительных объяснений.

Рядом с ними я впервые за долгое время позволяю себе немного ослабить напряжение. Не потому, что полностью доверяю этим людям. Просто понимаю, что они способны справиться с большинством опасностей, которых мне приходилось избегать в одиночку.

И все же мысль о настоящей цели путешествия не дает покоя. Вспоминаю Марию, оставшуюся в Хардане, и невольно ускоряю шаг. Я не знаю, сколько времени у нее осталось, поэтому каждый потерянный день может оказаться решающим.

Через несколько часов впереди начинает вырисовываться массивная конструкция. Сначала замечаю опоры, затем длинный мост, уходящий через темную воду к противоположному берегу. А за ним появляются огни.

Останавливаюсь, не в силах сразу поверить увиденному.

Вдалеке раскинулся город, освещенный фонарями. Даже отсюда можно различить очертания зданий, укрепления и металлические конструкции, возвышающиеся над берегом.

Арея.

Несколько секунд просто смотрю на нее, чувствуя, как усталость отступает перед облегчением.

Я добралась.

После всех дней, проведенных в пустошах, после голода, опасностей и постоянного страха перед неизвестностью наконец вижу место, ради которого отправилась в путь.

Крейден замечает, что я остановилась, и тоже замедляет шаг. Он ничего не говорит, позволяя мне рассмотреть город.

Но я прекрасно понимаю, что самое сложное еще впереди.

Попасть в Арею — лишь первая часть моего плана. Теперь необходимо выяснить, где находится Кордекс и каким образом до него добраться, не раскрывая настоящих намерений.

Глава 9

Вдоль стен горят фонари, на наблюдательных постах дежурит охрана, а за воротами виднеются освещенные улицы. После нескольких часов в пустошах приятно снова оказаться дома, хотя сейчас мое внимание занимает совсем другое.

Кайра остановилась неподалеку и смотрит на город. Она внимательно рассматривает укрепления, ворота и людей на постах, стараясь ничего не упустить. Неудивительно, что после Хардана Арея вызывает у нее такой интерес, но в ее поведении есть нечто, что заставляет меня присмотреться внимательнее.

За время обратного пути я успел заметить, насколько хорошо она умеет скрывать свои чувства. Даже когда Аксейд заговорил о ее страхе, девушка не растерялась и сумела ответить на вопросы, не выдав ничего лишнего. Возможно, ей действительно нечего скрывать, однако полностью доверять незнакомке, найденной посреди пустошей, я пока не собираюсь.

И все же она меня заинтересовала.

Кайра невысокая, с хрупкой фигурой и мягкими чертами лица, но первое впечатление оказывается обманчивым. Я хорошо помню, с какой решимостью она бросилась на меня с ножом. Девушка понимала, что уступает мне в силе, однако даже после неудачной попытки нападения не собиралась сдаваться.

В ней чувствуется характер, который невозможно не заметить.

За годы управления Ареей я встречал немало людей, способных постоять за себя, но Кайра отличается от большинства женщин нашего города. Здесь им не приходится ежедневно бороться за выживание. Мы обеспечиваем безопасность, занимаемся снабжением и стараемся сделать все возможное, чтобы людям не нужно было рисковать жизнью ради еды или крыши над головой.

Она привыкла рассчитывать только на себя, и это заметно даже сейчас. Стоит совершенно спокойно, но при этом следит за происходящим вокруг, запоминая расположение охраны и ближайших проходов. Подобные привычки не появляются без причины.

Невольно задерживаю взгляд на ее лице. Девушка красива, и отрицать это бессмысленно. Особенно привлекают ее глаза, в которых даже после тяжелой дороги сохранилась решимость.

Черт возьми.

Мне совершенно не нравится, что я думаю об этом именно сейчас.

Прежде всего необходимо выяснить, можно ли ей доверять, а уже потом обращать внимание на все остальное. Однако каждый раз, когда Кайра оказывается рядом, я замечаю ее гораздо чаще, чем следовало бы.

Ворота начинают открываться. Охрана узнает нас и освобождает проход, позволяя вернуться в город.

Я поворачиваюсь к девушке.

— Добро пожаловать, — голос ровный, без церемоний. — В Арею.

Кайра смотрит на меня, затем снова переводит взгляд на открывающиеся ворота. Кажется, до этого момента она не была окончательно уверена, что я действительно позволю ей войти.

— Теперь ты под защитой, — продолжаю спокойно. — Под моей.

Она заметно удивляется, хотя пытается скрыть это.

— Здесь тебе больше нечего бояться.

Девушка молчит, и я подхожу немного ближе, желая убедиться, что она правильно меня поняла.

— Я встану между тобой и этим миром, — голос становится ниже, тяжелее, — ты больше не одна.

На этот раз Кайра не сразу находит ответ. Она смотрит на меня с таким выражением, будто услышанное совершенно не укладывается в ее представление о людях.

— За меня… — ее голос тихий, неровный, — за меня никогда не вставали, не прикрывали, не брали удар первыми и не говорили таких слов просто так.

Несколько секунд я не знаю, что сказать.

Мне трудно представить, через что ей пришлось пройти, если обычное обещание защиты вызывает такую реакцию. В Арее люди привыкли помогать друг другу, а для нее сама возможность положиться на кого-то оказывается неожиданностью.

Это вызывает неприятное раздражение. Не на Кайру, а на тех, кто довел ее до подобного состояния.

— Теперь будут, — без обещаний. — Я.

Она продолжает смотреть на меня, и я понимаю, что одних слов недостаточно. Придется доказать, что здесь все действительно иначе.

— Пойдем, — бросаю через плечо. — Ночь не ждет.

Мы проходим через ворота, которые закрываются за нами. На улицах еще достаточно людей: кто-то возвращается с работы, возле мастерских заканчивают разгружать ящики, из открытых окон доносятся разговоры. Несколько жителей приветствуют меня кивком, и я отвечаю тем же.

Кайра идет рядом, рассматривая все с нескрываемым интересом. После пустошей город, вероятно, кажется ей совершенно другим миром.

— Мы в бар, — бросает Демарис на ходу, уже разворачиваясь. — После пустошей грех не выпить.

Аксейд лишь коротко кивает, будто подтверждает маршрут, и они растворяются в людском потоке, каждый своим шагом, но в одном направлении.

Провожаю их взглядом и поворачиваюсь к Кайре.

— Я покажу, где ты будешь жить.

Она следует за мной по центральной улице, внимательно слушая объяснения. По дороге показываю мастерские, складские помещения и основные здания, а также предупреждаю, в какие части города нельзя заходить без разрешения. Кайра почти не задает вопросов, но я замечаю, что она старается запомнить все с первого раза.

Вскоре мы добираемся до столовой. Внутри тепло, пахнет едой. За несколькими столами еще ужинают рабочие, возле раздаточной стойки разговаривают женщины. Кайра останавливается у входа и осматривается, явно не ожидая увидеть столько еды в свободном доступе.

— Если голодна, можешь поесть, — говорю я, останавливаясь. — Здесь кормят всех.

— Я бы сначала… в душ.

После нескольких дней в пустошах ее желание вполне понятно.

— Марта.

Она появляется почти сразу, вытирая руки о фартук, и окидывает нас быстрым, цепким взглядом.

— Сынок, — говорит с прищуром, — ты это… новенькую привел?

— Да, — отвечаю я. — Это Кайра.

Марта сразу смягчается. Улыбка у нее теплая, настоящая, без оценки.

— Ну здравствуй, девочка, — говорит она. — Видно, дорога тебя не баловала.

Кайра чуть кивает. Не улыбается, но в ее лице появляется осторожное внимание.

— Марта, — продолжаю я, — где ее можно устроить?

— Луна живет одна, — говорит она, — домик у восточной линии, ей компания не помешает, и Кайре спокойнее будет, вместе не скучно.

— Какой дом? — уточняю.

— Третий от старой водяной башни, — отвечает она сразу. — Синий знак над дверью.

Марта поворачивается к Кайре и уже мягче добавляет:

— Пойдем со мной. Одежду подберем, полотенце, все, что нужно на первое время. Остальное потом.

Кайра смотрит на меня вопросительно.

— Я буду здесь, — говорю. — Жду.

Она уходит вместе с Мартой, а я остаюсь возле стойки, обдумывая, чем занять девушку в ближайшие дни. Для начала необходимо подобрать ей работу и объяснить основные правила города. С остальным разберемся позже.

— Это новенькая? — спрашивает знакомый голос.

Поворачиваюсь и вижу Нору. Она остановилась рядом и смотрит в сторону, куда ушли женщины.

— Да.

— И где ты ее взял? — продолжает Нора. — И зачем ты притащил ее в наш город?

Ее тон мне совершенно не нравится.

— Это не твое дело, — голос остается ровным, но холод не скрывается, — я здесь решаю.

— У меня плохое чувство, — говорит она. — От этой девки будут одни проблемы.

Нора продолжает стоять рядом, явно ожидая ответа. Однако обсуждать с ней Кайру я не намерен, тем более после подобных высказываний.

Несколько секунд мы смотрим друг на друга, пока она наконец не понимает, что продолжения разговора не будет. Раздраженно поджав губы, Нора разворачивается и уходит.

Провожаю ее взглядом. Я прекрасно понимаю, что появление незнакомки может вызвать вопросы, но это не дает никому права оскорблять человека, который только что оказался в нашем городе.

Через несколько минут возвращаются Марта и Кайра. Девушка держит в руках сверток с одеждой и необходимыми вещами.

— После душа приходи поесть, — говорит Марта. — Я буду ждать.

Благодарю ее и направляюсь к выходу.

Мы идем в сторону восточной части города, где расположены жилые дома. Здесь значительно спокойнее, чем возле центральной улицы. Большинство жителей уже разошлись по домам, лишь изредка навстречу попадаются люди, возвращающиеся с вечерней смены.

Кайра продолжает осматриваться, хотя усталость после дороги становится все заметнее.

Вскоре мы останавливаемся возле небольшого дома с синим знаком над дверью. Убеждаюсь, что адрес правильный, и стучу.

— Сейчас познакомлю тебя с Луной, — говорю я. — Она здесь живет. На первое время этого хватит.

Кайра кивает, но я решаю сразу объяснить еще один важный момент.

— Завтра решим, где ты будешь работать, — голос становится жестче, — в Арее лентяев не держат.

Девушка поднимает на меня глаза. Судя по выражению ее лица, мои слова ее нисколько не задели.

— Я и не собиралась быть одной из них, — отвечает спокойно.

Уже собираюсь продолжить разговор, когда она неожиданно добавляет:

— Я хочу присоединиться к вылазкам, к твоей команде.

Несколько секунд смотрю на нее, пытаясь понять, серьезно ли она это предлагает.

— Объясни.

— В Хардане я тренировалась, — говорит она, — и ходила в пустоши с группами, так проще добывать, выживать, обеспечивать себя, я хочу продолжить это здесь.

Делаю шаг ближе, внимательно глядя ей в глаза. Неужели после всего пережитого в пустошах она действительно собирается добровольно туда возвращаться?

— В моем городе, — говорю тихо, почти на ухо, — женщины не выходят в пустоши.

Выпрямляюсь, ожидая, что этого объяснения будет достаточно.

— И не рискуют жизнью ради добычи.

— И что ты мне предлагаешь? — спрашивает она. — На кухне работать?

В ее голосе появляется раздражение. Кайра смотрит на меня с явным недовольством, но я не собираюсь менять установленные правила только потому, что ей они не нравятся.

— Я не против любой работы, — продолжает она, — но я не собираюсь делать вид, что мир стал безопасным. Я хочу тренироваться. Хочу уметь защитить себя. Потому что здесь выживает не тот, за кого кто-то встанет, а тот, кто сам устоит.

Слушаю ее, стараясь не поддаваться раздражению. Она говорит уверенно и явно не собирается отказываться от своего желания. И хотя я понимаю, почему для нее так важно уметь защищаться, это совершенно не означает, что позволю ей участвовать в рейдах.

— Я уже сказал тебе, — произношу я. — В этом городе ты под моей защитой.

— А если тебя не окажется рядом? — спрашивает она сразу. — Если ты будешь в рейде, если тебя ранят, если ты не успеешь?

Вопрос заставляет меня нахмуриться.

— Кто тогда меня защитит?

На мгновение замолкаю, потому что в ее словах действительно есть смысл. Я не могу постоянно находиться рядом с каждым жителем Ареи, и Кайра прекрасно это понимает. Однако разрешить ей выходить за стены лишь потому, что она умеет обращаться с ножом, было бы безответственно.

— Я не хочу и не буду жить, полагаясь на чью-то спину, — продолжает она. — Я хочу рассчитывать на себя. Всегда.

Она находится в городе всего несколько минут, а уже требует изменить правила, которые действуют здесь годами.

И хуже всего то, что ее упрямство мне нравится.

— Завтра поговорим, — говорю жестко. — Не сейчас.

Кайра собирается что-то ответить, но я не даю ей возможности продолжить спор.

— Сегодня ты остаешься здесь.

Снова стучу в дверь. За ней слышатся шаги, и я поворачиваюсь к девушке.

— А дальше посмотрим, — добавляю тише. — Насколько ты готова спорить с этим городом.

Дверь открывается, и на пороге появляется Луна. Увидев меня, она удивленно приподнимает брови.

— Крейден? — удивляется она. — Что случилось?

— Все в порядке, Луна.

Отступаю в сторону, позволяя ей увидеть Кайру.

— Я привел тебе соседку. Она поживет здесь.

Луна переводит взгляд на девушку, и ее лицо сразу озаряется улыбкой.

— Наконец-то, — выдыхает она с улыбкой. — А то одной скучно.

Она делает шаг вперед и сразу протягивает руку.

— Я Луна.

— Кайра, — отвечает та и пожимает руку.

Наблюдаю, как они знакомятся. Луна всегда легко сходилась с людьми, поэтому надеюсь, что с ней Кайре будет проще привыкнуть к новой обстановке.

— Покажешь ей все? — спрашиваю коротко.

— Да, конечно, — отвечает она сразу, даже не раздумывая. — Все будет в порядке.

Киваю и обращаюсь к Кайре.

— Завтра я тебя найду, — поворачиваюсь к Кайре, голос остается спокойным, без жестокости, но с тем самым тоном, в котором не оставляют выбора, — и мы продолжим разговор.

После этого разворачиваюсь и направляюсь к базе. По дороге продолжаю обдумывать наш разговор. Кайра не просто попросила разрешения тренироваться, а сразу заявила, что хочет участвовать в вылазках. Причем говорила об этом так уверенно, будто не допускала возможности отказа.

Неужели она действительно считает, что я позволю ей рисковать жизнью?

В Арее достаточно мужчин, подготовленных к подобной работе. Мы не отправляем женщин в пустоши не потому, что считаем их неспособными постоять за себя, а потому, что стараемся избавить их от необходимости подвергаться такой опасности.

Я слишком хорошо знаю, чем заканчиваются неудачные рейды. За годы существования города мне приходилось терять людей, и каждый раз ответственность за принятое решение оставалась на мне.

Поэтому никаких исключений делать не собираюсь. Однако мысли снова возвращаются к Кайре.

Вспоминаю, как она смотрела на меня возле дома Луны, совершенно не смущаясь моего недовольства. Девушка даже не пыталась подобрать слова, которые могли бы мне понравиться. Просто говорила то, что считала правильным, и ждала ответа.

Чертова упрямица.

Невольно усмехаюсь, но почти сразу одергиваю себя. Мне совершенно не нужна еще одна проблема, особенно в лице женщины, которая с первого дня собирается оспаривать мои решения.

Добравшись до базы, прохожу по коридору и захожу в свою комнату. Снимаю оружие, проверяю крепления и раскладываю снаряжение по привычным местам. Затем избавляюсь от куртки и направляюсь в душевую.

Холодная вода помогает избавиться от усталости после долгой дороги. Несколько минут стою под струями, стараясь сосредоточиться на завтрашних делах, но мысли снова возвращаются к произошедшему.

Перед глазами возникает Кайра.

Вспоминаю нашу первую встречу в разрушенном здании, ее попытку ударить меня ножом и то, как она продолжала сопротивляться, даже оказавшись в заведомо проигрышном положении.

Затем ее лицо, когда я сказал, что теперь она находится под моей защитой.

Она действительно не ожидала услышать подобное.

Не знаю, почему меня так задела ее реакция. Возможно, потому, что я привык видеть благодарность или облегчение, а Кайра смотрела на меня с искренним недоверием.

И все же сильнее всего запомнился наш последний разговор. Ее уверенность, желание самой принимать решения и полное нежелание подчиняться установленным правилам.

В какой-то момент ловлю себя на том, что снова думаю о ее внешности. О том, как она поднимает подбородок, когда спорит, как смотрит прямо в глаза и как сжимает губы, если слышит то, что ей не нравится.

— Черт… — выдыхаю я сквозь зубы.

Провожу ладонью по мокрым волосам. Что за хрень со мной происходит? Я знаю эту девушку меньше суток, а она уже занимает слишком много места в моих мыслях.

Раздраженно ударяю кулаком по стене, но почти сразу жалею об этом. Костяшки отзываются болью, а ситуация от этого ничуть не меняется.

— Твою мать… — вырывается глухо.

Опираюсь ладонями о стену и опускаю голову под струи воды.

Завтра необходимо выяснить, что Кайра действительно умеет, и подобрать ей подходящую работу. Возможно, когда она немного освоится в городе, желание возвращаться в пустоши исчезнет само собой.

А если нет, придется еще раз объяснить.

Выключаю воду, окончательно решив больше не тратить сегодняшний вечер на мысли о незнакомке. Хотя прекрасно понимаю, что сделать это будет непросто.

Крейден разворачивается и уходит, оставляя меня на пороге дома Луны. Некоторое время смотрю ему вслед, все еще обдумывая наш разговор.

Я ожидала, что он откажет, но не думала, что сама идея моего участия в вылазках вызовет у него такое раздражение. Судя по всему, здесь действительно существуют строгие правила, и менять их ради незнакомой девушки никто не собирается.

Впрочем, сдаваться я тоже не намерена.

Мне необходимо получить возможность свободно покидать город и искать Кордекс. Если Крейден не позволит присоединиться к его команде, придется придумать другой способ.

От размышлений меня отвлекает Луна, которая берет меня за руку и с улыбкой приглашает внутрь.

— Пойдем! — говорит она. — Я покажу тебе дом. Он маленький, но уютный, правда! У тебя будет отдельная комната, не переживай. У нас есть кухня, а моя комната прямо напротив, так что если что — я рядом!

Она ведет меня по небольшому коридору, попутно рассказывая о доме. Говорит так увлеченно, что я едва успеваю следить за ее словами.

Внутри действительно уютно. Стены окрашены в светлые тона, на окнах висят занавески, а возле входа стоит небольшая полка с аккуратно расставленной обувью. После Хардана подобная обстановка кажется непривычной.

— Вот кухня, она маленькая, но мы тут почти всегда только чай пьем или что-нибудь разогреваем. Тут шкафчики, я сама их красила, представляешь? — она смеется. — А вот твоя комната. Смотри, окно выходит во двор, утром тут солнце, я обожаю это место.

Захожу следом за ней в комнату.

Здесь стоит кровать, небольшой стол и шкаф для одежды. На стене закреплена полка, а возле окна находится простая деревянная тумбочка. Все чистое и ухоженное, без следов сырости или разрушений, к которым я привыкла.

— А вот душ, — Луна толкает следующую дверь. — Вода горячая, иногда капризничает, но чаще всего все нормально. Если что — скажи, я разберусь.

Смотрю на небольшую душевую, с трудом веря, что теперь смогу пользоваться горячей водой, когда захочу.

Луна замечает мое удивление, но ничего не спрашивает. Вместо этого продолжает рассказывать о доме, показывая, где лежат полотенца и как пользоваться водонагревателем.

Наблюдая за ней, постепенно понимаю, насколько по-разному мы привыкли жить.

Луна свободно перемещается по дому, оставляет двери открытыми и совершенно не беспокоится о том, что кто-то может ворваться внутрь. Она не проверяет замки и не прислушивается к каждому звуку с улицы.

В Хардане подобная беспечность могла стоить жизни.

Но здесь, похоже, люди действительно чувствуют себя в безопасности.

— Ты, наверное, устала, — Луна наконец сбавляет темп и смотрит на меня внимательнее. — День был тяжелый?

— Я бы хотела в душ, — отвечаю честно. — Переодеться. Марта дала мне вещи… — я поднимаю сверток в руках. — А потом, если можно, перекусить. Я почти весь день ничего не ела.

— Конечно! — она кивает сразу, энергично. — Да-да-да, иди в душ. Я тебя подожду, а потом вместе пойдем в столовую.

Благодарю ее и направляюсь в душевую.

Закрыв дверь, некоторое время просто стою на месте. Впервые за последние дни мне не нужно искать укрытие, следить за дорогой или прислушиваться к звукам за стеной. Я нахожусь в настоящем доме, где есть горячая вода, чистая одежда и даже отдельная комната.

Пока это кажется почти невероятным.

Снимаю грязную одежду и складываю ее на лавку. Затем включаю воду и осторожно подставляю под струи ладонь, проверяя температуру.

Теплая вода приятно согревает кожу. Захожу под душ и закрываю глаза, позволяя себе наконец расслабиться после долгого путешествия.

Однако мысли довольно скоро возвращаются к Крейдену. Вспоминаю его лицо, когда я попросилась в команду. Он явно не ожидал подобного предложения и, судя по всему, совершенно не привык, чтобы с ним спорили.

В Хардане власть принадлежит Эрдану, и там любое несогласие может закончиться наказанием. Люди давно научились молчать, даже когда решения правителя ставят их жизни под угрозу.

Поэтому я ожидала чего-то подобного и от Крейдена. Но он не наказал меня за дерзость и даже не попытался запугать, чтобы заставить замолчать. Просто отказал и перенес разговор на завтра.

Конечно, это еще не означает, что ему можно доверять. Я слишком мало знаю о нем и об Арее, чтобы делать окончательные выводы.

И все же различия между двумя городами становятся все заметнее. Здесь есть электричество, горячая вода, еда и люди, которые не выглядят измученными постоянным голодом. Марта встретила меня с искренней заботой, а Луна без колебаний согласилась разделить дом с совершенно незнакомой девушкой.

Я невольно задумываюсь, каково это — жить здесь постоянно. Просыпаться утром, не беспокоясь о том, хватит ли еды на следующий день. Работать, возвращаться домой и знать, что ночью никто не попытается отнять последнее.

На мгновение позволяю себе представить подобную жизнь. А затем вспоминаю Марию.

Она осталась в Хардане, больная и совершенно беспомощная. Я не знаю, насколько ухудшилось ее состояние за время моего отсутствия, и одна мысль об этом заставляет забыть обо всем остальном.

Кордекс.

Мне необходимо выяснить, где он находится и как его получить. А для этого придется завоевать доверие людей, которые только что приняли меня в свой город.

От этой мысли становится неприятно.

Марта и Луна ничего плохого мне не сделали. Крейден тоже, несмотря на свою жесткость, предоставил мне защиту и место для ночлега. Они не знают, что у меня есть другая цель, и я намеренно скрываю ее.

Но отказаться от своего плана означает оставить Марию умирать. А этого я не допущу.

Выключаю воду, вытираюсь и надеваю чистую одежду. Вещи оказываются немного свободными, зато удобными и приятными к телу.

Подхожу к зеркалу и внимательно рассматриваю отражение. После душа лицо выглядит значительно лучше, хотя усталость по-прежнему заметна. Волосы еще влажные, а на коже остались небольшие царапины после путешествия через пустоши. Убираю волосы с лица и выхожу из душевой.

Луна сразу поднимает голову.

— Ну что, — улыбается она широко, — пойдем? Мы накормим тебя так, что ты потом ходить не сможешь.

Не удерживаюсь от улыбки и следую за ней. На улице уже совсем темно, но дорогу хорошо освещают фонари. Из некоторых домов доносятся разговоры, где-то смеются дети, а возле мастерских еще работают несколько человек.

Мы добираемся до столовой, когда большинство жителей уже закончили ужинать. За столами почти никого не осталось, зато Марта все еще находится возле раздаточной стойки.

Увидев нас, она сразу улыбается.

— Ну наконец-то, — говорит она. — Садись, доченька, голодной я тебя спать не отпущу.

Сажусь за ближайший стол, а Марта начинает приносить еду. Передо мной появляются тарелка с горячим блюдом, хлеб, миска с овощами и кружка чая.

Смотрю на все это, не зная, с чего начать.

— Это… — я запинаюсь, — слишком много.

Марта фыркает.

— Для человека, который целый день на ногах, это только начало.

Луна уже усаживается рядом, подтягивает кружку с чаем.

— Ешь, — говорит она. — У нас так принято.

Беру ложку и пробую еду.

После нескольких дней скудных запасов горячий ужин кажется настоящим подарком. Я стараюсь есть спокойно, но голод быстро берет свое, и вскоре тарелка оказывается почти пустой.

Марта замечает это и довольно улыбается. Никто не торопит меня и не следит за количеством съеденного. Здесь еда не выглядит роскошью, которую необходимо заслужить или отнять у другого.

Для местных жителей это обычный ужин. А для меня — нечто, о чем в Хардане многие могут только мечтать.

— Ты откуда? — спрашивает Луна, наклоняясь ко мне с любопытством.

— Из Хардана, — отвечаю я, не поднимая глаз.

— Из Хардана?.. — Марта опускается на скамью напротив. — Говорят, там… тяжело.

— Там не живут. Там выживают. Каждый день. Люди злые, голодные, постоянно ждут удара. Если ты слаб, тебя ломают. Если сильный, пытаются сломать еще сильнее.

Луна смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

— И ты… ты там выросла?

— Да.

— Всю жизнь? — тихо уточняет Марта.

Киваю.

Перед глазами возникают знакомые улицы, разрушенные дома и люди, которые ежедневно борются за еду. Вспоминаю постоянный страх перед солдатами Эрдана и то, как тщательно приходилось скрывать любые запасы.

Я никогда не знала другой жизни.

Некоторое время женщины молчат. Кажется, им трудно представить, насколько тяжелыми могут быть условия за пределами Ареи.

— Ты через такое прошла… — наконец выдыхает она. — Я даже представить не могу.

Марта тянется через стол и осторожно обнимает меня. От неожиданности я замираю, не сразу понимая, как реагировать на ее заботу.

— Теперь ты здесь, — говорит она тихо. — Здесь безопасно. И Крейден… он не допустит, чтобы с тобой что-то случилось. Можешь не бояться завтрашнего дня.

Я действительно хочу поверить, что теперь все будет иначе. Что смогу остаться в этом городе, работать, возвращаться вечером домой и больше не беспокоиться о том, удастся ли пережить очередную ночь.

Сжимаю кружку обеими руками, стараясь не показывать женщинам своего волнения. Как бы сильно мне ни хотелось остаться здесь, я не имею права забывать, ради чего пришла.

Глава 10

Просыпаюсь раньше обычного и некоторое время лежу, прислушиваясь к звукам за окном. После жизни в Хардане привычка вставать с рассветом никуда не исчезла, хотя здесь мне впервые за долгое время не нужно беспокоиться о собственной безопасности.

В доме тихо. Из кухни доносится негромкий звон посуды, и я понимаю, что Луна уже проснулась.

Поднимаюсь с кровати, привожу себя в порядок и выхожу из комнаты. Луна сидит за столом с кружкой чая, но, заметив меня, сразу улыбается.

— Ты уже встала? Подожди, сейчас и тебе заварю.

Она поднимается, достает из шкафчика вторую кружку и начинает хлопотать возле чайника. Я сажусь за стол, наблюдая за ней. Луна кажется совершенно довольной наступившим утром, и ее хорошее настроение постепенно передается мне.

В Хардане утро редко начиналось так спокойно. Обычно приходилось думать о еде, работе и о том, как избежать неприятностей. Здесь же можно просто сидеть на кухне и ждать, пока заварится чай.

Луна ставит передо мной кружку.

— Держи. Согревайся.

— Спасибо.

Обхватываю кружку ладонями и делаю небольшой глоток.

— Чем ты занимаешься? — спрашиваю я.

— Я шью, — говорит она, — одежду, снаряжение, чиню, переделываю, люблю пробовать новое, иногда делаю платья.

— Платья? — переспрашиваю я.

— Да, — смеется она, — праздников у нас немного, но каждой женщине платье не помешает, даже если просто для себя.

Невольно улыбаюсь. В Хардане мне редко доводилось видеть женщин в красивых платьях. Большинство носили то, что удавалось достать, и гораздо больше заботились о прочности ткани, чем о внешнем виде.

Луна делает еще глоток чая и с любопытством смотрит на меня.

— А ты чем будешь заниматься?

— Я хочу попасть в команду Крейдена, — отвечаю, не отводя взгляда.

— Что?.. Нет. Он тебя не возьмет, у нас женщины не выходят в пустоши, — отвечает она, явно ошарашенная.

— Посмотрим, — отвечаю спокойно. — Как он меня не возьмет.

Луна качает головой. Судя по выражению ее лица, она считает мою затею совершенно безнадежной.

— Где у вас тренировочная база? Где тренируется команда? — спрашиваю я.

— Я уже вижу, что ты задумала. Ты хочешь пойти на тренировку?

— Хочу.

— Кайра… Крейден будет в ярости, — говорит она с явным беспокойством.

— Не волнуйся за меня, — отвечаю я, не отводя взгляда. — Я разберусь с ним. Где тренировки?

Луна вздыхает, понимая, что отговаривать меня бесполезно.

— В ангаре, — отвечает она. — На восточной стороне, там у них база.

— Спасибо.

— Пойдем завтракать, — добавляет она. — А потом мне на работу.

Допиваем чай и выходим из дома.

Утром Арея выглядит еще оживленнее, чем накануне. По улицам идут рабочие, возле мастерских разгружают ящики, а у жилых домов женщины разговаривают с соседями. Здесь никто не прячется и не оглядывается при каждом постороннем звуке. Люди занимаются привычными делами, не ожидая, что в любой момент придется бросить все и спасаться бегством.

По дороге Луна рассказывает о своей работе и о том, сколько заказов ей предстоит закончить за ближайшие дни. Я слушаю ее, попутно запоминая улицы и расположение зданий.

В столовой нас встречает Марта. Увидев меня, она приветливо улыбается.

— Садись, — говорит она. — Сейчас все будет.

Мы устраиваемся за столом, и вскоре перед нами появляется завтрак. Луна продолжает рассказывать о работе, Марта время от времени присоединяется к разговору, а я постепенно привыкаю к их непринужденному общению.

После еды благодарю Марту и поднимаюсь из-за стола. Луна обнимает ее на прощание, затем мы вместе выходим на улицу.

— Мне пора бежать. Увидимся позже?

— Да.

Она машет рукой и направляется к мастерским.

Провожаю ее взглядом, затем поворачиваю в сторону восточной части города.

До ангара еще нужно добраться, поэтому решаю воспользоваться возможностью и немного осмотреться. Теперь, при дневном свете, Арея кажется значительно больше.

И где-то здесь раньше находился Сектор А. От этой мысли становится неуютно.

Я знаю, что когда-то была здесь, но почти ничего не помню. Иногда в памяти возникают отдельные образы: длинные коридоры, яркое освещение, люди в медицинской одежде. Вспоминаются уколы и боль после процедур, но стоит попытаться восстановить последовательность событий, как воспоминания обрываются.

Оглядываюсь внимательнее, надеясь увидеть что-нибудь знакомое.

Большинство зданий выглядят жилыми, однако среди них замечаю старое сооружение, заметно отличающееся от остальных. Массивные стены, металлические двери и сохранившиеся элементы укреплений указывают на то, что раньше оно использовалось совсем для других целей.

Останавливаюсь, рассматривая его. Возможно, именно там стоит начать поиски Кордекса. Но сейчас подходить ближе неразумно. Я нахожусь в городе меньше суток, и любое подозрительное поведение может привлечь ненужное внимание.

Для начала необходимо заслужить доверие Крейдена и остальных жителей. Если мне удастся попасть в его команду, появится гораздо больше возможностей узнать, что осталось от прежнего Сектора А.

Ангар нахожу без особого труда. Еще на подходе слышу удары, мужские голоса и звон металла. Судя по звукам, тренировки уже начались.

Подхожу к дверям и вхожу внутрь. Помещение оказывается просторным. В разных его частях занимаются мужчины: одни отрабатывают рукопашные приемы, другие тренируются с оружием, несколько человек работают с тяжелыми мешками. Возле дальней стены расположена площадка для упражнений на скорость и координацию.

Я останавливаюсь у входа, оценивая обстановку. Постепенно разговоры начинают стихать. Один из мужчин замечает меня, затем оборачиваются остальные. Вскоре почти все присутствующие смотрят в мою сторону.

Судя по их лицам, появление женщины здесь действительно большая редкость.

От центральной площадки отделяется молодой парень. Он высокий, жилистый, с короткими волосами и доброжелательным выражением лица. Подойдя ближе, останавливается передо мной.

— Ты дверью ошиблась, — говорит он спокойно.

— Нет, — отвечаю. — Я пришла тренироваться.

На несколько секунд повисает тишина, а затем вокруг раздается смех. Кто-то присвистывает, несколько мужчин обмениваются замечаниями.

Парень тоже усмехается.

— Ты серьезно? — спрашивает он, оглядывая меня уже внимательнее. — Это место не для женщины.

— Мне все равно, что ты считаешь, — отвечаю. — Я пришла тренироваться. Значит, я буду тренироваться.

Он удивленно приподнимает брови, но спорить не спешит. Вместо этого еще раз рассматривает меня, будто пытается вспомнить, где мог видеть.

— Ты новенькая, да? Та самая… из Хардана?

— Да.

— Понятно. Про Хардан мы наслышаны, — он выдыхает и качает головой. — Если хочешь тренироваться, я тебя держать не буду.

Он протягивает руку и улыбается.

— Кстати, Крис.

— Кайра.

— Ладно, — кивает он. — Пойдем, покажу, что тут и как.

Следую за ним, но пройти далеко мы не успеваем. К нам подходят еще двое мужчин. Первый крупный, с широкими плечами и серьезным выражением лица. Он останавливается рядом с Крисом и недовольно смотрит на меня.

— Ты серьезно? — спрашивает он. — Ты с ней тренироваться собрался?

— А почему бы и нет? — отвечает Крис легко. — Она сама пришла. Никто ее не тащил.

— Крейден в курсе? — хмурится мужчина.

— Макс, — вздыхает Крис, — Крейдена здесь нет, мы не можем у него спросить. Она хочет тренироваться, пусть тренируется, я проблемы не вижу.

Второй мужчина до сих пор молчит. Он внимательно наблюдает за происходящим, но по выражению его лица трудно понять, что он думает.

— Грей, — бросает Крис, — ты так смотришь. Мне ее выгнать?

Решаю вмешаться, пока они окончательно не превратили мое появление в предмет общего обсуждения.

— Я никуда не уйду, — говорю твердо. — Я пришла тренироваться. Значит, я буду тренироваться.

Обхожу мужчин и направляюсь к стойке с тренировочным оружием. Здесь лежат ножи и клинки разной длины. Выбираю подходящий по весу нож, проверяю рукоять и баланс. Оружие удобно лежит в ладони, позволяя свободно менять хват.

Поворачиваюсь к Крису.

— Ты со мной?

— Да, — говорит он. — Я с тобой.

Он берет второй тренировочный нож и выходит на свободную площадку.

Я занимаю позицию напротив, оценивая расстояние между нами. Крис держится уверенно, но по расслабленной стойке понимаю, что серьезного сопротивления от меня не ожидает.

Что ж, придется его переубедить.

Начинаю первой, направляя нож к его боку. Крис успевает поставить блок и отходит, удивленно посмотрев на меня.

— Эй, — бросает он с усмешкой, — спокойно…

Не отвечаю и продолжаю атаку. Проверяю его защиту несколькими выпадами, меняю направление и пытаюсь обойти сбоку. Крис без особого труда отражает удары, однако сам не атакует. Он явно старается действовать осторожнее, чем во время обычной тренировки.

Это начинает раздражать. Я пришла сюда не для того, чтобы со мной обращались как с ребенком.

Увеличиваю темп, заставляя его чаще менять положение ног. Крис продолжает защищаться, хотя теперь ему приходится уделять больше внимания моим движениям.

— Ты что делаешь? — вырывается у меня. — Перестань меня жалеть.

Он смеется, даже не запыхавшись.

— Я не могу на тебя идти в полную силу, — говорит он, отбивая очередной выпад. — Ты же… ну, ты понимаешь.

— Нет, — бросаю резко. — Не понимаю.

Снова атакую, на этот раз направляя нож к его плечу. Крис блокирует удар и отступает, не пытаясь воспользоваться открывшейся возможностью для ответного выпада.

Я окончательно убеждаюсь, что он намеренно сдерживается.

— Ты злишься, — говорит он между блоками. — Это нормально, но…

— Нападай, — перебиваю. — Или уходи с дороги.

Он качает головой, но теперь смотрит на меня внимательнее.

— Ты упрямая, знаешь?

Вместо ответа снова иду вперед. Наши ножи сталкиваются, и Крису приходится изменить стойку, чтобы удержать равновесие. Вокруг постепенно собираются зрители. Несколько мужчин прекращают собственные занятия и подходят ближе.

— Смотри-ка, — доносится из толпы.

— Она серьезно…

— Крис, давай уже…

Стараюсь не обращать внимания на выкрики.

Крис выше и сильнее меня, поэтому пытаться победить его за счет прямого столкновения бессмысленно. Вместо этого использую скорость, меняю направление атак и стараюсь заставить его ошибиться.

После очередного блока делаю обманное движение к плечу, но в последний момент меняю направление и направляю нож к его боку.

Крис успевает перехватить мою руку, однако на этот раз заметно удивляется.

— Ладно, — выдыхает он. — Понял.

Он меняет стойку и наконец переходит в наступление.

Первый удар приходится отражать с усилием. Следующий направлен сбоку, и я едва успеваю отвести его клинок. Крис больше не ограничивается защитой, заставляя меня постоянно двигаться и искать возможность для ответной атаки.

Вот теперь начинается настоящая тренировка. Я отступаю, пропуская его вперед, затем пытаюсь обойти с другой стороны. Крис замечает маневр и перекрывает направление. Наши ножи снова сталкиваются, отдавая неприятной вибрацией в запястье.

Вокруг слышатся голоса, но я уже почти не обращаю на них внимания. Все мысли сосредоточены на противнике. Крис действует грамотно. Он хорошо контролирует дистанцию и не оставляет очевидных возможностей для атаки. Несколько раз мне удается приблизиться, но каждый раз он вовремя меняет положение и заставляет меня отступить.

Я понимаю, что он опытнее, однако не собираюсь прекращать поединок.

Постепенно мы оба начинаем уставать. Дыхание учащается, мышцы рук напрягаются от постоянных блоков. Несмотря на это, Крис продолжает наступать, а я стараюсь использовать каждую возможность для контратаки.

Зрители все громче обсуждают происходящее. Некоторые подбадривают Криса, другие с интересом наблюдают за моими попытками пробить его защиту.

И хотя победить мне пока не удается, я уже добилась главного. Теперь он воспринимает меня всерьез.

Просыпаюсь после нескольких часов сна и сразу поднимаюсь с кровати. Благодаря Кордексу моему организму требуется значительно меньше времени на восстановление, поэтому даже короткого отдыха обычно достаточно.

Накануне я задержался в мастерской, проверяя оружие после рейда. Несколько клинков нуждались в заточке, у одного меча обнаружилось поврежденное крепление. Пришлось разобрать его и заменить деталь, прежде чем вернуть на место.

Подобная работа помогает отвлечься от повседневных забот. Здесь все зависит от точности движений и качества материалов, а результат можно проверить сразу.

Закончив с оружием, я позволил себе немного отдохнуть. Теперь необходимо заняться городскими делами и выяснить, как устроилась Кайра.

Надеваю одежду, закрепляю ножи и выхожу из комнаты. На улице уже светло. Жители направляются на работу, возле складов начинается разгрузка, а из мастерских доносятся первые звуки инструментов. По дороге в столовую отвечаю на приветствия нескольких рабочих.

Внутри достаточно людно. Беру завтрак и устраиваюсь за свободным столом возле стены.

Вскоре замечаю приближающихся Аксейда и Демариса.

— Ну что, — начинает Демарис, усаживаясь напротив. — Где новенькая? Ты ей все показал?

Поднимаю взгляд от тарелки.

— После еды пойду к ней, — отвечаю я. — Надо решить, чем она будет заниматься в городе.

— Ничего такая, — говорит он без нажима, но с тем самым мужским оттенком оценки, который я считываю мгновенно.

Смотрю на него, давая понять, что обсуждать внешность Кайры не собираюсь.

Демарис усмехается.

— Ладно, ладно, — бросает он. — Понял.

Перевожу внимание на Аксейда.

— Внешне не опасна, — говорю. — Но внутри у нее есть сила. Это чувствуется.

Аксейд некоторое время молчит, обдумывая услышанное.

— Я не услышал в ней угрозы, — говорит он спустя секунду. — И не почувствовал лжи. Она боится. Но говорит правду. Насколько это возможно.

Киваю.

Его способности позволяют замечать многое, что остается недоступным обычному человеку. Однако даже Аксейд не способен знать все мысли незнакомки, поэтому окончательные выводы делать пока рано.

К нашему столу подходит Марта.

— Может, еще что-нибудь? — спрашивает она, оглядывая нас троих. — Добавить?

— Нет, — отвечаю, поднимаясь. — Я уже ухожу. Мне нужно найти Кайру.

Марта на мгновение задумывается.

— А… она, кажется, собралась тренироваться.

— Что? — я поворачиваюсь к ней.

Марта замечает изменение моего настроения и осторожно продолжает:

— Они с Луной завтракали, — продолжает она осторожно. — Потом Луна побежала на работу, а Кайра… вроде пошла к тренировочной базе.

Несколько секунд смотрю на нее, не веря услышанному.

Только вчера я объяснил Кайре, что женщины не участвуют в рейдах, и пообещал обсудить этот вопрос сегодня. Неужели она решила, что может просто явиться на тренировку, не дожидаясь моего разрешения?

Отодвигаю стул и направляюсь к выходу.

За спиной слышу, как поднимаются Аксейд и Демарис. Они следуют за мной, не задавая вопросов.

По дороге к ангару пытаюсь сдержать раздражение. Кайра находится здесь меньше суток, но уже успела нарушить установленный порядок. И дело даже не в самой тренировке. Она прекрасно понимала, что я против, однако все равно решила поступить по-своему.

Когда приближаемся к ангару, слышу громкие выкрики и звон сталкивающегося оружия. Похоже, там происходит что-то интересное.

Подхожу к дверям и открываю их. Внутри собралась толпа. Мужчины окружили центральную площадку, оставив свободное пространство для поединка. Большинство настолько увлечены происходящим, что даже не замечают нашего появления.

Протискиваться не приходится: несколько человек оборачиваются, узнают меня и отходят в сторону.

И тогда я вижу Кайру. Она стоит напротив Криса с ножом в руке. Волосы растрепались, на лице заметны следы усталости, но девушка продолжает атаковать, заставляя противника отражать удары.

Несколько секунд наблюдаю за происходящим.

Крис явно старается контролировать силу, однако Кайра не дает ему расслабиться. Она грамотно использует скорость и пытается обходить защиту, хотя разница в подготовке заметна.

И все же это совершенно не оправдывает ее поступок. Я запретил ей участвовать в подобных занятиях без разрешения, а она устроила показательный поединок перед половиной тренировочного состава.

Замечаю, как Крис поднимает голову и видит меня. Он сбивается с движения и опускает оружие. Кайра не сразу понимает, почему противник остановился. Она делает еще один шаг, затем замечает, куда он смотрит, и оборачивается.

Наши взгляды встречаются. По выражению ее лица понимаю, что она прекрасно осознает причину моего появления.

Подхожу к ней, намереваясь немедленно прекратить этот спектакль. Кайра стоит с ножом в руке, тяжело дыша после поединка, но даже не пытается оправдаться.

Убираю оружие из ее руки, перехватываю девушку за талию и поднимаю, закидывая себе на плечо.

— Отпусти меня! — она срывается на крик.

Кайра начинает вырываться, колотит меня кулаками по спине и пытается освободиться. Я крепче удерживаю ее, не позволяя соскользнуть.

— Еще один звук, — произношу я низко, почти лениво, но в голосе скрипит сталь, — и я покажу тебе, чем заканчиваются истерики.

Она не прекращает сопротивляться, однако мне без особого труда удается удерживать ее на плече.

Прохожу мимо собравшихся мужчин, не обращая внимания на их взгляды. Никто не пытается вмешаться, хотя Демарис, судя по усмешке, находит происходящее весьма забавным.

Аксейд наблюдает за нами с привычным спокойствием.

Выхожу из ангара и направляюсь к свободному участку возле здания. Кайра продолжает возмущаться и вырываться, поэтому решаю поставить ее на землю, пока она не умудрилась навредить себе.

Опускаю девушку, но она тут же пытается оттолкнуть меня. В результате мы оба теряем равновесие, и Кайра оказывается на траве.

Успеваю опереться руками по обе стороны от ее плеч, не позволяя собственному весу придавить ее.

Она смотрит на меня с откровенной яростью.

— Я тебе сказал, — голос у меня низкий, жесткий, без тени сомнения. — Ты не будешь тренироваться. Не здесь. Не в моем городе.

— Ты мне не хозяин! — она почти кричит, упираясь ладонями мне в грудь, пытаясь оттолкнуть. — Я не собираюсь жить по твоим правилам только потому, что ты так решил!

Не отступаю, хотя понимаю, что подобное положение лишь сильнее ее раздражает.

— Ты ослушалась меня, — продолжаю я, глядя прямо ей в глаза. — И сделала это показательно. Перед всеми.

— А если я хочу тренироваться? — бросает она. — Если я не собираюсь ждать, пока кто-то решит, можно мне жить или нет?

Наклоняюсь ближе, стараясь заставить ее наконец услышать меня.

— Тогда ты выбрала неправильный город, — говорю тихо. — Потому что здесь решения принимаю я.

Кайра смотрит на меня с таким возмущением, будто готова снова наброситься с кулаками.

— Ты думаешь, что можешь меня сломать? — шипит она. — Запретами? Давлением?

— Я думаю, — отвечаю медленно, — что ты не понимаешь, куда пришла.

Она продолжает упираться ладонями мне в грудь, пытаясь увеличить расстояние между нами. Я отстраняюсь достаточно, чтобы ей было удобнее двигаться, но остаюсь рядом.

— Я не отступлю, — говорит она. — Ни ради тебя. Ни ради твоих правил.

— А я не позволю, — отвечаю с нажимом, — чтобы в моем городе женщина рисковала жизнью только потому, что не умеет останавливаться.

— Я умею, — бросает она. — Я просто не хочу.

Несколько секунд смотрю на нее, обдумывая услышанное.

Похоже, обычными запретами ничего добиться не удастся. Кайра слишком привыкла самостоятельно принимать решения, и любое давление лишь усиливает ее желание сопротивляться.

При этом я не могу отрицать, что она действительно умеет обращаться с оружием. Даже Крису пришлось приложить усилия, чтобы отражать ее атаки.

Возможно, разумнее позволить ей тренироваться, но под моим непосредственным контролем. По крайней мере, так я смогу оценить ее способности и убедиться, что она не подвергает себя ненужному риску.

— Хорошо, — говорю наконец, голос остается жестким, но уже без удара, — хочешь тренироваться?

Кайра настораживается.

— Тогда ты будешь тренироваться со мной.

По ее лицу понимаю, что она совершенно не ожидала такого предложения. Впрочем, пусть не думает, что я собираюсь делать ей поблажки. Если девушка действительно хочет доказать свою подготовку, придется заниматься наравне с остальными.

— Ты думаешь, ты меня напугал? — говорит она. — В Хардане мужчины меня никогда не жалели. Никогда. После тренировок я приходила домой вся в синяках. Иногда еле шла. Иногда не могла поднять руки.

Она смотрит мне прямо в глаза.

— И это меня не остановило.

Слушаю ее, постепенно понимая, насколько тяжелыми были условия, в которых она училась защищаться.

В Арее мы тоже проводим серьезные тренировки, но никто не стремится доводить людей до состояния, когда они не могут самостоятельно добраться домой. Подготовка должна повышать шансы выжить, а не превращаться в бессмысленное избиение.

Видимо, Кайра привыкла к совершенно другому отношению.

— Не смотри на меня так, — резко говорит она. — Не надо меня жалеть.

Понимаю, что она заметила мою реакцию. Убираю с ее лица выбившуюся прядь волос, и девушка на мгновение замолкает.

— Кайра, — говорю тише. — Жить можно по-другому.

Она смотрит на меня, не отвечая.

— В этом городе, — продолжаю я, — в моем городе… это возможно.

Несколько секунд мы молчим. Я не знаю, поверила ли она моим словам, но ее выражение постепенно меняется.

— Хорошо, — говорит наконец. — Я согласна. На тренировки с тобой.

Отстраняюсь и поднимаюсь на ноги, затем протягиваю ей руку.

Кайра смотрит на мою ладонь, будто все еще сомневается, стоит ли принимать помощь. Наконец вкладывает свою руку в мою, и я помогаю ей подняться.

Она оказывается совсем близко, и я невольно задерживаю взгляд на ее лице.

Твою мать.

Отпускаю ее руку и возвращаюсь к разговору.

— Сегодня осматривай город, — говорю уже спокойнее. — А завтра начнем.

— Значит, ты будешь брать меня с собой в пустоши? — спрашивает прямо. — Не только тренировки. Рейды.

— Если докажешь, что способна постоять за себя, — отвечаю. — Тогда подумаю.

— Я докажу.

Смотрю на нее, качаю головой и выдыхаю сквозь зубы:

— Боже… да ты невозможная.

И, против воли, уголок рта все-таки дергается вверх.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.